

William J. Pomeroy

**AMERICAN
NEO-COLONIALISM
ITS EMERGENCE
IN THE PHILIPPINES
AND ASIA**

International Publishers
New York, 1970

№ 368

Уильям Помрой

**СТАНОВЛЕНИЕ
АМЕРИКАНСКОГО
НЕОКОЛОНИАЛИЗМА**

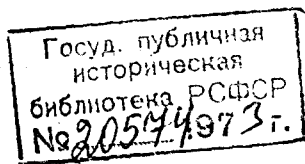

Перевод с английского
С. А. Рапопорт

Под редакцией доктора исторических наук
Г. И. Левинсона

Послесловие доктора исторических наук
И. П. Дементьева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1973

Редакция литературы по вопросам рабочего и коммунистического движения и международных отношений

1-11-5
58—73

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию советского читателя книга «Ставление американского неокolonизма» написана американским ученым Уильямом Помрой — человеком яркого и своеобразного творческого облика, в котором органично сочетаются черты вдумчивого исследователя, темпераментного публициста и активного политического деятеля. Свою трудовую жизнь У. Помрой начал рабочим в Нью-Йорке. В конце тридцатых годов он вступил в ряды Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки. Во вторую мировую войну служил в авиации на Тихом океане, участвовал в боях за освобождение Филиппин. Вскоре после демобилизации он снова приехал на Филиппины, на этот раз с целью написать книгу о национально-освободительной борьбе филиппинского народа. В это время здесь вспыхнуло крестьянское восстание, и Помрой не остался сторонним наблюдателем — он вступил в ряды повстанцев. В 1952 году Помрой был ранен, взят в плен и приговорен к пожизненному заключению, но под давлением широкой кампании в США и за рубежом в его защиту в 1962 году был освобожден. С тех пор У. Помрой живет в Англии, занимается научным трудом, одновременно является корреспондентом американской коммунистической газеты «Дейли уорлд».

Из-под пера Помрой вышло семь книг и несколько десятков статей по вопросам истории, теории и практики национально-освободительного движения, множество обзоров по актуальным международным проблемам. Кроме того, он пишет стихи и рассказы. Помрой неоднократно бывал в Советском Союзе и в 1967 году опубликовал книгу «Полвека социализма», рассказывающую об успехах

советского народа в социалистическом и коммунистическом строительстве.

Книга «Становление американского неокolonиализма», написанная Помроем в 1970 году, — плод его многолетних трудов и размышлений*. Свое исследование автор основывает на анализе широкого круга источников. Книга написана живо, с публицистической страстностью.

Автор поставил перед собой задачу, опираясь на ленинскую теорию империализма, вскрыть исторические корни той политики, которая на современном этапе борьбы империалистических стран за сохранение своих экономических позиций в бывших колониях получила название «неокolonиализм». Хотя основным материалом для исследования ему послужили Филиппины, выводы Помроя имеют значение для понимания эволюции колониализма в целом. Представляет интерес исследование автором истории Антиимпериалистической лиги, деятельность которой проходила на рубеже XIX и XX веков: социального состава ее участников, их противоречивых интересов, реального масштаба воздействия Лиги на практическую политику Соединенных Штатов. Известно, что деятельность членов Лиги, этих «последних мажорант буржуазной демократии», в свое время высоко оценил В. И. Ленин.

Следует отметить, что в работе Помроя имеется и ряд спорных, недостаточно доказанных положений. В послесловии читатель найдет изложение точки зрения советского историка, который показывает необоснованность некоторых утверждений Помроя, при этом отдавая должное несомненным общим достоинствам книги.

Обширный материал и новизна в постановке ряда сложных проблем истории США и Филиппин, политический вывод о неизбежности краха любых форм неокolonиализма — все эти достоинства труда Помроя ставят его книгу в ряд серьезных марксистских исследований.

---

* За эту книгу Ученый совет Института востоковедения Академии наук СССР в июне 1972 г. присвоил У. Помрою ученую степень кандидата исторических наук.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю книга представляет собой исследование факторов и процессов, которые содействовали возникновению и развитию империалистической политики Соединенных Штатов Америки. Мы не претендуем на всесторонний анализ американского империализма, его становления и функционирования как очередной стадии американского капитализма. Мы ограничимся по преимуществу рассмотрением противоречий одного из аспектов империалистической внешней политики в начале нашего века — экспансии в Азии. Основные политические принципы, характерные для американского империализма, сформировались в значительной мере под влиянием острых проблем, возникших в результате его действий в Азии того времени. Раскрытие этих принципов может облегчить понимание проблем, которые сохраняют актуальность для этого региона и в настоящее время.

Классическая формулировка особенностей империалистической стадии развития капитализма была дана В. И. Лениным. Эта формулировка хорошо известна всем ученым, серьезно изучающим новейшую историю и политическую экономию. Указанные В. И. Лениным пять признаков, характеризующих империалистическую стадию: рост монополий, возникновение финансового капитала, экспорт капитала, международные картельные соглашения, завершение раздела мира колонизаторами, — представляют собой точное определение черт, которые можно обнаружить в развитии любой империалистической страны.

Однако понимание общего смысла формулировки В. И. Ленина есть лишь отправная точка для уяснения

причин, определявших победу или поражение той или иной крупной капиталистической державы на пути империалистической политики (подобно тому как теория прибавочной стоимости К. Маркса — только отправной пункт для понимания действия классовых сил в каждой конкретной стране). Перед нами стоит задача объяснить, как Соединенные Штаты, лишь в ограниченных масштабах участвовавшие в прямом захвате колоний, стали крупнейшей в мире империалистической державой. Современный феномен неокolonизма может быть изучен во всех подробностях лишь на основе указания В. И. Ленина, что империализм не ограничивается юридическим владением колониями, а порождает систему косвенной полукolonиальной зависимости.

Многообразие форм империалистической политики становится очевидным при рассмотрении колониальных систем различных держав. Индия и государство Индокитай, Индонезия и Филиппины равным образом могут служить иллюстрацией ленинского пятого признака империализма, но в каждой из этих стран колониальное угнетение имело свою специфику. Это не только отразило особенности исторического развития соответствующей империалистической державы, но и наложило решающий отпечаток на характер и ход национально-освободительного движения, на особенности борьбы, приведшей к независимости каждой из этих колоний.

Своеобразные особенности американской политической системы привели к тому, что на протяжении ряда десятилетий ее империалистическая сущность оставалась менее очевидной, чем у европейских держав. Это обстоятельство дало возможность американским буржуазным историкам выдвинуть концепцию, согласно которой события, берущие начало в 1898 году и завершившиеся захватом Соединенными Штатами ряда колоний, были лишь «случайностью», были не более чем кратковременным «заигрыванием» с империалистической политикой. Таким образом, колониальную оккупацию Филиппин удавалось, и не без успеха, представить как грандиозный эксперимент по «обучению филиппинцев самоуправлению»; утверждалось, будто бы Соединенные Штаты намеревались сбросить с себя «бремя белого человека» и действительно сделали это, когда в 1934 году, задолго до насильственной ликвидации колониальных империй других империалистических

держав, конгресс США принял Закон о независимости Филиппин.

Долгое время Соединенным Штатам удавалось избежать многих неприятностей, связанных с поддержанием колониального господства, поскольку их развитие в качестве империалистической державы имело ряд черт, отличных от развития Англии, Франции, Германии, царской России, Японии, Голландии или Португалии. Богатство природных ресурсов на территории США сделало их до поры до времени сравнительно мало зависимыми от внешних источников продовольствия и промышленного сырья (сегодняшний более откровенный, более агрессивный американский империализм выступает в условиях, когда собственные резервы нефти и важнейших минералов в США истощаются). Стремление США проникнуть на внешние рынки было несколько ослаблено ввиду наличия интенсивно расширяющегося их внутреннего рынка и широкого поля для капиталовложений. Использование высоких защитных пошлин для защиты внутреннего рынка неслучайно играло в политике США более важную роль, чем захват колоний, колониальных рынков и источников сырья. (Совокупное национальное богатство Великобритании в 1914 году, на вершине ее империалистической мощи, состояло на одну четверть из зарубежных инвестиций, а ее внешняя торговля приближалась по объему к одной четверти валового национального продукта; в отличие от этого Соединенные Штаты, с тех пор как они стали великой державой, поместили в иностранные инвестиции не более одной десятой своего богатства, а их внешняя торговля не превышала 12 процентов стоимости валового национального продукта.) Наконец, географическое положение Соединенных Штатов позволило им уклониться от принятия на себя так называемых союзнических обязательств в Европе и Азии, избежать тяжелого ущерба, понесенного этими континентами в империалистических войнах.

В сочетании с этими факторами действовали серьезные внутрисполитические противоречия, которые повлияли на формирование в Америке негативного отношения к владению колониями, что давало о себе знать не раз на различных этапах истории империализма США. Наиболее важным было столкновение интересов между отдельными группировками в сфере американских финансов,

промышленности и сельского хозяйства в тот период, когда началась политика широкой империалистической экспансии.

Против приобретения новых и сохранения старых колоний выступали, в частности, местные производители сельскохозяйственных товаров (особенно сахарного тростника, табака и молочных продуктов), опасавшиеся конкуренции со стороны подобных же товаров, которые будут поступать в Соединенные Штаты из колоний с использованием таможенных преференций. Кроме того, ряд представителей американского бизнеса, включая видных промышленников, не желали нести бремя налогов и инфляции, сопряженных с военными и административными расходами по захвату колоний, управлению колониальной империей и обороне ее, — это приносило прибыль лишь сравнительно небольшому кругу предпринимателей, занимающихся внешней торговлей и вложением капитала за границей.

Между этими конфликтующими силами в начале нашего столетия произошло столкновение, которое было одним из крупнейших проявлений внутриполитической борьбы во всей американской истории. Хотя это столкновение произошло по вопросу о колониальной политике в отношении Филиппин, оно оказало воздействие на весь ход империалистической политики Соединенных Штатов. На определенном отрезке времени эта борьба принесла значительный успех «антиимпериалистам», которые отстаивали свои позиции и содействовали отходу от политики традиционного колониализма.

Проблемы американской империалистической политики приобретали остроту в отдельные напряженные моменты не только под влиянием социальных конфликтов в самой Америке, но также и под влиянием противоречий и критических ситуаций в колониальных странах. На протяжении всей американской истории XX века с повестки дня не сходили два вопроса: протекционистские меры в интересах отечественной промышленности и нежелание части предпринимателей, а также простых граждан брать на себя бремя оплаты колониалистского курса, осуществляемого небольшой, но могущественной группировкой крупного капитала.

Один из важнейших аспектов внешней политики США оставался в значительной мере незатронутым в ходе ука-

занной борьбы, но важность этого аспекта необходимо подчеркнуть именно потому, что он касался области, лежащей за пределами главной арены конфликта. Речь идет об основной тенденции американского империализма — расширять сферу своих интересов по преимуществу в районах, непосредственно прилегающих к Соединенным Штатам: в Канаде и Латинской Америке. Политика «большой дубинки», то есть политика вооруженной интервенции, в Карибском бассейне, в Центральной Америке и Мексике не вызывала столь сильных протестов, как завоевание Филиппин. Более того, никто не протестовал против косвенного господства над странами указанного района, хотя для их населения последствия такого господства были, по сути дела, такими же, как для народа Филиппин, подвергшегося колониальному порабощению.

Противники прямого господства над Филиппинами относились даже вполне одобрительно к империалистической политике в Латинской Америке и выступали с предложениями, чтобы Соединенные Штаты «действовали на Филиппинах, как на Кубе». Политика в отношении Кубы была предшественницей того, что впоследствии стало известно под именем «неоколониализм». Фактически возникновение его можно обнаружить в глубине противоречий начала XX века.

Судьба Пуэрто-Рико — яркий пример исключения, подтверждающего правило. Эта страна была захвачена у Испании и стала колонией США в то же самое время, когда были захвачены Филиппины, но владение Пуэрто-Рико никогда не вызывало серьезных споров в американских правящих кругах, как это было с владением Филиппинами. Как только вопрос о положении пуэрториканских товаров на рынке США был урегулирован в пользу американского капитала (это было то же самое решение Верховного суда США 1901 года по «делу об островах», которое касалось и отношений с Филиппинами), сразу же статус Пуэрто-Рико перестал быть предметом спора. Конечно, некоторую роль сыграла здесь ограниченность территории и населения острова, а также невысокий объем производства сельскохозяйственных культур, конкурирующих с американскими. Но главное соображение вытекало из стратегической позиции Пуэрто-Рико у входа в Карибское море, что отводило этому острову ключевую

роль в обороне Панамского канала и путей проникновения в Латинскую Америку. База на Пуэрто-Рико как часть стратегической системы, опирающейся на Американский материк, требовала сравнительно небольших дополнительных расходов, и владение ею не втягивало США в соперничество с другими империалистическими державами. Пуэрто-Рико в качестве колонии составляло часть системы, защищающей важные неокOLONиальные позиции США в Латинской Америке, и потому захват этого острова всех устраивал.

Империалистическая политика США формировалась под влиянием соображений военной и экономической стратегии, в тесном переплетении с внутриполитическими противоречиями. Захват Филиппин на рубеже нашего века был призван обеспечить Америке базу для вмешательства в раздел Китая на сферы влияния, но, когда колония была завоевана, скоро стало ясно, что для такой претензии одного владения базой недостаточно. Выяснилось, что для успешного соперничества в Китае потребуются не только большие финансовые ресурсы, но и присутствие в Восточной Азии крупных вооруженных сил, способных на месте сдерживать натиск империалистических соперников. Высокая стоимость и огромные трудности такой политики в районе, который занимал лишь третьестепенное место в глобальном распределении американской заморской торговли и капиталовложений, делали ее стратегически нецелесообразной и привели к углублению споров в американских политических кругах. Когда в 1934 году был принят Закон о независимости Филиппин, установивший наконец отношения с ними по типу отношений с Кубой, это было продиктовано как стратегическими соображениями в связи с угрозой японской агрессии, так и нажимом со стороны некоторых кругов американского капитала, пострадавших в годы Великой депрессии*.

Следовательно, когда оказывалось, что сила Америки не безгранична, а доходы не беспредельны, приходилось проявлять гибкость и отступать. В современный период этот опыт получил своеобразное преломление. Ныне, когда Япония, бывший главный соперник США в Азии, на

* *Великой депрессией* в США иногда называют экономический кризис 1929—1933 гг. (Здесь и далее примечания принадлежат Г. И. Левинсону.)

время выведена из строя, американские империалисты сочли, что военные и финансовые ресурсы позволят им теперь достичь целей, поставленных в 1898 году, и объявили Тихий океан «американским озером».

У американского империализма появились, однако, новые противники: национально-освободительное и антиимпериалистическое движение в Азии, действующее в союзе с социалистическими странами и при их поддержке. Эти силы значительно эффективнее препятствуют американскому контролю над важными рынками в Азии, чем это удавалось в начале XX века империалистическим соперникам США. Американские империалисты, однако, игнорировали историческое значение этих новых явлений, они решили, что располагают достаточной силой, чтобы противостоять освободившимся странам, и, не боясь риска, сочли выгодным не жалеть на это средств. Так Соединенные Штаты вступили на путь губительных агрессивных колониальных войн в Корею и Вьетнаме.

Инициаторами этих авантур были прежде всего две группы в США: предприниматели, стремящиеся к господству в Азии, включая завоевание огромного китайского рынка для товаров и капиталов, и представители военно-промышленного комплекса, привлекающие из военных действий прямую прибыль. Однако растрачивание американского богатства и сил в районе, имеющем третьестепенное значение для американской внешней торговли и капиталовложений, оказалось обременительным; оно превратилось в обузу для отечественной экономики и стало тормозом для операций в более важных зарубежных районах. Так старые противоречия между различными группировками американского капитала и их политическими расчетами проявились в новой форме.

Разумеется, между периодом на рубеже нашего века и современностью имеются большие различия. Тогда американский империализм находился на подъеме, сегодня же он переживает упадок, а на подъеме находятся борющиеся с ним революционные силы. Кроме того, нынешнее антиимпериалистическое движение против войны во Вьетнаме имеет значительно более широкий и глубокий характер, чем имела деятельность Антиимпериалистической лиги* в 1889 году. Сегодня это не только отражение рас-

* Подробно об Антиимпериалистической лиге см. стр. 116—139.

Путь к империи. Дебаты 1898 года

кола в правящих кругах, по массовое народное выступление самих американцев против дорогостоящей колониальной агрессии за рубежом. Однако общепроотиворечия американского империализма остаются прежними.

В предлагаемом исследовании основное внимание уделено Филиппинам, поскольку на примере политических отношений США с этой страной можно особенно ясно увидеть возникновение взглядов и тенденций, которые сейчас получили известность под названием неокolonнализма. Автор полагает, что лучший способ продемонстрировать сущность американского неокolonнализма — проследить его становление в ходе развития противоречий, порожденных господством над одной из колоний.

1. Сторонники колониальной экспансии

Когда 1 мая 1898 года американская эскадра под началом коммодора Джорджа А. Дьюи вошла боевым строем в Манильский залив и открыла военные действия, приведшие к захвату Филиппин, то это отнюдь не было следствием какого-нибудь неожиданного поворота в политике США. Окончательное становление Соединенных Штатов как империалистической державы было подготовлено длительными процессами, протекавшими во второй половине XIX века. Отправной точкой этих процессов была Гражданская война 60-х годов, которая ознаменовала собой замену одного типа экономического развития, основанного на рабстве, другим, опирающимся на зрелые капиталистические отношения. Ускорение этих процессов было особенно заметно на протяжении двух десятилетий, предшествовавших кризису 1898 года.

Именно это скрывалось за утверждениями, что «веление судьбы» для Америки — экспансия за рубежом, которая привела в конечном счете к захвату Филиппин. Во главе угла национальной политики США лежали коммерческие интересы. Руководители американского военно-морского флота открыто заявляли, что организация баз в Тихом океане необходима для защиты торговых путей; эта позиция поддерживалась правительством США тем сильнее, чем больше развивалось промышленное производство.

Политика капонеров, сопровождаемая навязыванием странам Азии торговых договоров, а также организацией там протекторатов и концессий, была обычным методом империалистического проникновения на азиатские рынки.

Торговая политика США в XIX веке не была исключением из этой общей практики. Оказывал ли военно-морской флот США только поддержку такой политике или играл в ней ведущую роль — он всегда был тесно связан с коммерческими кругами страны.

В 1855 году эскадра американских военных кораблей во главе с коммодором Мэтью Перри, угрожая начать военные действия, положила конец запрету для иностранных кораблей на вход в порты Японии. Перри имел приказ заставить Японию подписать торговый договор; такая политика диктовалась торговыми интересами США. В 1871 году эскадра военных кораблей была послана в Корею в связи с нежеланием последней разрешить американским и другим иностранным торговым судам входить в устье корейских рек. Корейские береговые оборонительные сооружения были подвергнуты обстрелу, и министр иностранных дел Сьюард предложил Франции послать в Корею совместную военную экспедицию; эта идея была отброшена лишь после отказа Франции. Наконец в 1882 году между Кореей и Соединенными Штатами был подписан торговый договор, но это произошло лишь после того, как японские военные корабли принудили Корею пойти на коммерческие соглашения с иностранцами.

И в торговых кругах, и среди руководства военно-морскими силами раздавались весьма настойчивые призывы не останавливаться на этом и перенять методы колониальной политики, применявшиеся Англией и Францией. Успех Перри в Японии питал «честолюбивые стремления к наращиванию мощи». Перри настаивал на территориальных приобретениях в Азии, рекомендовал захват островов Бонин, архипелага Рюкю и Формозы. «Он мечтал о том времени, когда в Тихом океане и в Азии будет множество американских «поселений».

В то же самое время (1855—1857) была сделана попытка захватить Формозу, продиктованная интересами американской торговой фирмы «Робин и Гидеон Най», которая стремилась установить монополию на торговлю камфорой. Эта фирма при помощи матросов своих вооруженных торговых кораблей установила контроль над портом Такео, подняла там американский флаг и в течение года правила прилегающей областью. Когда жители Формозы попытались протестовать, американцам пришлось «припугнуть их применением насильственных мер, если

они не будут вести себя лояльно»¹ *. Американский представитель в Китае доктор Питер Паркер, проповедник, тесно связанный с фирмой, обратился в государственный департамент с требованием установить над Формозой американский протекторат, но правительство Бьюкенена не нашло в этом острой необходимости и не одобрило идею.

С развитием пароходства военно-морские круги США начинают все более настойчиво требовать захвата островов в Тихом океане для организации там угольных складов и оперативных баз. В 1872 году морской офицер — капитан III ранга Мид предпринял шаги, которые в конечном счете привели к установлению протектората над Самоа (военно-морской флот держал этот остров на заметке с 1839 года, со времени отправки туда научной морской экспедиции, служившей интересам американского китобойного промысла). Мид действовал вместе с неким агентом по продаже недвижимости из Калифорнии, который заключил «договор» о протекторате с одним-единственным князьком Самоа. К 1888 году морское ведомство было уже готово начать «горячую войну» с Германией за господство над Самоа и его портами Апиа и Паго-Паго.

К 1890 году, после публикации капитаном Альфредом Т. Мэхеном книги «Влияние морской силы на историю», аргументы морского министерства в пользу экспансионистской политики на Тихом океане выросли в целую стратегическую теорию. Книга того же автора «Выгоды, которые сулит Соединенным Штатам морское могущество в настоящем и будущем» вышла в 1897 году. В этом же году Мэхен был включен в состав Военно-морского консультативного комитета. Его теории представляли собой военный аспект того направления, в котором тогда уже были полностью развиты экономические и политические стороны. Конгрессмен от республиканской партии Вильям Ф. Дрейпер заявил 15 ноября 1893 года, что «флот, хорошо организованный и достаточно мощный для того, чтобы поддерживать связь между этими пунктами (Самоа, Гавайи и Магелланов пролив), сможет

* Цифры означают отсылку автора к библиографическому списку, помещенному в конце книги.

сделать Тихий океан внутренним морем США, где всегда будут доминировать американские торговые интересы».

Подобные заявления делались достаточно открыто, чтобы привлечь внимание филиппинских националистов, которые усиливали давление на Испанию, требуя реформ. Хосе Рисаль* в статье о будущем Филиппин («Филиппины через сто лет»), напечатанной 1 февраля 1890 года в эмигрантской газете «Ля Солидарidad», писал о том, что угрожает будущей независимости Филиппин, и упомянул о возможной агрессии со стороны Соединенных Штатов. «Может быть, великая Американская Республика... когда-нибудь захочет подумать и об иностранных владениях. Такая возможность вовсе не исключена: дурные примеры заразительны, алчность и честолюбие — одни из самых сильных человеческих пороков, а президент Гаррисон продемонстрировал некоторые именно такие качества в своей позиции по поводу Самоа».

Если острова Тихого океана не были в то время захвачены Соединенными Штатами, к чему призывали воинственные адмиралы, то это произошло главным образом благодаря тому, что внимание влиятельных торговых, банковских и финансовых кругов США было обращено на другие сферы, в частности на освоение огромного Американского континента и его внутреннего рынка. В 1889 году, когда разразился конфликт из-за Самоа, «Нью-Йорк таймс» в номере от 26 января писала: «Мы пришли к выводу, что наши «экспансионистские инстинкты» смогут сколь угодно длительное время находить себе удовлетворение внутри наших национальных границ»².

Фирмы, связанные с торговлей в Азии, жаждали получить поддержку при помощи демонстрации военной силы, но в то время они не обладали достаточным влиянием на политический курс страны: с 1860 по 1890 год им принадлежало лишь 5 процентов общей внешней торговли США. Хотя правительство и не отказывалось от поддержки коммерческих операций на Востоке, особенно в том, что касалось Китая, на который тогда приходилась большая часть американской торговли в Азии, но все-таки

* Хосе Рисаль (1861—1896) — филиппинский просветитель и патриот, выдающийся ученый и писатель, руководитель национального демократического движения в период 80—90-х гг. Казнен испанскими властями.

эта помощь осуществлялась главным образом не военным путем, а посредством дипломатии, которая старалась спекулировать на войнах и безжалостной империалистической агрессии со стороны Англии, Франции и царской России.

Так, первый торговый договор между Соединенными Штатами и Китаем, договор, подписанный в Ванся в 1844 году, последовал за Опиумной войной 1841—1842 годов, в которой Англия «вырвала» концессию у Китая. Хотя Америка и заявляла, что ей не нужны со стороны Китая территориальные уступки, которые поспешили потребовать другие иностранные державы, она все же настаивала на равных правах и привилегиях «наиболее благоприятствуемой нации», присвоенных ими в результате агрессии. Американские купцы принимали участие в таких доходных занятиях, как гнусная работоторговля под видом «вербовки кули». Это происходило на протяжении четверти века, после того как Англия законом 1855 года упорядочила такую торговлю на своих судах. Вансийский договор пошел даже дальше того, что было достигнуто англичанами: он предоставил американцам экстерриториальные права; такие права были получены другими иностранными предпринимателями в Китае лишь позднее.

Американские коммерческие предприятия выиграли от войны, которая велась Англией и Францией в 1856—1858 годах за пересмотр договора и за распространение колониальных торговых капитуляций на всю территорию Китая. Хотя США отказались принять непосредственное участие в войне, они «тем не менее внимательно следили за тем, чтобы под рукой всегда был их представитель, готовый извлечь выгоду из всего, что подвернется»³, и сразу же по окончании войны потребовали таких же преимуществ, какие были вырваны у Китая другими странами. Чтобы заставить китайцев уступить требованиям американских торговцев, корабли военно-морского флота США при удобных случаях атаковали и разрушали китайские береговые укрепления, как это было, например, на реке Кантон в 1856 году.

Вероятно, американскую политику лучше всего характеризует тот факт, что президент Линкольн в 1861 году послал в Китай Эисона Берлингема в качестве первого американского дипломатического представителя. Берлингем

был сторонником «равных возможностей» для всех держав и противником территориальных захватов и предлагал заменить канонерки дипломатическими переговорами. Такая «моральная позиция» вызывала возмущение со стороны других держав, которые наблюдали, как Америка без больших затрат извлекает выгоды из их агрессивной политики. Необходимо отметить также, что Берлингом обещал китайским правителям помощь в подавлении восстаний (незадолго перед этим вспыхнуло Тайпинское восстание, направленное также и против проникновения в Китай иностранцев). Подобная форма дипломатии применялась Соединенными Штатами во время Гражданской войны, когда страна была полностью поглощена своим внутренним конфликтом и не могла на равных соперничать с Англией и Францией, ведя более действенную политику.

Таким образом, политику США в Азии на протяжении почти всего XIX века определяли отнюдь не угрозы нанести ее исполнителям, а повышенное внимание к домашним проблемам, к освоению своих национальных земель и развитию внутреннего рынка. Несмотря на увеличившееся проникновение западных держав на китайский рынок, пришедшее на эти десятилетия, американская торговля с Азией (в основном с Китаем), которая в 1860 году оценивалась в 22,5 миллиона долларов, не превышала этого уровня целых 30 лет — вплоть до 1890-х годов.

Тем не менее со времени возникновения Соединенных Штатов как государства немалые капиталы были сколочены на торговле с Китаем. В 1784 году первые американские торговые суда отплыли из портов Новой Англии в Китай; к 1803—1807 годам 36 судов ежегодно привозили в Китай меха в обмен на чай. Именно торговля легла в основу богатства таких семей, как Кэбот, Форбс, Лодж, Стёрджес, Рассел, Перкинс, Кушинг и Кулидж; отпрыски некоторых из этих семей позднее играли активную роль в политике США на Филиппинах.

Успехи и неудачи этих коммерческих предприятий в Азии были связаны с меняющимися приемами торговли. Первые купеческие дома, действовавшие на восточном побережье Соединенных Штатов и торговавшие главным образом мехами, потеряли свою золотую жилу в связи с вырубкой лесов и упадком котикового промысла в этих

районах. К середине XIX века вывоз готовых изделий — продуктов развивающегося промышленного производства — занял главенствующее место в коммерческих операциях; порты западного побережья Соединенных Штатов все более становились центрами торговли с Азией. Сбыт промышленных товаров, столкнувшийся с конкуренцией таких же товаров других держав, вызвал к жизни гораздо более наступательные методы коммерции.

Опыт американских торговых домов на Филиппинах в XIX веке отмечен трудностями, сопровождавшими их деятельность в тот период, когда коммерческие фирмы не получали серьезной поддержки ни со стороны правительства, ни со стороны финансовых кругов. Среди первых иностранных купеческих домов, обосновавшихся в Маниле после того, как Испания в 1830-х годах ослабила свою политику колониального меркантилизма, были две американские фирмы: «Рассел, Стёрджес и К^о» и «Пил, Хаббел и К^о». В течение многих лет «Рассел и Стёрджес» была крупнейшей торговой фирмой на всем архипелаге, но ей приходилось обращаться за кредитом в английский банк «Гонконг энд Шанхай банкинг корпорейшн». При всем том в 1859 году доля США превышала одну треть общей стоимости филиппинского экспорта: тоннаж американских судов, входящих и выходящих из Манилы, равнялся в том году 125 922 тоннам, в то время как тоннаж английских судов составил 75 439 тонн, а испанских — 33 157 тонн⁴.

К 1875 году, однако, конкуренция с английскими фирмами привела фирму «Рассел и Стёрджес» к банкротству; та же участь постигла «Пила и Хаббела» в 1887 году. Это произошло исключительно благодаря соответствующей организации английской торговой политики: английское правительство поддерживало свои коммерческие фирмы, которые могли в их деятельности опираться на базы в Гонконге и Сингапуре; в Маниле были открыты филиалы основных английских банков в Азии («Гонконг энд Шанхай банкинг корпорейшн» и «Чартерд банк оф Индия, Острэлиа энд Чайна»). Перед тем как окончательно оставить поле битвы, американские фирмы попытались вырвать себе колонию на Северном Борнео, чтобы устроить там базу; однако они были не в состоянии оказать достаточное давление на свое правительство, занятое тогда

проблемами «реконструкции» * и планами континентальной экспансии. В конце концов одна английская фирма, получив королевскую привилегию, заняла территорию на Северном Борнео.

Значительные торговые связи между Филиппинами и Соединенными Штатами по-прежнему сохранялись, но торговля осуществлялась через посредство английских фирм и английского флота; пенька и сахар с Филиппин поступали в Соединенные Штаты через Лондон.

В последние два десятилетия XIX века морская торговля Соединенных Штатов все более стала сводиться к экспорту быстро увеличивающейся продукции промышленного производства. До этого времени основной объем американского экспорта составляло сырье, а промышленных изделий больше ввозилось, чем вывозилось. Тем не менее экспорт промышленных товаров оценивался в 1888 году в 130,3 миллиона долларов; за восемь лет эта сумма выросла почти вдвое; в 1896 году она составляла 253,7 миллиона, а в 1898 году, когда вывоз промышленных товаров впервые превысил их ввоз, равнялась 308 миллионам долларов.

Развитие промышленности приобретало столь стремительный размах, что многие американские капиталисты были серьезно обеспокоены тем, в чем они были склонны видеть насыщение внутреннего рынка как промышленными товарами, так и капиталом. Объем капиталов, вложенных в обрабатывающую промышленность США, вырос с 1,9 миллиарда долларов в 1880 году до более 4 миллиардов в 1890 году; к 1895 году помещенные капиталы в промышленность нарастало темпами в 3,6 миллиарда долларов в год. Вклады оседали в банках без какой-либо видимой надежды на их выгодное помещение на внутреннем рынке; суммы, хранящиеся в банках, выросли с 500 миллионов долларов в 1870 году до 2,2 миллиарда в 1899 году ⁵.

Видный экономист того времени Конант считал, что «при существующем общественном порядке становится невозможным найти внутри страны... применение всему накопленному капиталу, которое было бы одновременно

* «Реконструкцией Юга» принято называть период в истории США с 1865 по 1877 г., когда в южных штатах в острой борьбе с бывшими рабовладельцами проводилась реорганизация административного аппарата.

гарантированным и выгодным». Далее он восклицал: «Как велик сейчас этот избыток, как лихорадит из-за этого нашу экономику... как необходимо для нашего спасения... найти выход излишку накопленного капитала, если мы не хотим, чтобы существующий экономический порядок был потрясен социальной революцией» ⁶. Для перепуганных капиталистов упорные стачки в Хомстеде и Пульмане, которые сопровождали жестокую депрессию 1893 года, и подъем популистского движения * в 90-е годы означали приближение революции.

Этот период был также временем появления огромных американских монополий. Между 1890 и 1901 годами они выросли до гигантских размеров. «Американ шугар рифайнинг компани» в 1895 году контролировала 95 процентов всей продукции в области производства сахара. «Стандард ойл», преобразованная в 1882 году в трест, поглотила 90 процентов очистки и перегонки нефти. «Американ табакко компани» имела в своей отрасли такое же господство. В 1901 году «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», на которую приходилось три четверти выпускаемой в стране стали, стала самым большим объединением в мире: ее капитал равнялся 1,1 миллиарда долларов. Власть, которой располагали эти гигантские предприятия, финансируемые главным образом банкирскими домами Моргана и Рокфеллера, была решающей силой в формировании американской политики.

Снижение себестоимости и цен, которое стало возможным в рамках деятельности этих огромных концернов, привело к тому, что американские товары стали вытеснять продукцию европейских конкурентов с мировых рынков. В 1896 году американские стальные рельсы, которые в 1875 году стоили 160 долларов за тонну, стали продаваться на европейских рынках по 16 долларов, что было ниже стоимости рельсов из Англии и Франции. Среди прочих выгод и преимуществ это означало также, что американские предприниматели могли теперь легко победить своих конкурентов по сооружению железных дорог в колониальных и полуколониальных странах, а это было очень существенно для империалистической экспансии.

* Популисты — созданная в 1890 г. массовая партия, выступавшая в защиту интересов фермеров. К ней примыкали также некоторые рабочие организации. Партия требовала введения прогрессивного подоходного налога и других социальных реформ.

Дж. А. Гобсон, один из первых исследователей империализма, чья книга в свое время привлекла внимание В. И. Ленина, отмечал, что производственные мощности США росли так быстро, что опережали запросы внутреннего рынка. Он писал: «Ни один человек, знакомый с хозяйством, не будет отрицать тот признаваемый всеми американскими экономистами факт, что именно таково состояние Соединенных Штатов, которого они достигли к концу XIX века, во всяком случае в том, что касается наиболее развитых отраслей промышленности. Их промышленность переполнена капиталом и не может более поглощать его. Один за другим предприниматели ищут спасения от потерь при конкуренции, вступая в синдикаты, которые обеспечивают определенную степень выгодного равновесия путем ограничения размеров функционирующего капитала. Промышленные и финансовые тузы, нефтяные, стальные и сахарные короли, заправили в производстве рельс, в банковском деле и т. д. были поставлены перед дилеммой: либо тратить больше, чем они могут, либо искать внешние рынки. Перед ними открылись два экономических курса, оба ведущие к отрицанию политической изоляции прошлого и принятию империалистических методов на будущее. Вместо того чтобы закрывать маленькие фабрики и строго ограничивать выпуск продукции ради выгодного сбыта товаров на внутреннем рынке, теперь промышленники получают возможность полностью использовать свои производственные мощности, вкладывая капитал в увеличение производства, и, все еще продолжая регулировать выпуск продукции и цены на внутреннем рынке, «рваться» к иностранным рынкам сбыта, продавая там свои товары по ценам, которые были бы невозможны на внутреннем рынке. Подобным же образом они могут найти выход своим накоплениям, помещая их вне страны; сначала будут выплачены суммы, полученные у Англии и других стран на первоначальное развитие железных дорог, шахт и промышленного производства, а потом американские капиталисты сами станут кредиторами по отношению к другим странам»⁷.

Именно по такому образцу и развивалась американская промышленность и финансовые объединения. Объем иностранного капитала в США, который равнялся в 1900 году примерно 6 миллиардам долларов⁸, к тому времени был уже полностью поглощен, и американский капитал

начал утекать за границу все ускоряющимися темпами, достигнув к 1897 году вывоза на сумму 684,5 миллиона долларов⁹.

2. Движение за реформы и антиколониализм

В 1890-х годах сторонники колониальной экспансии составляли лишь одну часть американских предпринимателей. Среди тех, кто в то время надеялся выиграть от реализации имперских планов, были владельцы предприятий военной промышленности, связанные с ними финансисты (а также армейские и военно-морские круги), хозяйка текстильных фабрик, машиностроительных заводов, промышленники, занятые производством железнодорожного и корабельного оборудования, паровых котлов, а кроме того, такие группы, как чиновники дипломатической службы, инженеры и миссионеры.

Что касается последних, то новое издание «Курса современной истории», подготовленное Кембриджским университетом, полагает, что количество христианских миссионеров, находившихся к 1900 году в Африке, Азии и на островах Тихого океана, было равно численности находившихся за границей вооруженных сил любой мировой державы. «Их деятельность, бесспорно, способствовала росту империалистических устремлений — как пробуждая общественный интерес к вопросам заокеанской экспансии, так и более непосредственным образом»¹⁰.

Несмотря на всю немногочисленность сторонников имперской политики, они тем не менее представляли куда более серьезную силу, чем те относительно небольшие группы купцов и их единомышленников во флоте, которые в течение десятилетий пытались опереться на правительство в своих коммерческих начинаниях в Азии. Сложилась ситуация, когда «хозяйственные интересы всей страны были подчинены выгодам определенных узких групп, захвативших контроль над национальными ресурсами и использующих их в интересах своей частной выгоды»¹¹.

Превращение этих групп в вершителей национальной политики США проходило отнюдь не беспрепятственно, так как позиции других социальных слоев, ориентирующихся на капиталовложения внутри страны, по-прежнему были сильны. Действительно, дискуссии вокруг внутреннего кризиса и политики экспансии велись более десяти

лет еще до 1898 года. Среди противников имперских тенденций был Эдуард Аткинсон, автор опубликованной в 1890 году книги «Промышленный прогресс страны. Ограниченное потребление и неограниченное производство». Он выступал за развитие внутреннего рынка страны — если необходимо, пусть даже путем правительственного вмешательства.

Аткинсон считал, что абсурдно искать рынки для излишков промышленного производства в обширных мало-развитых районах; он полагал, что одно только увеличение торговли с европейскими странами, где покупательная способность весьма высока, значительно превысит тот объем торговли, который возможен со странами Азии. Он утверждал, что «умы, промышленность и капитал» должны найти применение внутри страны, «чтобы добиться большего индивидуального богатства и общего благосостояния страны, чем этому может способствовать торговля со всей Азией в течение жизни целого поколения»¹².

Аткинсон и его сторонники опасались, что создание колониальной империи (блестящим примером чему была Великобритания) потребует содержания большой постоянной армии и флота, громоздкой колониальной службы; все это будет стоить исключительно дорого и повлечет за собой обложение американцев тяжелыми налогами, не говоря уже о развращающем моральном воздействии на нацию. Он считал, что политический контроль над колониальными районами не так уж необходим, и ссылаясь при этом на успешную торговлю США с английскими колониями.

Карл Шурц, известный немецкий эмигрант, противник рабства, во время Гражданской войны сражавшийся в чине генерал-майора в рядах армии северян и имевший определенный вес в республиканской партии, отвергал «варварскую идею, что мы должны владеть теми странами, с которыми хотим торговать». Президент Американской федерации труда Сэмюэль Гомперс был убежден, что «нам вовсе не нужно нарушать те принципы, на основании которых наше правительство получает по справедливости власть с согласия своего народа; нам не нужно становиться захватнической нацией, которая опирается на физическую силу; нам не нужно при помощи оружия подчинять себе какой-нибудь другой народ для того, чтобы добиться расширения торговли». Что же касается таких

стран, как Филиппины, «то ни их двери, ни двери какой-нибудь другой страны на земном шаре не смогут долго оставаться закрытыми перед нашим постоянно растущим промышленным превосходством»¹³. Такую же точку зрения разделял и Сэмюэль В. Маккол (позднее ставший конгрессменом и избранный губернатором штата Массачусетс при поддержке антиимпериалистических групп); он подчеркивал, что торговля должна процветать, опираясь на качество и дешевизну товаров, а не на политический контроль.

При таком постепенном расхождении точек зрения те, кого впоследствии стали называть «антимпериалистами», применяли этот термин в смысле, довольно далеком и от марксистского употребления, и от того значения, которое он получил позднее в национально-освободительном движении. Спор шел между сторонниками колониальной экспансии путем захвата чужих территорий и умеренными элементами, которые, хотя и признавали необходимость распространения деятельности американского капитала за границу, хотели бы, чтобы это происходило без забот, связанных с владением колониями.

Многие сторонники этой последней точки зрения включились потом в весьма пестрое по своему составу движение за реформу, которое началось в конце XIX века и продолжалось вплоть до избрания Вудро Вильсона на президентский пост в 1912 году. Этот «век реформы», порожденный предшествующим периодом дикого, необузданного капиталистического накопления, шел под знаком поисков достижения единства политической и промышленно-финансовой власти в такой форме, при которой безжалостная эксплуатация не толкала бы фермеров, мелких предпринимателей и городских рабочих к объединению сил, способному бросить вызов контролю монополий или даже самой власти правящего класса. Фермент социального беспокойства был порожден открытым подкупом «трестам» политических деятелей каждого города, штата и всей страны; подрывом государственной гражданской службы страны взятками и предоставлением государственных должностей за политические услуги; удушением фермеров Запада и мелких предпринимателей при помощи неконтролируемой политики монопольных цен и манипуляций с валютой и кредитом, осуществляемыми несколькими

финансистами восточных штатов; растущим разрывом между заработной платой рабочих и преступно нажитым богатством магнатов капитала. Среди эксплуатируемых классов появились признаки опасной тенденции к организации, выразившейся в активизации деятельности профсоюзов, росте популистского движения и в усилении Социалистической партии.

После стачек 1870-х годов и пульмановской забастовки 1894 года тревога охватила и некоторые религиозные организации. Ведущие протестантские журналы 1870-х годов называли бастующих рабочих «дикими зверями» и «безумными головорезами»; в этих религиозных органах содержались призывы применять против рабочих пушки и пулеметы, если дубинки не приводят их к подчинению¹⁴. Это были те же самые люди, которые поддерживали экспансионистский лозунг о приобщении к христианской цивилизации «погруженных во мрак язычников» Азии и Африки.

В основе движения за реформы лежала попытка создать более эффективный тип капитализма, который позволял бы удачнее и с меньшими потерями регулировать производительные силы страны и создать бы более емкий внутренний рынок. Ведущая роль промышленных и финансовых монополий в этой системе на самом деле и не ставилась под сомнение; речь шла об управлении этими монополиями со стороны правительственных органов, которые в свою очередь должны испытывать влияние со стороны других секторов свободного предпринимательства. Смена политических и экономических методов, ограничение личной деятельности монополий и уменьшение подкупа ими политических деятелей, по существу, не внесло бы серьезных изменений в основные принципы функционирования социальной системы, но такая регулировка уменьшила бы вероятность открытого классового столкновения в Америке.

Для либеральных сторонников реформ аннексии за рубежом и колониальная империя по самой своей природе означали разгул коррупции и связанных с нею социальных пороков в их самой худшей форме. Ограбление колоний представлялось им чем-то похожим на практиковавшееся в самих США ограбление муниципальной казны, но только в более крупных масштабах; экспансионистскую политику, однако, труднее сдерживать из-за географической

отдаленности колоний; были опасения, что сама она усилит сходные тенденции внутри страны.

В этот период, когда страна завершила «реконструкцию» после Гражданской войны, участники движения против рабовладения и представители «Радикальной республиканской эры» принимали еще достаточно активное участие в политической жизни, и их гуманистическая позиция, осуждавшая порабощение народов, внесла свой вклад в развитие антиэкспансионистских настроений.

Другая реакция на захват колоний исходила из недр профсоюзного движения. Промышленники приветствовали ввоз дешевой рабочей силы, который выражался в иммиграции необученных европейских рабочих через Атлантический океан, а рабочих из Азии — через Тихий океан (ввезенные китайские кули были основной рабочей силой при прокладке железных дорог на западе Соединенных Штатов). Требование ограничить иммиграцию раздавалось из рядов профсоюзов, вынужденных вести жестокую борьбу с монополиями за повышение заработной платы. Захват заокеанских территорий рассматривался как шаг, который поведет за собой увеличение ввоза дешевой рабочей силы, что привело бы к снижению заработной платы. Гомперс, например, был членом профсоюза рабочих сигарных фабрик, который боролся против захвата тех стран, где выращивали табак и было налажено производство сигар дешевой рабочей силой, что могло увеличить безработицу на американских предприятиях и понизить уровень заработной платы.

Аграрное популистское движение тоже разделяло антиколониальные настроения. В платформе Популистской партии 1892 года был включен следующий пункт: «Мы осуждаем неспособность обеспечить защиту американских рабочих при современной системе, которая открывает наши порты деклассированным и преступным элементам всего мира и увеличивает сверх меры число ищущих заработка»¹⁵.

Хотя некоторые ключевые позиции в промышленном производстве занимали наиболее активные сторонники имперской политики (топ здесь задавали сталелитейная и текстильная промышленность), были и крупные предприниматели, несогласные с такой формой экспансии. Среди последних был Эндрю Карнеги, стальной магнат, который полагал, что не следует бояться роста производственных

мощностей США, а наоборот, это есть путь к расширению как внутренних, так и внешних рынков сбыта. По его словам, «Соединенные Штаты и не подозревают о том будущем, которое ожидает их, если они откажутся от фантастических планов покорения варварских народов в далеких краях и просто посмотрят себе под ноги, чтобы увидеть то, что боги предназначили для них — промышленное господство над всем миром»¹⁶.

Карнеги смотрел на колониальную политику как на дорогую и рискованную авантюру, которая может закончиться тем, что ему придется расплачиваться за чужие прибыли. Он приходил далее к выводу, что перед лицом аналогичных планов других держав США смогут получить Филиппины только при поддержке Англии, а это в свою очередь потребует от США больших тарифных уступок; такой курс казался Карнеги самоубийственным, так как именно протекционистская политика высоких тарифов впервые позволила американской промышленности успешно выдержать иностранную конкуренцию.

Самые мощные экономические группировки, противостоящие захвату колоний, состояли, однако, из сельскохозяйственных предпринимателей, связанных с помещением капитала внутри страны. Это были фермеры, выращивавшие сахарную свеклу и сахарный тростник, табак и рис. Из-за конкуренции они боялись беспрепятственного ввоза таких же сельскохозяйственных продуктов из-за океана, где применялся дешевый труд. В последние два десятилетия XIX века введение высоких тарифов благоприятствовало распространению в Америке протекционистских настроений среди части сельскохозяйственных предпринимателей, ориентированных на внутренний рынок; это не мешало им приветствовать накопление капитала, которое вдохновляло империалистические устремления в промышленных и финансовых кругах. Сенаторы и конгрессмены из многих штатов были непосредственно связаны с этими аграрными слоями и защищали их групповые интересы.

Между аграрной и экспансионистской группами уже произошло серьезное столкновение из-за захвата Гавайских островов. Группа американских плантаторов и купцов сумела добиться прочных позиций на этом тихоокеанском архипелаге и мечтала о льготном ввозе своих продуктов, особенно сахара, на американский рынок. За несколько десятилетий агитация за прямой захват Гавай-

ских островов превратилась в серьезный объект споров в кулуарах американского конгресса.

Когда в 1890 году конгрессом был принят протекционистский закон, отвечающий интересам отечественных производителей сахара (билль Маккинли того же года предоставлял им правительственную премию в два цента на каждый фунт), то для предпринимателей, обосновавшихся на Гавайях, это было горьким разочарованием. Ко всему этому надо добавить еще и сопротивление самого гавайского народа, особенно усилившееся после вступления на престол в 1891 году королевы Лилиукалани, убежденной противницы экономического господства США. Американские дельцы, проживавшие на Гавайях, ответили на это организацией путча против столь независимо настроенной королевы. «Восстание», вспыхнувшее 7 января 1893 года, поддержали 150 моряков с американского военно-морского судна «Бостон», командование которого было причастно к заговору. Временное правительство, которое возглавил плантатор С. Б. Доул, сразу же послало своих представителей в Вашингтон и приступило там к переговорам об аннексии островов Соединенными Штатами. Капиталисты, связанные с отечественным производством сахара, приготовились к борьбе.

Бенджамин Гаррисон, чей президентский срок истек 3 марта 1893 года, поддерживал планы аннексии, но не успел получить одобрение сената на подписание договора раньше чем должен был уступить свой пост Гроверу Кливленду, противнику аннексии. «Я рассматривал готовящуюся аннексию этих островов, — сказал Кливленд, — не только как противоречащую всей нашей благородной политике, но и как измену нашей национальной миссии. Миссия нашей нации состоит в увеличении могущества державы, а не в захвате каких-то островов»¹⁷. Гаррисон послал на Гавайи специальную комиссию; ее глава Дж. Блуонт (представитель аграрного штата Джорджия) доложил президенту, что подавляющее большинство населения Гавайев поддерживает королеву Лилиукалани; кроме того, он указал на соучастие в мятеже солдат американской морской пехоты и дипломатического представителя США. Правительство Кливленда отбросило планы аннексии.

Этот вопрос тем не менее снова был поднят в 1896 году, когда президентом стал Маккинли. Был составлен новый

договор об аннексии, который и был подписан 16 июня 1897 года; оппозиция в сенате была, однако, столь сильна, что шансы на одобрение этого договора при обычных обстоятельствах были весьма шаткими. В оппозицию в сенате входили представители обеих партий; особенно яркими противниками аннексии были сенаторы из районов Среднего Запада, где выращивали сахарную свеклу, и из Луизианы — там рос сахарный тростник. Представители сахарной компании «Спреклз» из Калифорнии тоже вели кулуарную борьбу с планами аннексии. Против договора выступали и профсоюзы, которые боялись наплыва законтрактованных рабочих с Гавайев в случае их присоединения к США.

В результате всего этого Гавайские острова не были окончательно захвачены вплоть до начала войны с Испанией. Но даже тогда сторонники аннексии не рискнули представить этот договор на рассмотрение обычным порядком в конгресс, а провели его как дополнение к законопроекту о военных ассигнованиях, совместно принятому сенатом и палатой представителей США 7 июля 1898 года. Военно-морской флот США с 1887 года использовал Пёрл-Харбор в качестве своей базы на правах аренды, и полный захват островов изображался как шаг, необходимый для укрепления береговой обороны США, как часть морской стратегии в условиях войны.

3. Война с Испанией. Дебаты разгораются

Экспансионистские устремления входящих в силу империалистических кругов США вылились в конце концов в войну с Испанией, которая была развязана после избрания в 1896 году на пост президента республиканца Маккинти. Репрессии Испании против борьбы Кубы за свою независимость, которая разворачивалась в течение 30 лет, были использованы как предлог для оправдания вмешательства США и захвата испанских островных колоний в Карибском море и в Тихом океане.

Сахарные монополии США активно требовали интервенции на Кубу, где имелись большие американские капиталы, вложенные в выращивание и переработку сахарного тростника. Эти предприниматели опасались вреда, который могли нанести плантациям сахарного тростника, постройкам и всей торговле США как восставшие кубинцы,

так и испанские каратели. Были затронуты также интересы железнодорожных компаний и горнорудной промышленности. До 1898 года американские вложения в эти области достигли 30—50 миллионов долларов. В течение 90-х годов резко выросла и торговля с Кубой — с 64 миллионов долларов в 1889 до 103 миллионов в 1893 году¹⁸.

Чтобы замаскировать империалистические цели американских правящих кругов, вопрос о независимости Кубы был идеальным предложением. Требование независимости для Кубы получило значительно более широкую поддержку, нежели ограниченные требования защиты интересов отдельных экономических групп. Кроме того, шовинизм, вызванный этой кампанией, был в руках политиков — как республиканцев, так и демократов — удобным средством отвлечь от поддержки популистского движения массы, недовольные внутренним положением в стране. Церкви, терявшие последователей из-за массового разочарования прихожан в идеалах общества, в котором тресты открыто занимаются подкупом в политической и экономической областях, нашли для себя в тяжелом положении Кубы возможность организовать моральный крестовый поход. Все протестантские секты, кроме унитариев и квакеров, объединились в призыве начать войну с Испанией¹⁹. Наконец, после 1895 года многие профсоюзы приняли резолюции, поддерживающие освободительную борьбу кубинцев²⁰.

Если вмешательство в дела на Кубе имело в глазах американцев определенную моральную окраску, которая несколько маскировала реальные экспансионистские намерения, то империалистические устремления по ту сторону океана куда более неприкрыто выглядели чисто коммерческим предприятием. Свообразным ускорителем здесь были усилившиеся попытки разделить Китай между империалистическими державами. Это угрожало свести на нет все то, чего Соединенные Штаты уже достигли или собирались достичь в этом районе земного шара, на том внешнем рынке, который они воспринимали как «наследие наших купцов»²¹. В 1895 году Япония объявила войну Китаю и в результате победы оккупировала Формозу и Ляодун. В ноябре 1897 года Германия захватила Циндао, а в январе 1898 года Китай был вынужден уступить Германии единственную железную дорогу и права на эксплуатацию угольных шахт в провинции Шаньдун. В ноябре 1897 года Россия захватила Порт-Артур. Одновременно

Франция заняла Гуанчжоувань с примыкающими к нему районами и построила там военно-морскую базу. Англия, вложившая в китайские предприятия наибольшую долю капитала, поспешила укрепить свои господствующие позиции в густонаселенной долине Янцзы, расширила свои гонконгские владения, включив в них Коулун на материке, и потребовала себе залив Вейхайвей в Шаньдуне.

Одно из объяснений такого усиления территориальных захватов в Китае состоит в том, что они совпали, а может быть, отчасти были вызваны ограничениями на ввоз капитала и товаров в Соединенные Штаты. Избыточный продукт стал в больших масштабах уходить в слабо развитые районы, в том числе и в Африку, которая уже на Берлинской конференции 1885 года по вопросам африканских колоний была поделена для империалистической эксплуатации.

В свою очередь окрепшие империалистические круги Соединенных Штатов ощущали все большую озабоченность по мере того, как те рынки сбыта, на которые они рассчитывали, попадали в полное владение их конкурентов. Один из ревностных проповедников империалистической политики США — Генри Кабот Лодж, потомок разбогатевшей на торговле с Китаем купеческой семьи из Новой Англии, в 1895 году забил тревогу: «Великие державы стремительно захватывают все пустующие места на земле в интересах своей будущей экспансии и для защиты сегоднешних владений. Эта тенденция способствует прогрессу цивилизации и развитию человечества. Как одна из великих мировых наций, Соединенные Штаты не должны оставаться в стороне от этого движения»²².

Лоджу и все увеличивавшейся группе публицистов, поддерживавших империалистические планы США, куда входили Джон Хей, Генри Адамс и Брукс Адамс, охотно предоставляли свои страницы также ведущие журналы страны, как «Ревью оф ревьюз» (редактор Альберт Шоу), «Атлантик мансли» (редактор Уолтер Хайнс Пейдж), «Нью-Йорк трибюн» (редактор Уайтлоу Рид) и «Норс америкен ревью» (редактор Джордж Хаври).

«Соперничество европейских стран в деле торговой эксплуатации Китая в 1897—1898 годах, — писал современный историк, — помогло окончательно установить тот факт, что торговля встала во главе всех политических интересов; первой заботой дипломатии стало теперь рас-

ширение торговых связей и захват иностранных рынков сбыта»²³.

К концу 1897 года, в то время, как европейские державы предъявляли свои требования Китаю, коммерческие и финансовые круги Соединенных Штатов усилили давление на свое правительство с целью добиться защиты уже существующих или предполагаемых американских интересов в Азии. Газета «Нью-Йорк джорнал оф коммерс», которая до тех пор занимала открытую антиколониалистскую позицию, 28 декабря 1897 года неожиданно изменила свой курс на 180 градусов и стала отстаивать ту точку зрения, что свободный доступ в Китай был бы решением проблемы избыточного производства.

В начале 1898 года и на западном и на восточном побережье Соединенных Штатов ширилась кампания, требующая твердой политики, направленной на обеспечение активной торговли с Китаем. Комитеты, поддерживающие эту кампанию, появились при торговых палатах и торговых комитетах в Нью-Йорке, Филадельфии, Сан-Франциско, Балтиморе, Бостоне и Сиэттле. 3 февраля 1898 года в Нью-Йорке был организован Комитет по защите американских интересов в Китае; в марте того же года было создано Американское китайско-японское общество (переименованное после сражения в Манильском заливе в Американское азиатское общество). Торговая палата в Нью-Йорке получила послание от 70 торговых и промышленных фирм, требующее заставить президента Маккинли взять под государственную защиту американскую экспортную торговлю на Дальнем Востоке²⁴. Среди этих капиталистов были те, кто вел торговлю текстилем, нефтью, мукой, железом и сталью, осуществлял строительство железных дорог (в 1895 году в целях конкуренции с Россией и Японией, прокладывавшими железные дороги на севере Китая, была создана Американская компания по развитию Китая).

«Самое существенное в изменившемся отношении к национальной внешней торговле, которое проявляют сегодня наши промышленники, — писал финансовый журнал «Бродстритс» за 29 января 1898 года, — состоит в том исключительном внимании, которое уделяется возможному расширению экспорта».

Эта шумная активность коммерческих группировок внутри Соединенных Штатов шла параллельно с

деятельностью американских консульских представителей в Азии; выступая от имени американского бизнеса на местах, они в своих официальных докладах и статьях для прессы выступали с призывами к более наступательной коммерческой политике. Чарлз Денби, который занимал пост консула в Пекине и защищал главным образом интересы торговли хлопком и железнодорожного строительства, говорил о Китае как о «недостаточно эксплуатируемом обширном рынке сбыта» и считал «политику канонерок» наиболее подходящей политикой. Уже в 1889 году он заявлял следующее: «Нет сомнений, что иностранцы удерживают свои позиции в Китае силой, и только силой... Опасение нарушить нормы международного права или обидеть Китай ни на минуту не должно препятствовать незамедлительной вооруженной поддержке... всех иностранцев, находящихся в Китае»²⁵.

Американский консул в Маниле Оскар Вильямс подчеркивал в своем донесении от 23 февраля 1898 года, что «здесь имеются 22 консульства, представляющих различные страны, но стоимость экспорта, находящегося под моим официальным покровительством, равна доле 21 коллег, вместе взятых». Он был взволнован слухами о войне между Испанией и США и в письме от 31 мая 1898 года заявлял, что «туземцы, метисы, китайские купцы и испанцы, имеющие бизнес, готовы приветствовать наш флот, сражаться вместе с нами за то, чтобы поднять на этих островах государственный флаг США и присягнуть ему; а после того, как это свершится, все местные предприятия будут процветать, все будут довольны и счастливы»²⁶.

Джон Бэррет, американский посланник в Сиаме, тоже не упускал из виду Филиппин, куда в конце 1897 года он совершил специальную поездку, чтобы познакомиться с условиями коммерческой деятельности. В статье, написанной в начале 1898 года, еще до начала войны с Испанией, для журнала «Нор Америкен ревью» (эта статья была опубликована в сентябрьском номере журнала), он призывал к захвату Филиппин, которые должны были служить военно-морским и торговым связующим звеном в Тихом океане. Он полагал, что Филиппины будут «превосходным пунктом на Дальнем Востоке, откуда можно будет вести нашу коммерческую деятельность и благодаря этому получить нашу долю в дележе огромных материаль-

ных благ, которые последуют за «открытием» Китая; Манилу можно будет использовать как базу, так же, как англичане используют Гонконг»²⁷.

За время деятельности правительства президента Маккинли группа решительных империалистически настроенных людей сумела занять ключевые позиции, с которых она могла проводить политику, отвечающую ее интересам. Один из группы, Г. Кэбот Лодж, избранный в 1892 году в сенат от штата Массачусетс, особенно подходил на роль лидера сторонников заокеанской экспансии. Он был потомком двух семей, богатство которых основано на торговле с Китаем. Кроме того, через Джеймса Вильсона, строителя железных дорог, и друга Чарлза Денби он был связан с интересами железнодорожных компаний Денби и Американской компании по развитию Китая, которая стремилась построить железнодорожную сеть на севере Китая²⁸. Лодж был также другом морского стратега Альфреда Мэхена и проявил исключительную активность в кампании 1890-х годов за организацию морских баз на Тихом океане, которые могли бы соперничать с цепью баз Великобритании, защищающих ее торговые пути.

У Мэхена был еще один благосклонный покровитель в лице Теодора Рузвельта, близкого друга Лоджа и помощника морского министра в кабинете Маккинли. Рузвельт и Лодж представляли собой группу, которая, действуя почти что заговорщически внутри правительства, всячески способствовала принятию мер для захвата колониальных владений в целях реализации империалистических планов. Уже 20 сентября 1897 года Рузвельт во время обеда с президентом, а затем во время прогулки с ним в экипаже навязал Маккинли полностью разработанный план военных действий в Тихом океане на случай войны с Испанией²⁹. В сентябре 1897 года Рузвельт писал Лоджу: «Наша Азиатская эскадра должна блокировать и, если удастся, занять Манилу»³⁰. Именно благодаря содействию Рузвельта коммодор Дьюп, морской офицер из окружения Мэхена, известный своей агрессивностью, был в октябре 1897 года назначен командующим Азиатской эскадрой. Дьюп, взяв 7 декабря 1897 года курс на Дальний Восток, получил по указанию Рузвельта всю доступную Вашингтону информацию о Филиппинах для ознакомления с ней в дороге.

15 февраля 1898 года в Гаванском порту взорвался американский броненосец «Мэн», что ускорило и без того назревший конфликт с Испанией. Десятью днями позже, 25 февраля, Рузвельт во время недолгого отсутствия морского министра Лонга прямо приказал Дьюю, находившемуся уже в дальневосточных водах, атаковать в Манильском заливе испанский флот сразу после начала военных действий³¹. Это было за два месяца до того, как война была действительно объявлена. Хотя этот приказ не был санкционирован ни Маккинли, ни Лонгом, ни один из них не попытался отменить его.

Несмотря на сознательную подготовку почвы для агрессивной войны, вплоть до марта 1898 года во влиятельных финансовых кругах сохранялась неопределенность по поводу необходимости или разумности захвата колоний. 5 марта газета «Коммерциал энд фاینэншл кроникл» писала, что колонии — это бесполезные аванпосты, защита которых обойдется дороже, чем они того стоят, — излюбленный аргумент противников имперской политики как тогда, так и позднее. Не прошло, однако, и трех недель, как неизбежный ход событий привел к тому, что в высших финансовых сферах страны было принято решение захватить с помощью вооруженной силы испанские колонии в Азии и на Карибском море. 24 марта начали появляться заявления Джона Джейкоба Астора, Вильяма Рокфеллера, Томаса Форчуна Райяна, Стюеванта Фиша и других лиц в поддержку войны, которая должна будет лишить Испанию ее владений³².

Послание об объявлении войны, переданное президентом Маккинли конгрессу 11 апреля 1898 года, содержало официальные основания для решения начать войну с Испанией. Было объявлено, что вооруженная интервенция на Кубу стала необходимой, чтобы остановить карательные действия Испании против кубинской революции; об их карательных операциях говорилось, что «они заставили Соединенные Штаты потратить огромные усилия и понести расходы для защиты своего нейтралитета, причинили громадные потери американской торговле и деловой активности, вызвали у наших граждан возмущение, раздражение и тревогу и, кроме того, жестокими, варварскими, нецивилизованными методами ведения войны оскорбили человеческие чувства нашего народа». В документе неоднократно подчеркивалось, что «вмешательство может

быть оправдано серьезными убытками, причиненными торговле и деловым интересам нашего народа».

Еще до того, как это послание было передано в конгресс, Испания уже согласилась (9 апреля) на все требования США, включая и фактическое признание независимости Кубы. Если бы дело касалось одной Кубы, то это могло бы остановить стремление к империалистической войне. Капитуляция Испании по вопросу о Кубе не могла, однако, удовлетворить более обширные притязания на Тихом океане. Послание было отправлено, и 25 апреля совместным решением обеих палат конгресса была объявлена война Испании.

Условия принятия совместной резолюции отразили непрекращающиеся дебаты по поводу курса национальной политики. Большинство, полученное резолюцией при голосовании ее в сенате, было весьма скромным для такого серьезного вопроса — 45 против 32. Еще более многозначительной выглядит поправка к резолюции, внесенная сенатором Генри Теллером, представителем штата Колорадо, где выращивали сахарную свеклу: «Настоящим актом Соединенные Штаты отвергают любое предложение или намерение присвоить суверенитет, юрисдикцию или контроль над этими островами, за исключением того, который понадобится для установления мира, и заявляют о своей решимости передать управление и контроль над островом его народу, как только мир будет достигнут». Поправка Теллера явилась выражением интересов отечественных сахаропромышленников, стремившихся преградить кубинскому сахару свободный доступ на рынки США, который начался бы в случае колониальной аннексии Кубы.

За день до окончательного объявления войны Дьюю был послан приказ морского министерства — немедленно отплыть на Филиппины с задачей уничтожить испанский флот, стоящий в Манильском заливе. До того как новости о последовавшей 1 мая победе могли быть переданы в Соединенные Штаты и получить там огласку (Дьюю перерезал телеграфный кабель между Манилой и Гонконгом), 4 мая Маккинли после обмена мнений с военным министерством отдал распоряжение о посылке на Филиппины пяти тысяч солдат явно с целью оккупации³³.

В состав экспедиционных сил был включен геолог, д-р Джордж Ф. Беккер, сотрудник Американского геологического управления, в чью задачу по указаниям военного министра и министра внутренних дел входил сбор данных о геологических условиях и рудных запасах Филиппин³⁴.

Весть о победе Дьюи, когда она 5 мая наконец достигла Соединенных Штатов, заставила отбросить последние колебания насчет захвата чужих территорий, которые еще проскальзывали в ведущих газетах страны. 5 мая «Уолл-стрит джорнал» писала: «Ряд широко мыслящих людей считает, что Соединенные Штаты должны сохранить на Филиппинах позиции, достаточные, чтобы обеспечить нам в азиатских водах склад топлива и военно-морскую базу. Можно полагать, что «открытие» Китая создает для нас необходимость охранять не только существующую в настоящее время торговлю на Дальнем Востоке, но и тот несравнимо более широкий размах коммерции, который можно ожидать в течение ближайших 25 лет». Такая же позиция была характерна для «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк трибюн» и большей части всей американской прессы.

Президенту Маккинли были посланы петиции от торговых палат и от Промышленной ассоциации в Сиэттле и Сан-Франциско с требованием захвата Каролинских и Ладронских островов (Гуама). Сторонники аннексии Гавайев воспользовались милитаристской лихорадкой для того, чтобы наконец добиться цели, которая в течение столь долгого времени встречала на своем пути различные препятствия. Благодаря маневру сенатора Генри Кабота Лоджа, сумевшего обойти обсуждение этого законопроекта в колеблющемся сенате, вопрос об аннексии был включен в текст билля 7 июля 1898 года о военных расходах как мера по использованию Гавайев в качестве морской базы, необходимой для ведения войны с Испанией.

Лодж, услышав сообщение о победе Дьюи, в восторге воскликнул: «Теперь мы держим в руках и другую сторону Тихого океана, невозможно даже оценить значение этого факта для нашей страны»³⁵.

Близкий соратник Лоджа сенатор Альберт Дж. Беве-ридж из Иллинойса разразился еще более восторженным панегириком: в Бостоне 27 апреля он произнес в Миддлсекском клубе речь, ставшую классическим образцом

проповеди самых разгузданных империалистических устремлений того времени:

«Американские предприятия производят больше, чем это нужно американцам; американская земля родит больше, чем мы можем потребить. Сама судьба предназначала нам нашу политику: мировая торговля должна быть нашей и будет ею. И мы добьемся этого так, как это завещала нам наша мать — Англия. По всему миру раскинется наша коммерческая сеть для продажи американских товаров. Наш торговый флот скоро будет бороздить все океаны. Мы создадим военно-морской флот под стать нашему величию. Обширные колонии с местным самоуправлением под эгидой нашего флага раскинутся вокруг наших торговых баз и развернут торговлю с нами. На крыльях коммерции вслед за нашим флагом по всему миру распространятся наши общественные институты. Американский закон, американский порядок, американская цивилизация и американский флаг появятся на ныне варварских и погруженных во мрак берегах, которые благодаря этим посланцам Бога станут прекрасными и счастливыми... Естественно, что Филиппины — наша первая цель»³⁶

ГЛАВА ВТОРАЯ

Филиппинская дилемма. Колония или угольная станция?

1. «Освобождение» базы

В самом своем начале захват Филиппин Соединенными Штатами был предопределен двумя общими решениями, принятыми еще до объявления войны против Испании.

Первое решение состояло в необходимости захватить на Филиппинах территорию, достаточную для организации военно-морской базы и торгового перевалочного пункта, по типу английских военно-морских и коммерческих баз в Сингапуре и Гонконге.

Совершенно очевидно, что таковы были рекомендации, предложенные президенту Маккинли Военно-морским комитетом, созданным незадолго до начала войны (в этот комитет входил и Альфред Т. Мэхен). Указания, полученные Дьюи из адмиралтейства, сводились к тому, что не следует захватывать все Филиппины, а нужно лишь разбить испанский флот в Манильском заливе и обложить город. До того как на Парижской мирной конференции было достигнуто соглашение о военных контрибуциях, американскими войсками не было сделано ни единой попытки занять какую-либо еще часть архипелага. Это соответствовало принятому Соединенными Штатами курсу на захват баз, располагающихся цепочкой на тихоокеанских островах. База на Самоа входила в эту систему, так же как и база в Пёрл-Харборе на Гавайях. Вслед за победой в Манильском заливе (1 мая 1898 года) Военно-морской комитет 9 мая рекомендовал правительству захват Гуама на Ладронских островах «как стратегического пункта между Гонолулу и Манилой»¹.

После победы Дьюи над испанцами в правительстве Маккинли велись споры о том, сколь значительную часть Филиппин следует занять. Первый набросок американских мирных условий имел в виду только Манилу; остальная часть островов должна была остаться у Испании. Министр иностранных дел Дей тоже высказывался за присвоение Манилы со всем островом Лусон впридачу, но что касается остального — «к сожалению, нам ничего не остается, как вернуть эти острова Испании»². Небезынтересно, что такую же позицию занимал и Дьюи³. Генри Адамс, влиятельный в правительственных кругах сторонник экспансии, обратился к Джону Хею с рекомендацией сохранить за США на Филиппинах только угольную станцию для бункеровки военных кораблей⁴. Лодж — один из организаторов нападения на Манилу — писал Дьюи два месяца спустя после сражения в Манильском заливе, в разгар империалистической экспансии: «Я полностью отдаю себе отчет в огромных трудностях, связанных с управлением Филиппинами, и меня ни в коей мере не привлекает бремя территориальных владений вне Лусона. Единственное практическое решение вопроса, которое я вижу, заключается в том, что мы должны захватить весь архипелаг в качестве военной контрибуции, а затем уступить Англии все острова, кроме Лусона, в обмен на Багамские острова, Ямайку и датские владения в Вест-Индии... Это освободит нас от тягот управления этим огромным архипелагом на Востоке... и поможет нам остаться на Филиппинах в соседстве с дружественной страной, с которой мы будем действовать в полном согласии»⁵.

Обстоятельства и настроения, порожденные захватнической войной, впоследствии привели к расширению первоначальных планов, но при этом породили дебаты об американской империалистической стратегии, которые продолжались на протяжении всего господства США над Филиппинами.

Второе общее решение не вызвало разногласий в кабинете Маккинли. Суть дела сводилась к тому, что было решено не признавать независимость филиппинского правительства; филиппинцы, живущие на любой подлежащей захвату территории, должны будут подчиниться власти США.

Эта сторона американской захватнической политики была сознательно покрыта туманом расплывчатых формулировок, чтобы утаить, каким образом заставили филиппинский народ подчиниться американскому колониальному господству. Есть, однако, достаточно свидетельств, указывающих, что это решение было тесно увязано с решением о военном нападении на испанские войска на Филиппинах. Тот факт, что по отношению будущего статуса филиппинского населения не было сделано никакого официального заявления, как это было определено поправкой Теллера в отношении кубинцев (которые, как и филиппинцы, вели революционную борьбу против Испании), связан гораздо меньше с неопределенностью политического курса, чем с сознательным намерением ввести в заблуждение.

Суть и подробности освободительной борьбы филиппинцев были хорошо известны в Восточной Азии, откуда американские представители регулярно посылали свои сообщения о ходе событий. Было известно, что эта борьба достигла высокого накала, что испанский колониальный режим был потрясен до основания мощной революцией, начавшейся в 1896 году, и что филиппинский народ и его руководители были вполне готовы взять в свои руки бразды правления.

Развитие филиппинской торговли и производства на экспорт с середины XIX века позволило филиппинским землевладельцам достичь определенного уровня благосостояния. Средний слой этой группы, не пользовавшийся привилегиями крупных землевладельцев, выступал за политическое и экономическое развитие островов и требовал представительства Филиппин в испанском законодательном органе, кортесах. Это была кампания борьбы за реформы в рамках испанского колониального режима, требования независимости на этом этапе еще не выдвигались. Реакция Испании, однако, была гораздо более резкой, чем можно было ожидать, из-за сильного влияния на Филиппинах крайне реакционных католических орденов, которые были крупнейшими землевладельцами и контролировали местную администрацию. Поэтому политический курс Испании состоял в том, чтобы сопротивляться реформам и оставлять неосуществленными те, которые были предложены.

Перед лицом такой реакции и при том, что наиболее богатые филиппинские группы не хотели поддержать их требования, представители средних классов стали в начале 1890-х годов отказываться от борьбы. К этому времени относится возникновение массового подпольного революционного движения, Катипунана*, которое составляли полупролетарские элементы и основу которого составляли крестьяне и городские рабочие. У этого движения была революционная программа, в качестве единственной цели выдвигавшая независимость от Испании. Организационно оформленное в 1892 году, это движение к 1896 году привлекло в свои ряды исключительно большое число членов в Маниле и прилегающих районах — оценочные цифры, которые обычно называют, колеблются от 123 тысяч до 400 тысяч⁶.

Во главе движения стоял революционный националист, ремесленник Андрес Бонифасно. Когда в 1896 году испанцы обнаружили существование движения и предприняли карательные меры, Бонифасно призвал своих товарищей к восстанию. Восстание быстро приняло размеры настоящей революции. До этого момента как наиболее богатые филиппинские круги, так и основная часть реформистов из среднего класса отказывались поддержать Катипунана. Когда же в вооруженной борьбе выяснился внутренний потенциал этого массового революционного движения и то направление, которое оно может принять, средние слои не только поспешили оказать ему поддержку, но и попытались взять его под свой контроль. Бонифасно и близкий ему круг людей был оттеснен от руководства восстанием, сам Бонифасно убит, а к руководству пришел Эмилио Агнальдо, землевладелец средней руки, муниципальный чиновник из провинции Кавите.

Революция продолжалась более года. 1 ноября 1897 года Агнальдо и его революционный комитет приняли временную конституцию, положив основание Филиппинской республике. К этому времени испанцы убедили влиятельные круги богатых филиппинцев, которые находились в оппозиции к революционному движению, вмешаться в ход событий и побудить Агнальдо вступить в

* Катипунаан — сокращенное название (на тагальском языке) революционной организации — Верховное и почтеннейшее общество сынов народа.

переговоры с испанскими властями, которые были готовы за это пообещать провести реформы. 14 декабря 1897 года колеблющийся Агинальдо и его соратники согласились прекратить вооруженную борьбу и эмигрировать. Агинальдо получил 400 тысяч песо (в счет 1700 тысяч песо, обещанных руководству движения; вся сумма так и не была выплачена).

Эти соглашения, получившие название пакта в Биак-на-Бато, по имени деревни у подножия горы в провинции Булакан, где они происходили, на самом деле ничего не решили. Испанские колониальные власти не стали проводить в жизнь обещанные реформы и продолжали преследовать революционеров. Военные лидеры Катипунана не признавали соглашения с испанцами и продолжали вести вооруженную борьбу за независимость, которая вновь стала весьма интенсивной накануне прибытия в Манилу флота Дьюи. Агинальдо и группа его друзей, находившихся в эмиграции, переехали в Гонконг, где, как заявил Агинальдо, они собирались использовать деньги, полученные от испанцев, на покупку оружия для продолжения революции.

Правительственные учреждения США имели всю необходимую информацию о положении дел на Филиппинах задолго до объявления войны Испании. Еще 3 ноября 1897 года, то есть до пакта в Биак-на-Бато, представитель филиппинских революционеров Филипе Агонсильо обратился к американскому консулу в Гонконге Роунсвиллу Вайлдмену и предложил ему заключить союз. Вайлдмен незамедлительно послал министру иностранных дел Дею следующее сообщение:

«Господин Агонсильо предлагает нам от имени своего правительства заключить оборонительный и наступательный военный союз, когда Соединенные Штаты объявят войну Испании, что, по мнению господина Агонсильо, должно произойти весьма скоро. Пока он хочет, чтобы Соединенные Штаты послали в один из филиппинских портов 20 тысяч винтовок и 200 тысяч патронов для его правительства, за что будет заплачено после того, как Соединенные Штаты признают его правительство (Курсив мой. — У. П.). В залог он предлагает две провинции и таможню в Маниле».

Это донесение, которое ясно показывало, что филиппинские революционеры готовы сформировать свое соб-

ственное правительство, прибыло в Вашингтон в тот момент, когда флот Дьюи уже готовился к отплытию, когда его задача обсуждалась в правительственных кругах и когда сам Дьюи получал инструкции о действиях на Филиппинах. Совершенно очевидно, что это послание обсуждалось довольно обстоятельно: прошло около шести недель, прежде чем Вайлдмену был послан ответ, отправленный 15 декабря, то есть неделю спустя после отплытия Дьюи. Вайлдмену предписывалось не проявлять инициативы в отношении предложений Агонсильо или его соратников.

Все это время американский консул в Маниле Оскар Вильямс посылал регулярные отчеты о непрекращающихся волнениях уже после пакта Биак-на-Бато, о силах и планах революционеров: «Местная обстановка практически очень напоминает ситуацию на Кубе... Идет подготовка к установлению республики, как и на Кубе... Никогда еще восстание не грозило так сильно власти испанцев»⁷. После того как Дьюи прибыл в Гонконг, Вильямсу было поручено посылать ему ежедневные сообщения о положении дел на Филиппинах; в этих посланиях содержалось утверждение, что «вместе с вашим первым выстрелом поднимутся 30 тысяч филиппинцев»⁸.

Таким образом, размах филиппинской революции и ее освободительные цели были хорошо известны американским властям. Более того, в Восточной Азии широко распространились сведения о том, что Эмилио Агинальдо вместе со своими друзьями по филиппинскому революционному движению после переезда 29 декабря 1897 года в Гонконг только поджидал удобного часа для возобновления революционной борьбы. Полностью отдавая себе отчет в сложившемся положении, Дьюи вскоре после прибытия в Гонконг, примерно в марте 1898 года, завязал переговоры с Агинальдо, направив к нему для этого одного из своих офицеров, капитана Вуда, командира канонерки «Петрель».

В своих переговорах с Агинальдо Вуд, действуя по указаниям Дьюи, убеждал лидера филиппинских революционеров вернуться на родину, переформировать с помощью американских советников и американского оружия свою армию и атаковать испанские войска одновременно с готовящимся выступлением американцев. Вуду, однако, были даны указания уклоняться от определенных ответов,

если Агинальдо захочет узнать о планах Соединенных Штатов после поражения Испании. Вуд только сказал филиппинцам, что «Америка — это великая и богатая страна; она не стремится к обладанию колониями, да они и не нужны ей». Ни Дьюн, ни его сотрудники никогда не соглашались зафиксировать какую-либо договоренность с филиппинцами в письменном виде.

Агинальдо, которого допымали судебной тяжбой, затеянной против него одним филиппинским приспособленцем, требовавшим своей доли денег, полученных от Испании, вынужден был оставить Гонконг и прервать переговоры с Дьюн в самое неподходящее время — незадолго до того, как Дьюн 24 апреля получил окончательный приказ атаковать испанский флот в Манильском заливе. Лидер филиппинцев отправился в Сингапур. Здесь с ним сблизилась полная энергии представительница американского консульства, которые хотели продолжить с ним переговоры; но они не располагали такими доверительными инструкциями, какие получил Дьюн в Вашингтоне от клки Рузвельта — Лоджа. В результате общения с представителями консульства, которые были слишком далеки от формирования политического курса, чтобы улавливать необходимые нюансы, и которые лишь всеми силами стремились содействовать долгожданному продвижению Соединенных Штатов в Азии (они питали честолюбивые мечты личного продвижения в награду за свою инициативу), у Агинальдо сложились некоторые «неверные» представления.

Одним из этих людей был консул Спенсер Пратт, который, узнав о передвижениях Агинальдо, вошел с ним в контакт, как только тот прибыл в Сингапур накануне официального объявления войны с Испанией. Пратт, стремясь получить помощь Агинальдо, заверил его, что «Соединенные Штаты по меньшей мере признают независимость Филиппин под защитой американского военно-морского флота»⁹. Министр Дей, узнав об инициативе своего подчиненного, предупредил его, что было бы очень хорошо, конечно, заручиться поддержкой Агинальдо, «если только это не пробудит у него таких надежд, которые потом могут оказаться практически неосуществимыми». Когда Дей в конце концов узнал, как далеко зашел Пратт в своих предложениях, «из которых они (филиппинцы) могли вынести впечатление... что конечной целью

нашей политики... является независимость Филиппин», он отчитал незадачливого консула¹⁰; этот выговор был вызван тем, что действия Пратта шли вразрез с политикой, выработанной в Вашингтоне.

Находившиеся в эмиграции филиппинские лидеры собрались 5 мая в Гонконге и внимательно проанализировали интриги Дьюн и консулов. Они пришли к выводу, что нельзя доверять американцам и что, по всей видимости, у Соединенных Штатов есть планы колониального захвата Филиппин. Тем не менее они решили не порывать с американцами в надежде получить от них оружие, так как «вооруженный народ сможет сопротивляться им, сражаясь за свою независимость, которая составляет истинное счастье филиппинцев»¹¹. В это же время они послали руководителям революционной борьбы на Филиппинах такое предупреждение: «Мы поняли, что они пытаются сделать нас колонией, хотя и говорят, что дадут нам независимость. Комитет считает разумным сделать вид, что мы им верим, но сам вооружается»¹².

На самих Филиппинах был человек, имевший ясное представление о последствиях войны Соединенных Штатов с Испанией, о трудностях, которые это создаст для Филиппин, и о необходимой при этих обстоятельствах тактике. Это был Аполиinario Мабини, блестящий адвокат, который стал со временем одним из самых решительных и безупречных революционеров из среднего класса. Когда стало известно, что официально объявлена война, Мабини составил и распространил среди революционных руководителей документ следующего содержания. Полагая, что Соединенные Штаты победят Испанию и потребуют Филиппины как военный трофей, он настаивал на немедленном создании революционного правительства, чьи войска заняли бы все стратегически важные пункты. Он призывал не помогать ни Испании, ни Соединенным Штатам (на том основании, что было бы ошибочным помогать стране, которая собирается захватить твою родину). Он считал, что правительство Филиппин должно быть в состоянии противостоять победителю в войне, потому что, «когда эти гиганты, полные честолюбия и мощи, убедятся, что наш народ слеп, организован, умеет защищать свою честь и обладает чувством справедливости, им придется обуздать себя и пойти на соглашение с нами, чтобы получить от нас побольше уступок»¹³.

Западные державы, следившие за положением дел в Азии, прекрасно понимали, что филиппинцы полны решимости сражаться за свою независимость. Это видно из доклада, представленного министром иностранных дел Германии Берихардом фон Бюловом кайзеру Вильгельму. Германия была весьма заинтересована в получении новых плацдармов в этом районе, не выпускала из поля зрения Филиппины и следила, как рушится господство Испании. Доклад фон Бюлова был сделан 14 мая, когда Агинальдо еще находился в Гонконге, готовясь вернуться на Филиппины и возглавить революционное движение. Вот что он гласил: «Вполне вероятно, что испанский режим в его сегодняшнем виде не сможет удержаться на Филиппинах. Вопрос состоит в том, будет ли архипелаг захвачен какой-нибудь одной страной или взят под иностранное покровительство... Местное население выказывает очень мало желания сменить испанское ярмо на другое прямое и реальное чужеземное владычество. Заставить тагалогов * подчиниться против их воли иностранной власти будет нелегко. Если американцы или англичане попытаются сделать это, их могут ожидать весьма неприятные сюрпризы, на манер тех, с которыми столкнулась Франция в Мексике или Италия в Эритрее. Жители Филиппин намерены основать свое независимое государство»¹⁴.

19 мая Агинальдо в конце концов был доставлен на Филиппины на одном из судов Дьюи. Он высадился в провинции Кавите, чтобы создать филиппинскую армию для борьбы с Испанией. По словам Агинальдо, сам Дьюи во время их первой встречи на борту флагманского корабля в Манильском заливе заявил ему, что «американцы пришли на Филиппины, чтобы освободить их народ от испанского ярма. Далее он сказал, что Америка крайне богата территориями, доходами и ресурсами и ей не нужны колонии. Наконец, он уверил меня, что нет никаких оснований сомневаться насчет признания независимости Филиппин Соединенными Штатами»¹⁵.

Можно усомниться, чтобы Дьюи стал сам заходить так далеко, по всей вероятности, он повторил слова капи-

* *Тагалогои, или тагалы*, — одна из основных народностей Филиппинских островов (около 20 процентов их населения). Населяют центральную часть о-ва Лусон, включая район Манилы. Тагальский язык является государственным языком Филиппинской Республики.

тана Вуда о том, что Соединенным Штатам не нужны колонии. У Дьюи были веские причины твердить и даже подчеркивать эту мысль, ведя двойную игру с лидером филиппинцев. Манилу защищали 15 тысяч солдат-испанцев и сохранивших лояльность по отношению к Испании филиппинцев; Дьюи не мог взять город до прибытия американских сухопутных войск, а на это требовалось не менее полутора месяцев. Дьюи была нужна помощь филиппинских союзников для осады города. «Я знал, что он сделает, — говорил позднее Дьюи об Агинальдо, — он блокирует испанцев и тем самым сохранит жизнь нашим солдатам»¹⁶.

Туманные заверения и прямой обман прекратились и после прибытия 30 июня американских сухопутных войск. Генерал Т. Х. Андерсон, командующий первым соединенным экспедиционными силами, который был единственным, кроме Дьюи, высшим офицером США, имевшим непосредственный контакт с Агинальдо, подтверждал впоследствии, что в первые дни после высадки каждый американский солдат говорил филиппинцам, что «мы намерены наказать испанцев и освободить вас»¹⁷.

Четыре года спустя в своих ответах сенатской комиссии, которая расследовала войну на Филиппинах, Дьюи вел себя как человек, пытающийся скрыть все то, что происходило в бурные месяцы захвата первого плацдарма в стране, жаждавшей свободы. Он не только отрицал какие-либо обещания, данные им «этим людшкам», но и утверждал, что ему даже не были известны взгляды и стремления филиппинских лидеров: «Бог ведает, чего они хотели, я этого не знаю. Они только отнимали у меня время по пустякам». Ему указали на ворох филиппинских прокламаций, официальной переписки и газетных отчетов, проходивших в то время через его руки, где открыто и страстно выражались надежды филиппинцев на независимость, но Дьюи лишь пожал плечами и заявил, что ничего этого не помнит. Среди этих бумаг была официальная Декларация о независимости Филиппин, принятая 12 июня в Кавите во время церемонии, на которую был приглашен и Дьюи¹⁸.

Армейские генералы, прибывшие вместе с экспедиционными войсками, чтобы занять Манилу, привезли с собой более детальные инструкции Вашингтона, уточнявшие те краткие указания, которые ранее получил Дьюи.

Этот второй этап милитаристской политики был начат правительством Маккинли 3 мая, еще до того, как первое официальное сообщение о сражении в Манильском заливе дошло до Вашингтона. Генерал Нельсон Майлз, командующий всеми сухопутными силами США, в этот день составил план посылки войск на Филиппины, «с тем чтобы укрепить и удержать ряд стратегических пунктов на архипелаге»¹⁹.

Среди военного командования и членов кабинета царил полное единодушие по поводу того, какой политики следует придерживаться в отношении Филиппин. Генерал Уэсли Меррит, назначенный командующим экспедиционными силами, прекрасно понимал свою роль. «Кажется более чем вероятным, что нам придется воевать не только с испанцами, но и с так называемыми повстанцами», — писал он Маккинли 15 мая, требуя подкреплений для «завоевания территории... с 14-миллионным населением, большинство которого будет относиться к нам с ярой ненавистью, порожденной их расой и религией»²⁰. Это письмо было написано до того, как Маккинли отдал приказ о выступлении экспедиционного корпуса, и до того, как Агинальдо прибыл на Филиппины для формирования своей армии. Несколько дней спустя, получив телеграмму от Дьюи о том, что Агинальдо прибыл в Кавите, морской министр Лонг послал адмиралу предупреждение, чтобы тот «не заключал с мятежниками никаких политических соглашений... которые потом обязали бы нас поддерживать их в будущем»²¹.

Приказы президента Маккинли, адресованные армии Меррита 19 мая, ясно показывают контекст, в котором было сделано это распоряжение Лонга: приказы касались не столько борьбы с вооруженными силами Испании, сколько вопроса оккупации Филиппин. В стране надо обеспечить «спокойствие и порядок... пока она находится во владении Соединенных Штатов», — указывал президент; наибольший акцент делался на утверждении, что «власть оккупационной армии является верховной и абсолютной, она непосредственно осуществляет политическое управление местным населением». Короче говоря, экспедиционные войска должны были выполнять роль оккупационной, а не освободительной армии.

Генерал Меррит, докладывая после прибытия на Филиппины о выполнении полученных им приказов, заяв-

лял: «Я считаю разумным воздерживаться от прямых переговоров с лидером повстанцев до тех пор, пока я не займу Манилу, особенно потому, что до этого я не могу сделать официального заявления (об оккупации страны.— *Ред.*) и заставить признать свою власть на тот случай, если его притязания придут в столкновение с моими планами»²².

«Притязания» лидера повстанцев были к тому времени хорошо известны всем. 24 мая Агинальдо издал указ об учреждении правительства с диктаторскими полномочиями. Вслед за этим 12 июня была официально обнародована Декларация независимости, в которой провозглашалось:

«От имени и по уполномочию жителей всех Филиппинских островов мы заявляем, что по праву являемся свободными и независимыми; мы считаем себя свободными от всякого подчинения испанской короне; все политические связи между этими двумя странами полностью и окончательно аннулируются; как все свободные и независимые государства, мы имеем полное право вести войну, заключать мир, вступать в коммерческие переговоры, заключать союзы, регулировать торговлю и осуществлять все те действия, на которые имеют права независимые государства»²³. Мабини сомневался в тактической целесообразности этого шага с учетом сложившейся ситуации, полагая, что было «преждевременным и неблагоприятным открыто объявлять о наших намерениях, в то время как американцы молчали о своих»²⁴.

После опубликования декларации события развивались стремительно. 23 июня диктаторская власть была заменена Революционным правительством во главе с Агинальдо в качестве президента. Были образованы министерства: иностранных дел, военно-морского флота и торговли, военное и общественных работ, полиции, внутреннего порядка, юстиции, гигиены и образования, финансов, сельского хозяйства и промышленности. Был издан декрет о муниципальных и местных органах власти, о системе налогообложения. 1 августа собрание 190 президентов муниципалитетов из 16 провинций ратифицировало Декларацию независимости.

Итак, еще до прибытия первых частей американских оккупационных войск 30 июня на Филиппинах существовало правительство, действующее как на общенациональном

уровне, так и на местах. Это правительство пользовалось поддержкой народа и, исключая лишь Манилу, обложенную правительственными войсками, приступило к управлению всем островом Лусон, которого так домогались американские империалистические круги. (Когда американские войска наконец прибыли, их командованию пришлось просить у филиппинской армии освободить часть своих осадных окопов вдоль берега Манильского залива, в районе Параньяке, южнее Манилы, для того чтобы американцы могли принять участие в официальном взятии столицы.)

В начале августа Агинальдо и члены его правительства обратились с посланием к иностранным дипломатическим представителям на Филиппинах, указывая, что Революционное правительство контролирует 15 провинций Лусона (Кавите, Батавгас, Мипдоро, Тайябас, Лагуна, Моронг, Булакан, Батаан, Пампанга, Нуэва Эсика, Тарлак, Пангасинал, Ла Унион, Инфанта и Замбалес), где «царит полный порядок и спокойствие». В обращении говорилось также, что «Филиппинская нация достигла того момента, когда она может и должна управлять своей страной самостоятельно». Ее президент «просит защиты у всех стран цивилизованного мира и призывает их формально признать независимость Филиппин и Революционное правительство, находящееся в состоянии ведения войны»²⁵.

Соединенные Штаты, как и «все страны цивилизованного мира», игнорировали это послание.

19 августа испанский гарнизон в Маниле сдался американским войскам под командованием генерала Меррита. Это была тщательно подготовленная капитуляция, причем американские части инсценировали мнимую атаку на городские укрепления под предлогом спасения «испанской чести», но на самом деле для того, чтобы позволить американской армии «захватить» город и получить полный контроль над ним и таким образом не допустить его перехода в руки филиппинцев. Во время этого «штурма» филиппинские революционные войска занимали осадные окопы длиной по фронту в семь миль (при общей протяженности окопов вокруг города в 7,75 миль)²⁶ и осуществляли эффективную блокаду противника. Не допустив филиппинцев к участию в приеме капитуляции, американское командование провело передачу Филиппин из рук

одной колониальной державы в руки другой при полном пренебрежении к воле самого филиппинского народа.

По условиям капитуляции «этот город, его жители, его церкви и другие религиозные сооружения, его учебные заведения и вся частная собственность поступили под особую охрану американской армии, ручающейся в том своей честью».

Параграф 3 мирного протокола, подписанного Соединенными Штатами и Испанией 12 августа, гласил: «Соединенным Штатам предоставляется право занять и удерживать город Манилу с заливом и портом в ожидании предстоящего мирного договора, который определит принадлежность Филиппин, порядок контроля и управления ими».

Так Соединенные Штаты добились своей первой цели по захвату базы на Филиппинах. Независимо от того, считалось ли тогда необходимым захватить все Филиппины, правительство Маккишли решило продолжать обманывать и подрывать филиппинское революционное движение, которое имело «притязания» как раз на то, на что у Соединенных Штатов были «свои планы». После овладения стратегическим плацдармом дальнейшее укрепление американских позиций не представляло особых трудностей.

2. Логика захвата колоний

Для Соединенных Штатов время между захватом Манилы и подписанием мирного договора с Испанией было решающим моментом. В этот период состоялось наконец решение о захвате всего Филиппинского архипелага, были проделаны формальности (империалистические государства считают их «законными») по вступлению США в колониальное владение Филиппинами.

Как писал Маккишли в инструктивном письме членам американской делегации, посланной в Париж для подписания мирного договора с Испанией, «жизнь диктует людям их поступки»²⁷. Тем, кто выступал за захват военно-морской и торговой базы в Азии, «жизнь» продиктовала необходимость захвата всего архипелага, а не отдельного района для базы или одного только острова Лусон.

По мнению морских стратегов, базу на Лусоне, в районе Манильского залива, будет невозможно удержать, если допустить переход остальных островов в руки других, со-

перничавших с США стран. Германия, Франция и Россия с интересом ожидали того, что произойдет вслед за крушением испанской колониальной империи. С военной точки зрения нельзя было не рассматривать архипелаг как единое целое.

Что же касается коммерческих интересов США, то, хотя китайский рынок оставался главной целью, Филиппины становились все более привлекательными из-за своих собственных возможностей. Фрэнк А. Вандерлип, помощник министра финансов в кабинете Маккинли, поспешно поместил в августовском номере журнала «Сенчури» статью «Факты о Филиппинах», в которой превозносились экономические перспективы Филиппинских островов. 2 августа, еще до захвата Манилы, министерство иностранных дел США назначило комиссию во главе с Эдвардом В. Харденом для исследования «положения дел с финансами и промышленностью на Филиппинах»²⁸; в это же время, на следующий день после подписания мирного протокола, Дьюн была послана телеграмма, в которой запрашивались сведения о возможностях организации военно-морской базы и об экономической обстановке²⁹. Доклад Джорджа Ф. Беккера, геолога, посланного на Филиппины с первыми экспедиционными войсками, был получен в октябре; содержащиеся в нем данные о минеральных ресурсах вместе с докладом Хардена, в котором подчеркивалась мысль о «единстве и неделимости Филиппинских островов»³⁰, были немедленно отправлены в Париж американской делегации на мирной конференции.

Требования сохранить в собственности острова исходили и от американских церквей, которые проявили такое же миссионерское рвение, как и самые неистовые апостолы коммерции. Журнал «Баптист стандарт» был так воодушевлен захватом Манилы, что бросил призыв к «империализму праведности»³¹. Сразу же после сражения в Манильском заливе протестантские миссионерские общества предприняли шаги для развертывания своей деятельности на Филиппинах; пресвитерианское миссионерское общество настолько было уверено в ходе событий, что завершило составление своих планов 6 июня³². К 6 сентября отделение Североамериканского библейского общества уже действовало в Маниле. Когда миссионер епископ Джеймс Милл Тобёрн, принадлежащий к Методистско-епископальной церкви в Южной Азии, «услышал

о чудесной победе коммодора Дьюн в Манильском заливе, равной победе под стенами Иерихона, его дух был потрясен. Он увидел в этом осуществление многолетних надежд, ответ на возносившиеся молитвы. Бог сказал свое слово. Теперь Филиппины открыты для евангельского учения»³³. Все это происходило, несмотря на тот факт, что Филиппины были католической страной вот уже более чем три столетия. Протестантским церквям Соединенных Штатов открывалась исключительная возможность «провести кампанию по обращению в свою веру жителей этой цитадели католицизма»³⁴. С другой стороны, американские католические ордена увидели в этой ситуации шанс занять место своих испанских братьев. Жена Маккинли, имевшая на своего мужа сильное влияние, была поглощена мыслью об «обращении игрогов»³⁵. Сам Маккинли, всегда следивший, откуда дует ветер, отдал дань этим чувствам и в своем пресловутом заявлении изрек, будто бы получил указание свыше о том, что «нам ничего не остается, как принять всех филиппинцев в наше лоно, обучать их, воспитывать и обращать в христианство»³⁶.

Колебания по поводу аннексии всего Филиппинского архипелага, сохранявшиеся в некоторых кругах США, были преодолены также благодаря появлению нового важного фактора — действий Англии. К этому времени Британская империя переживала период беспоконья и неуверенности в своих силах: с появлением агрессивного соперника — Германии, начавшей строить мощный флот, ей особенно трудно было защищать свои разбросанные по всему миру владения и отстаивать свои позиции в международной торговле. Если бы Филиппины попали не к американцам, а в чьи-нибудь другие руки, то это создало бы угрозу британским позициям в Гонконге и Сингапуре, что потребовало бы присутствия здесь крупных оборонительных сил военно-морского флота. И напротив, присутствие в Азии дружественного флота Соединенных Штатов дало бы Англии возможность вернуть значительную часть флота в свои внутренние воды, чтобы

* *Игроги* — одно из небольших племен, населяющих горную северную часть о-ва Лусон. Сохраняют сильные пережитки родового строя. Они не были подвергнуты христианизации и остались индустрами. В американской прессе конца XIX — начала XX века зачастую «игрогами» ошибочно именовали всех язычников на Филиппинах.

противостоять немецкому флоту, непрерывно пополняющемуся на верфях в Киле. Кроме того, увеличившаяся доля Америки в коммерческих делах Азии давала бы определенную гарантию против территориальных захватов России, Японии и Франции в Китае (где годовой оборот английской торговли составлял 32 миллиона фунтов стерлингов, то есть около 70 процентов всей внешней торговли Китая).

Дальновидные и широкие планы Англии заключались в том, чтобы уступить американским притязаниям в Карибском море в обмен на поддержку Соединенными Штатами английской политики в Китае. Уверения Англии в октябре 1897 года в том, что она заинтересована в Кубе лишь с коммерческой точки зрения и что она одобрит выступление США против Испании в бассейне Карибского моря, было первым шагом в завоевании Соединенных Штатов как союзника. 10 января 1898 года английский премьер-министр Бальфур выдвинул концепцию «открытых дверей» в Китае, и 8 марта 1898 года была сделана попытка заручиться через посольство в Вашингтоне американской поддержкой этой позиции. Однако тогда правительство Маккинли не было склонно предпринять подобный шаг.

Англия оказала определенную помощь вторжению США на Филиппины. Британские власти в Гонконге снабдили Азиатскую эскадру Дьюи углем перед его походом в Манильский залив. После разгрома испанского флота английские военные корабли сыграли свою роль в укреплении позиций эскадры Дьюи. Немецкая эскадра под командованием адмирала Дидерихса, превосходящая по силам флот Дьюи, вошла в Манильский залив и, действуя явно провокационно, на время взяла под контроль ряд портовых сооружений. Английские корабли заняли такую позицию между немецкими и американскими судами, что было ясно — они держали сторону американцев; так удалось погасить конфликт.

После США в Лондоне Джон Хэй в июле писал министру иностранных дел Дею: «Английское правительство хотело бы, чтобы мы заняли Филиппины»³⁷. Это опровергало предположения, исходившие из некоторых кругов в Вашингтоне и опубликованные в английской печати, о том, что «местных иностранных представителей весьма интересует предложение, сделанное Англии, — забрать

Филиппины в обмен на Бермудские острова или британские владения близ границ США»³⁸. Хэй был вдохновителем создания 13 июля в Лондоне Англо-американской лиги; параллельно с этим, двумя неделями позже, в Нью-Йорке был организован Англо-американский комитет.

В сентябре 1898 года Хэй был назначен министром иностранных дел в кабинете Маккинли. Его тесные связи с Англией, бесспорно, более всего способствовали этому назначению; характерно, что предприниматели, связанные с Американо-азиатским обществом и Американской компанией по развитию Китая, чувствуя, что сотрудничество с Англией в той или иной форме поможет их пропривлечению в Китай, поддерживали назначение Хэя на пост министра. Именно Хэй осуществлял общее руководство деятельностью американской делегации на Парижской мирной конференции 1898 года, где Англия сыграла важную роль, поддержав приобретение Филиппин Соединенными Штатами.

Католическая церковь и Ватикан тоже добивались, чтобы США заняли все Филиппинские острова целиком. Церковь была очень обеспокоена, что ее обширные владения на островах окажутся под угрозой, если после крушения испанского господства не будет установлена власть другой западной державы. Одной из главных причин филиппинской революции и соответственно одним из главных объектов борьбы революционеров, особенно крестьянства, были огромные земельные владения монахов из религиозных орденов, осуществлявших жестокую феодальную эксплуатацию в своих имениях. В Соединенных Штатах и других странах рассказывались ужасные истории о плохом обращении с монахами на всех территориях, контролируемых революционными силами. В США кардинал Джеймс Гиббонс и архиепископ Джон Айрленд, оба близкие к республиканской партии и к президенту Маккинли, выступали за захват Филиппин, надеясь, что американская католическая церковь получит власть в бывшей испанской епархии на архипелаге³⁹.

В центре всех этих различных влияний находился Маккинли, возглавлявший, вероятно, самое близкое к интересам бизнеса правительство за всю предшествующую историю Соединенных Штатов (Генри Адамс охарактеризовал его как «просто очень гибкого и высокооплачиваемого агента... капитализма»⁴⁰). Сам Маккинли с самого

начала дискуссий был явно на стороне захвата всего архипелага. Среди его бумаг нашли такое замечание: «Пока идет война, вплоть до ее окончания мы должны удерживать все, что можем захватить; когда война кончится, мы должны будем сохранить за собой все, что нам нужно»⁴¹. Тем не менее он был очень обеспокоен общественным мнением о слишком активной империалистической политике, которое, как он хорошо понимал, может повлиять на шансы его переизбрания на следующий срок на выборах 1900 года.

Искусный политик, Маккинти продолжал закулисную подготовку к аннексии. В делегации, посланной в Париж на мирные переговоры, большинство составляли горячие сторонники империалистической политики. Трое из пяти членов выступали за захват не только Филиппин, но и вообще всего, что можно прибрать к рукам на Тихом океане: это были сенаторы-республиканцы Кушмен К. Дэвис из Миннесоты и Вильям Д. Фрай из Мэна, а также Уайтлоу Рид, редактор «Нью-Йорк трибюн», один из самых активных защитников экспансионистской политики. Глава делегации, министр иностранных дел Вильям Р. Дэй поддерживал захват по меньшей мере острова Лусон. Лишь сенатор Джордж Грей, демократ, был противником захвата заокеанских территорий⁴². Маккинти проявил дальновидность, включив в состав делегации трех сенаторов, которым придется волей-неволей защищать плоды своих собственных трудов, когда договор будет представлен в сенат для одобрения. В результате даже антиколониалистски настроенного Грея удалось уговорить голосовать за договор (Маккинти умел расчетливо оказать поддержку нужным людям).

В инструкциях, которые президент дал делегации, упоминался один только остров Лусон; цели Соединенных Штатов были сформулированы в самых благочестивых выражениях, которые, однако, оставляли возможность для толкования в духе широчайшего экспансионизма:

«Мы не строили никаких планов относительно полного или хотя бы даже частичного присоединения Филиппин. Однако сам факт присутствия и успехов нашего оружия в Маниле накладывает на нас обязательства, которыми мы не можем пренебрегать. Действия людей определяются ходом событий. Беззаветно отдавая все силы ради цели, которая вдохновляет нас, мы не можем не отдавать себе

отчета в том, что вопреки нашим ожиданиям война навязала нам новые заботы и обязательства. Мы не можем их с себя сложить и должны их выполнить, как это подобает великой нации, ибо с первых шагов ее истории бог-вседержитель повелел нам взять на себя заботу о прогрессе цивилизации. Наше присутствие на Филиппинах, как оказалось, создает определенные коммерческие возможности, к которым американское государство не может остаться безучастным. Мы в полном праве использовать все законные средства для расширения американской торговли. Нам тем не менее не нужны никакие преимущества на Востоке, которые не доступны никому другому. Прося открыть двери для нас, мы готовы согласиться на открытие дверей для всех остальных. Возможности развития торговли, которые обычно возникают в связи с этим, зависят не столько от обширности территориальных владений, сколько от имеющейся экономической базы, от широты равнин для всех привилегий».

Упоминание «открытых дверей» было, конечно, поклоном в сторону Англии — в благодарность за ее поддержку, а также за старания нейтрализовать недовольство других держав, вызванного открытым захватом колонии в той части мира, где империалистическое соперничество было и без того острым.

Когда мирная конференция в Париже была в самом разгаре, Маккинти совершил тщательно продуманную и разрекламированную поездку по среднему и западным штатам для знакомства с настроениями обществ. В этих районах преобладали сторонники захватнической политики, тогда как антиимпериалистические течения были сильнее на юге и востоке страны. Аплодисменты, которыми во время поездки встречали высказывания президента о том, чтобы удержать Филиппины, выдавались за всенародную поддержку аннексии. По возвращении в Вашингтон Маккинти телеграфировал Дюю, что «вполне обоснованное мнение большинства» американцев склоняется в пользу захвата всего архипелага. За этим последовали соответствующие инструкции в адрес делегации на мирной конференции. «Информация, поступившая к президенту после вашего отбытия *,

* Имеются в виду доклады Беккера и Хардена об экономической обстановке и о минеральных богатствах на Филиппинах.

убеждает его в том, что соглашаться на уступку одного лишь Лусона и оставлять прочие острова под испанским господством или откладывать этот вопрос на рассмотрение в будущем является недопустимым с точки зрения политики, коммерции и человеколюбия. Испания должна уступить весь архипелаг или ничего. Поскольку последнее неприемлемо, надлежит добиться первого»⁴³.

В то самое время, когда в Париже проходила мирная конференция, филиппинское Революционное правительство созвало в Малолесе (провинция Булакан) конвент для принятия конституции, на основе которой будет управляться страна. Этот факт был игнорирован всеми участниками Парижской конференции. Филипе Агонсильо, уполномоченный филиппинским правительством представлять его за рубежом, прибыл в Париж и пытался предъявить свои полномочия («Филиппинцы не позволят, чтобы ими и их родиной торговали, как товаром», — заявил он), однако американская делегация не пожелала даже его выслушать. Делегация, не зная фактически ничего о Филиппинах, предпочитала получать сведения об этой стране из рук начальников американских оккупационных войск или от иностранных бизнесменов из Манилы.

«Соединенные Штаты смогут обеспечить прочное управление островам. В их руках страна расцветет и в короткое время сможет возместить Соединенным Штатам все вложенные средства», — свидетельствовал бизнесмен Андрэ, он же бельгийский консул в Маниле. В докладе Дьюн говорилось, что «Манила... это порт, который в наших руках быстро станет одним из первых портов мира».

Майор Фрэнк Борнс, офицер медицинской службы, прикомандированный к штабу Меритта, был основным посредником американцев при их попытках склонить на свою сторону богатых филиппинцев. Он много бывал на Филиппинах и установил контакты с этими антиреволюционными элементами. (К американским экспедиционным войскам он был, по его просьбе, прикомандирован в качестве «переводчика».) Борнс заверил членов американской делегации на конференции в Париже, что «при надлежащих методах этим народом нетрудно управлять... Я полагаю, что если удастся склонить на свою сторону нескольких честолюбивых вождей повстанцев, то управиться с народом будет легко»⁴⁴.

Мирные переговоры в Париже затянулись. Они длились более двух месяцев, осложненные маневрами крупнейших держав, заинтересованных в разделе колоний. В России, Франции и Германии правительства и пресса были настроены против американских претензий к Испании, поскольку там опасались появления нового соперника в Азии (Франция, имевшая собственные интересы в Индокитае и Южном Китае, кроме того, широко финансировала русское проникновение в Северный Китай и Маньчжурию). В России одна из петербургских газет предостерегала: «С переходом всех Филиппин в руки столь предприимчивых и упорных людей, как американцы, Тихий океан быстро превратится в североамериканское озеро, где флагам прочих стран разве что будет разрешено появляться»⁴⁵. Россия была не на шутку встревожена тем, что американцы заинтересовались железными дорогами в Маньчжурии, которую Россия считала своим заповедным полем. Всей этой волне сопротивления Соединенные Штаты могли противопоставить поддержку Англии и Ватикана.

Камнем преткновения был затянувшийся Парижскую конференцию вопрос о судьбе долгов, сделанных Испанией в связи с расходами на подавление кубинской революции. Основные займы были предоставлены ей в 1897 году европейскими державами (Францией, Германией и главным образом Австро-Венгрией) под обеспечение природных богатств Кубы. Соединенные Штаты соглашались оплатить задолженность, связанную с расходами по строительным работам на Кубе, но отказались принимать на себя или разрешить попадающей в зависимость от них Кубе принять на себя расходы Испании по подавлению революции.

Когда переговоры по этому вопросу зашли в тупик, вмешался наблюдатель от Ватикана, архиепископ Пласидо Луис Шапель (епархия Новый Орлеан). Он убедил американскую делегацию согласиться дать испанцам 20 миллионов долларов якобы в уплату за Филиппины, а фактически — на покрытие Испании своего кубинского долга и тем самым успокоить европейские державы, сопротивляющиеся мирному договору. Собственные мотивы архиепископа Шапеля были между тем гораздо глубже. Как представитель Ватикана, он был весьма заинтересован в том, чтобы по договору приобретение Филиппин

Соединенными Штатами выглядело более сделкой, нежели захватом. В первом случае сохранялись обширные владения католической церкви на этих островах (включая монастырские угодья), тогда как во втором права на них оказывались под вопросом. В своей окончательной формулировке договор поэтому содержал декларацию о том, что переход Филиппин и других островов к Соединенным Штатам «не может ни в какой мере затронуть собственность или права, на законных основаниях связанные с мирным владением собственностью всех видов, принадлежащей... церковным и иным организациям». По статье III договора установлена уплата 20 миллионов долларов без ясного указания на их назначение.

Согласно договору, Испания, от которой Филиппины надеялись после веков гнета полностью оторваться, сохраняла равные с США коммерческие привилегии в своей бывшей колонии на десятилетний срок, до 1909 года (ст. XV). Испанцам были также предоставлены права проживания, деловой активности и владения собственностью (ст. XIX), равно как и всем прочим иностранцам. Американская делегация получила инструкцию заявить, что «на Филиппинах Соединенные Штаты будут придерживаться политики открытых дверей для мировой коммерции». Расчет был на то, чтобы добиться подобных же шагов от других империалистических держав в Азии.

Подписанный 10 декабря 1898 года мирный договор гласил: «Испания уступает Соединенным Штатам архипелаг, известный под названием Филиппинские острова». О филиппинском народе там не было ни слова, если не считать следующего: «Население территорий, суверенитет над которыми Испания передает или уступает, сохраняет право свободного отправления своей религии» (очередная уступка архиепископу Шапелю), а также замечания о том, что «гражданские права и политический статус туземного населения территорий, отныне уступаемых Соединенным Штатам, будут установлены конгрессом». Иными словами, филиппинцы попадали в колониальную зависимость от Соединенных Штатов.

Филиппе Агонсильо в качестве представителя филиппинского правительства в Париже пытался передать американской делегации меморандум с протестом против мирного договора. «Мое правительство не может считать

себя связанным этим договором, — заявил он, — поскольку не было заслушано мнение филиппинского народа, а его представители не были допущены к обсуждению, несмотря на его неоспоримое право вмешиваться во все вопросы, так или иначе связанные с его будущим»⁴⁶. Как и все прочие попытки Агонсильо заявить о позиции своего правительства, эта была игнорирована.

Вожди филиппинской революции не ожидали от Парижской конференции ничего хорошего. Аполinario Мабини, ставший главным советником Агинальдо, осудил передачу страны под власть США как нарушение «международного естественного права» народов на свободу⁴⁷. Филиппинский военачальник Антонио Луна писал в правительственной газете «Ла Индепенденсия»: «Народами нельзя торговать, как лошадьми или домами. Аболиционисты добились отмены торговли неграми на том основании, что это торговля людьми. Почему же международное право все еще позволяет продавать страну, чье население может вовсе не желать вливаться в состав другого государства?»⁴⁸.

Агонсильо поспешил в Вашингтон, пытаясь обратиться от имени своего правительства к президенту Маккили и к сенату, куда был направлен на ратификацию мирный договор. Он выступал с заявлениями, что, «согласно нормам международного права, целиком уважаемым американским правительством, Филиппинская Республика на протяжении многих месяцев существовала как самостоятельное государство, что и следует признать, так как с июня 1898 года она имеет собственное правительство де-юре и де-факто, способное поддерживать порядок внутри страны и вступать в отношения с иностранными правительствами». Как заявил Агонсильо, «он не может поверить, что кто-либо откажет десяти миллионам людей, которых он представляет, в правах, признаваемых свободным правительством Америки за самым последним из своих жителей»⁴⁹. Его не стали слушать.

На Филиппинах была составлена конституция и сделаны шаги к официальному провозглашению республики. В ответ на эти акты сопротивления американскому господству президент Маккили поспешил на одиннадцатый день после подписания мирного договора, еще до ратификации его сенатом США, сделать особую декларацию.

В ней содержались инструкции для министра обороны. Декларация гласила, что одержанная Дьюи победа на море и сдача испанцами Манилы «практически означали завоевание Филиппинских островов и прекращение над ними испанского владычества». С подписанием испано-американского мирного договора «дальнейший контроль и управление Филиппинскими островами переходят к Соединенным Штатам». Вследствие этого «пемедленное фактическое занятие и подчинение всей группы Филиппинских островов становится необходимым. Полномочия американской военной администрации, действующей в городе, гавани и бухте Манилы, надлежит как можно быстрее распространить на всю приобретенную территорию».

Это и должно было быть объявлено филиппинцам, которым предлагалось сотрудничать с новыми властями, «либо активно помогая, либо полностью им подчинившись». С несогласными будут поступать «в соответствии с принятым законодательством, действуя при необходимости твердо, но по возможности избегая суровости... Вся власть будет принадлежать военной администрации до тех пор, пока законодательные органы Соединенных Штатов не пересмотрят этот вопрос». Военные власти будут собирать налоги, пошлины и в случае необходимости конфисковывать частную собственность на военные нужды. Филиппинцам разрешается занимать посты только в гражданских и муниципальных учреждениях «на условиях признания власти Соединенных Штатов путем принесения присяги».

В заключение говорилось, что «миссией Соединенных Штатов является доброжелательная ассимиляция филиппинцев». Однако, чтобы обеспечить выполнение этой «высокой миссии... на благо управляемых, необходимо неукоснительно поддерживать строгий режим власти, пресекая всяческие нарушения. Устранение всех препятствий позволит одарить народ Филиппинских островов благами эффективного и прочного управления под сенью флага Соединенных Штатов»⁵⁰.

3. Мир заключен, война начинается

Для Маккилли перевес сторонников экспансии в вопросе о Парижских мирных переговорах, а также слова

о высоких моральных обязательствах, которыми пытались прикрыть экономические цели аннексии Филиппин, создавали немалые трудности. Президенту и его окружению было над чем задуматься, когда встал вопрос о практической реализации принятой политической линии. Превращение войны за «освобождение» Кубы в военный захват азиатской колонии породило глубокое недовольство в Соединенных Штатах.

Первые шаги антиколониалистского движения относятся приблизительно ко времени, когда произошла битва в Манильском заливе. Однако это движение стало превращаться в серьезную силу, лишь когда развеялся военный угар и характер колониальной политики ясно определился. Тут заявили о себе силы, которые по своим местным экономическим интересам были против имперских устремлений. Но они действовали и ранее, в ходе мирных переговоров с Испанией и затем через сформированное в кулуарах сената мощное лобби, влиявшее на дебаты по ратификации мирного договора.

Стальной магнат Эндрью Карнеги одним из первых выразил свое недовольство. Давление, которое он оказал во время переговоров, выступая против аннексии Филиппин, было весьма ощутимым. Государственный секретарь Джон Хэй писал члену делегации на Парижских переговорах Уайтлоу Риду:

«Эндрью Карнеги просто потерял голову. Он плет мне безумные письма, подписываясь «Ваш самый яро- стный противник». Он грозит президенту не только потерей избирателей, но и прямой расправой толпы. Он говорит, что отныне все рабочие избиратели Америки будут настроены против нас и что он позаботится, чтобы это было так. Он утверждает, что правительство потерпит непоправимый ущерб, лишь только мы пристрелим первого филиппинского повстанца. Ему, видно, не приходит в голову, что наше правительство не так уж слабо, если оно смогло пристрелить нескольких американских граждан в Хомстеде, действуя в его же интересах»⁵¹.

Что касается Карнеги, то ему в конце концов помогли понять, в чем его интересы. Гораздо более серьезная и глубокая оппозиция колониальному захвату составила- ся из американских сельскохозяйственных производителей, опасавшихся конкуренции со стороны более дешевых иностранных продуктов. Это были те, кто поддерживал по-

правку Теллера в случае с Кубой, и теперь они смотрели на филиппинский сахар, табак и другие продукты как на сырьевую угрозу.

Эти группировки предпочитали осуществлять свое давление через обычные каналы — конгресс и кабинет, нежели прибегать к формам независимого политического движения. Именно они составили большую долю оппозиции в вопросе о ратификации мирного договора с Испанией. Те, кто растил табак, от Коннектикута до Северной Каролины и Кентукки, те, кто разводил сахарную свеклу и сахарный тростник на пространствах от Джорджии до Луизианы и от среднего запада до штата Висконсин, а также в центральной полосе до Калифорнии, — они составили так называемый антиимпериалистический блок. Это были районы распространения популистского движения. Фермеры были недовольны — гнев монополий сказывался на их доходах — и требовали политики «свободного серебра»*, которым они собирались вымостить свою дорогу к процветанию. На этом фоне конкуренция иностранных продуктов была бы невыносимым бременем.

Аграрии, недовольные имперской политикой, имели готового выразителя своих чаяний в лице Уильяма Дженнингса Брайана, знаменосца демократической партии, в 1896 году целиком отдавшего кампанию в пользу «свободного серебра». Когда разразилась война с Испанией, он пошел добровольцем в армию, — это была вспышка ура-патриотизма, как результат разочарований в популистском движении. Однако после поражения Испании его отношение к колониальным авантюрам изменилось, он поспешно сбросил мундир, чтобы успеть в Вашингтон на обсуждение ратификации договора в конгрессе.

Брайан не возражал против приобретения военно-морских баз и прочих средств для защиты американской коммерции и капиталовложений в заморских странах, но был против захвата колоний. Его постановка вопроса весьма

* Республиканская партия, действуя в интересах крупных капиталистов Севера и Востока, выступала за введение золотого стандарта. Демократическая партия требовала сохранения серебряных денег (упавших в цене после открытия новых серебряных рудников).

характерна для громадного большинства протестовавших против откровенно империалистического курса. Он аргументировал, ссылаясь на вред, который владение колонией принесет американскому народу, не говоря ни слова о вреде, наносимом народу, который собирались колонизовать: «Если рынок обеспечивается с помощью силы, то все расходы на это следовало бы вычесть из прибылей, которые он приносит. И эти прибыли никогда не покроют подобных затрат. Никто бы не стал держаться такой системы, если бы не одно обстоятельство: расходы несет вся страна, тогда как прибыли идут немногим. Империалистическая политика выгодна судовладельцам, которые будут возить живых солдат на Филиппины и мертвых — обратно. Она также выгодна чиновникам, которые там смогут получать повышенные оклады, и тем, кто сможет получить различные привилегии. Для фермера же, для рабочего человека и для большинства людей других занятий все это принесет лишь расходы, которые никогда не окупятся, и риск, который ничем не оправдан»⁵².

Вступление в игру Брайана, официального руководителя демократической партии, укрепило оппозицию. С его стороны, правда, это был небескорыстный шаг. Антиимперские настроения только складывались, сторонники еще не были объединены и не имели общей программы. Брайан делал ставку на то, чтобы вокруг вопроса о колониях организовать платформу, которая на следующих выборах помогла бы ему занять президентское место, не доставшееся ему в 1896 году.

В декабре 1898 года мирный договор был представлен в сенат США на ратификацию. Здесь имелась сильная оппозиция, выступавшая против того, чтобы превращать Филиппины в американскую колонию, поэтому Маккилли и поддерживавшие его лидеры в сенате постарались сделать все, чтобы смутить и разобщить противников. Они нажимали на то, что ратификация есть средство прекращения войны, от которой устала вся страна.

Тем не менее в процессе дебатов несколько сенаторов от южных и среднезападных штатов, чьи сельскохозяйственные продукты вступили бы в конкуренцию с филиппинскими, внесли несколько проектов резолюции против аннексии Филиппин. Первый из них был внесен Джорджем Уэстом, сенатором от штата Миссури, 10 декабря 1898 года, то есть в тот день, когда был подписан в Париже

мирный договор. В этой резолюции отвергалась правомерность ссылок правительства Маккини на конституцию США в качестве обоснования захвата колоний. Правительство заявляло, что опирается на следующее положение конституции: «Конгресс полномочен распоряжаться всей территорией и иной собственностью, принадлежащей Соединенным Штатам, и издавать законы и правила, к ним относящиеся». Резолюция Уэста между тем подчеркивала, что, «согласно конституции, федеральному правительству не предоставляется никаких полномочий приобретать территории, которые будут управляться как колонии. Пока действует наша нынешняя конституция, европейская колониальная система у нас невозможна. При этом любая территория, приобретенная правительством, за исключением таких мельчайших участков, которые потребны под угольные станции, для исправления пограничной линии и тому подобных целей, с необходимостью должна быть подготовлена к превращению в штат, могущий эвентуально быть принятым в состав США».

Другой конституционный вопрос поднимался в резолюции, предложенной сенатором от штата Иллинойс Уильямом Мэйсопом 7 января 1899 года: «Поскольку всякое правительство получает законные полномочия только с согласия управляемых, сенат Соединенных Штатов постановляет, что правительство Соединенных Штатов не будет предпринимать попыток управлять народом какой бы то ни было из стран мира без согласия на то самого народа и не будет подчинять его силой нашей власти против его желаний».

Во время дебатов по поводу его резолюции сенатор Мэйсон сказал о филиппинцах: «Разве они присягали нашему флагу? Они, видите ли, не способны собой управлять! И это мы говорим бедному, позабытому богом, задавленному народу! А пока мы нашептываем ему утешительные речи о том, как мы дадим ему и жизнь и свободу, мы одновременно подмигиваем торгашам — мы, мол, расширим коммерцию и станем сбывать больше ситца...»

Резолюции Уэста и Мэйсона, отвергавшие аппексию на конституционных основаниях, не прошли при голосовании; после этого 11 августа сенатор Огастус Бэйкон от штата Джорджия внес резолюцию, в которой говорилось:

«Соединенные Штаты настоящим отказываются от любых попыток или намерений осуществлять суверенитет и юрисдикцию или власть над указанными островами и заявляют о своей решимости, как только там будет создано надлежащим путем прочное и независимое правительство, передать этому правительству на разумных и справедливых условиях все права, перешедшие от Испании. Вслед за тем власть и управление островами будут переданы их народу»⁵³.

Эта первая попытка связать Соединенные Штаты обязательством предоставить филиппинскому народу независимость принадлежит сенатору, защищавшему местные интересы производителей сахара. Это видно из реплики Бэйкона во время дебатов: «Тропический климат плюс дешевая азиатская рабочая сила, управляемая американскими мозгами,— с этим не справиться производителю сахара в Америке, когда он столкнется с конкуренцией Филиппин. То же самое и с другими филиппинскими товарами. Их производство, конечно, обогатит те синдикаты и тресты, которые вложат в него деньги, но огромным массам (американского) народа... который они стараются обмануть и увести в сторону сверхающей побрякушкой слова «империя», взамен достанется лишь разорение... промышленности»⁵⁴.

Хотя каждая из этих резолюций, направленных против колониалистской политики, не собрала при голосовании простого большинства, было неясно, получит ли одобрение сам мирный договор, заключенный в Париже, поскольку для этого требовалось большинство в две трети голосов. Однако последовавшие события позволили империалистической группировке с помощью ряда ухищрений овладеть ситуацией.

5 февраля 1899 года, за день до назначенного голосования в сенате по поводу договора, на Филиппинах произошли спровоцированные американцами столкновения между американскими и филиппинскими войсками. Подобное как сенсация сообщение об этом заставило в Вашингтоне по крайней мере двух сенаторов из оппозиции перед самым голосованием изменить свои взгляды и проголосовать в пользу договора. Трех других сенаторов склонили к тому же самому, предоставив им должности в административном аппарате Маккини (среди них был и представитель оппозиции на Парижской мирной конфе-

ренции сенатор Грей, которому было пожаловано место федерального судьи)⁵⁵.

Другим, возможно, и более важным обстоятельством был маневр, проведенный Уильямом Дженнингсом Брайаном. Если бы Брайан продолжал выступать с чисто протекционистских позиций, защищая местных аграрных производителей, несомненно, он представлял бы неодолимую силу. Однако он не был заинтересован в том, чтобы вопрос о Филиппинах был решен окончательно голосованием по поводу ратификации договора. Он думал о грядущих президентских выборах 1900 года, на которых надеялся выступить от демократов соперником Маккинли. Он воображал себя во главе кампании против империализма, которую предполагал развернуть, пользуясь предраснодушным американцем, как это удалось в случае с вопросом о свободе Кубы.

Поэтому Брайан в феврале 1899 года стал поддерживать ратификацию договора, с тем чтобы обеспечить себе и своей партии возможность в 1900 году поднять вопрос о предоставлении независимости Филиппинам. Частично он действовал под влиянием того, что многие демократы, особенно на севере, а также большая часть демократической прессы страны склонялась к поддержке ратификации. Чтобы стать кандидатом от своей партии, он должен был достичь соглашения с этими группами точно так же, как с аграриями.

Несмотря на ряд предпринятых в самую последнюю минуту попыток противодействия, договор собрал необходимое большинство в две трети голосов (57 против 27) в один тур голосования. Семь демократов, три популиста, три сильверита* и один независимый (не трудно заметить влияние Брайана!) присоединились к 43 республиканцам, голосуя за одобрение договора. Против голосовали 22 демократа, два республиканца, два популиста и один сильверит.

Шестого февраля, непосредственно перед голосованием, Самуэль Макинери, сенатор от сахарного и рисоющего штата Луизиана, внес проект резолюции следующего содержания:

«Сенат постановляет, что ратификация настоящего

* Сильвериты — сторонники серебряной основы денежного обращения.

мирного договора с Испанией не предполагает предоставления жителям указанных островов гражданства Соединенных Штатов Америки, равным образом не предполагается аннексировать навсегда территорию указанных островов и ввести ее в состав территории Соединенных Штатов. Намерение Соединенных Штатов сводится к тому, чтобы установить на указанных островах управление, соответствующее потребностям и состоянию населения этих островов, подготовить их к местному самоуправлению и в подходящий момент распорядиться островами таким образом, который в наибольшей степени будет соответствовать интересам граждан Соединенных Штатов и населения указанных островов».

К этому достаточно расплывчатому заявлению сенатор от штата Джорджия Бэйкон предложил поправку, гласившую:

«Соединенные Штаты настоящим отказываются от любых попыток или намерений осуществлять постоянный суверенитет и юрисдикцию или власть над указанными островами и заявляют о своей решимости, как только там будет создано правительство, являющееся, по мнению правительства США, прочным и независимым, передать этому правительству на разумных и справедливых условиях все права, перешедшие от Испании. Вслед за тем власть и управление островами будут переданы их народу».

Будь эта резолюция принята, она заставила бы Соединенные Штаты проводить в отношении Филиппин ту же политику, которая была принята по отношению к Кубе в связи с поправкой Теллера от апреля 1898 года. При голосовании 14 февраля поправка Бэйкона расколола сенат — 29 против 29. Все решил один голос вице-президента США Гэррета Хобарта, проголосовавшего против.

Резолюция Макинери фактически тогда прошла, получив 26 голосов «за» и 22 «против». Но официальным выражением политического курса она так и не стала, поскольку не была внесена в палату представителей для подтверждения.

Завоевание половины голосов поправкой Бэйкона, провозглашавшей в качестве цели эвентуальную независимость Филиппин, успех резолюции Макинери, объявлявшей, пусть туманно, американскую оккупацию времян-

ной, — оба эти факта расценивались как антиимпериалистами, так и борющимися филиппинцами в качестве свидетельства раскола в американских правящих кругах по вопросу о Филиппинах. Это была, в общем, верная оценка с тем только, что последствием раскола суждено было проявиться много позже.

Для многих, кто первоначально не соглашался с политической экспансии, ратификация мирного договора означала, что вопрос исчерпан и вступление во владение Филиппинами стало юридическим фактом. Это видно из того, как проходило в сенате голосование по предложениям Бэйкона и Макинери. Хотя по вопросу о самом договоре проголосовало 84 сенатора, в голосовании по поправке Бэйкона участвовало уже только 59 сенаторов, а по резолюции Макинери — всего 48. Из 90 сенаторов, лишь 29, то есть меньше одной трети состава, этот вопрос волновал настолько, что они сочли нужным проголосовать за резолюцию в пользу независимости Филиппин. За поправку Бэйкона голосовало меньше представителей демократической партии, чем их выступило против собственно договора. Между тем, по оценкам современников, тогда лишь 34 сенатора могли считаться явными сторонниками имперской политики⁵⁶. Остальные 27 были «умеренными», колеблющимися между признанием договора и нежеланием открыто поддерживать неограниченное владение Филиппинами.

В том, что касается филиппинского вопроса, ратификация договора вынудила и антиимпериалистов, и филиппинских патриотов перейти к своего рода арьергардным боям. Сам Бэйкон продемонстрировал подчинение сложившейся обстановке: всего год спустя при обсуждении военных расходов он заявил, что сам он и его демократическая партия готовы направить на Филиппины на год, три или пять лет сто тысяч солдат или столько, сколько потребуется, дабы утвердить там власть Америки.

Джордж Хор, внешне напомиравший Линкольна, сенатор от штата Массачусетс, который был одним из двух республиканцев, голосовавших против договора, презрительно отозвался о Брайане и ему подобных демократах: «Демократы как партия никогда не имели серьезных намерений в этом вопросе. Они ни разу не бросили всех сил партии на противодействие аннексии»⁵⁷.

Дело антиимпериалистов тем не менее не было проиграно, хотя и не удалось провалить договор. Компрометация демократов также не оказалась глубокой. Сопротивление тому типу колониализма, который выразился в захвате Филиппин, неуклонно шло с разных сторон. Не удавшись в одном месте, оно разворачивалось в другом. При его неуспехе в лобовой атаке оно все же продолжало оказывать большое влияние на весь процесс политической борьбы в целом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Американцы и филиппинцы. Привлечение или порабощение?

1. Как готовилось удушение республики

В последние месяцы 1898 года на Филиппинах проводились в жизнь их собственные законы, начал функционировать государственный аппарат, но одновременно филиппинцам приходилось видеть, как в самом сердце их родины американская военная администрация устраивает островок, на котором воцаряются иностранные порядки. На смену генералу Мерриту в августе пришел генерал Элвелл Отис, активно взявшийся за исполнение обязанностей военного губернатора. Всевозможными способами он давал понять, что ни о каком признании филиппинского правительства или взаимодействии с ним не может быть и речи.

Филиппинские воинские части (по своей дисциплине и организованности это была настоящая регулярная армия) сначала не были допущены к совместной оккупации Манилы после капитуляции испанцев, а затем под угрозами Отиса применить силу были вынуждены эвакуировать и пригороды Манилы. Сложилась ситуация вооруженного перемирия. Положение было напряженное, чреватое взрывом.

Президента Агинальдо американцы даже в конфиденциальных сообщениях именовали не иначе, как «командующий повстанцами», а в посланиях к нему использовалось обращение «генерал». Филиппинским судам в манильской бухте было запрещено поднимать филиппинский флаг. Гражданскими делами в Маниле ведал начальник американской военной полиции. Он часто проводил обыски в домах филиппинцев (а не испанцев) с целью

изъятия оружия. Почтамт, учрежденный в Маниле филиппинским правительством, после обыска был закрыт, его служащие арестованы.

Пошлины и внутренние налоги собирались американцами и использовались ими для своих целей, главным образом на военные нужды. Согласно приказу военного министерства США, изданному в августе, по всем вопросам сбора пошлин и налогов следовало обращаться к помощнику военного министра. А 13 декабря, всего лишь через три дня после подписания мирного договора и за несколько недель до его передачи в сенат, в военном министерстве был создан отдел пошлин и внутренних дел, ведающий управлением перешедшими к Америке территориями¹.

В сентябре 1898 года в Маниле были открыты школы, где американские военнослужащие преподавали язык оккупантов — английский язык. Появились американские газеты. Для прочих газет была введена цензура. Испанские газеты были закрыты за критику в адрес военной администрации. Филиппинцы просили разрешения на издание своего официального органа «Ла Индепенденсия», но получили отказ². Отис дошел до того, что 26 сентября издал Указ о недопущении китайцев на Филиппины, гласивший, что «здесь будут действовать законы Соединенных Штатов, согласно которым въезд китайцев запрещен»³.

В течение того же сентября американская военная администрация начала раздавать некоторым американским фирмам лицензии на право вести дела на Филиппинах⁴. Почти все они, будь то отделения американских компаний или индивидуальные бизнесмены, сразу занялись обслуживанием тысяч американских военных. К примеру, «Макондрэй энд Ко», отделение фирмы из Сан-Франциско, остающейся и теперь одной из крупнейших компаний на Филиппинах, начинала как поставщик австралийского мяса для армии. А уже в ноябре она занялась торговлей недвижимым имуществом в Маниле⁵. Подобные предприятия были авангардом тех коммерческих групп, которые добивались для себя плацдарма в Азии.

Лидеры филиппинской революции с беспокойством наблюдали за развитием событий. Их декларации в Гонконге и на Филиппинах ясно показывают, что они намеревались создать себе прочные позиции и, опираясь на них,

повести переговоры с американцами, которым они были готовы сделать значительные уступки. Декларация независимости от 12 июня 1898 года содержала формулу: «под защитой Могучей и Гуманной североамериканской державы». Идея существования на правах протектората со всеми вытекающими последствиями владела умами главных филиппинских политических деятелей. Между тем даже после того, как испанская армия сдалась американцам (а те продолжали наращивать в городе войска и оттеснять филиппинские части), филиппинские лидеры продолжали вести себя сдержанно.

Весьма характерные изменения произошли в составе филиппинского правительства. Эмилио Агинальдо после создания в июне Революционного правительства ввел в кабинет несколько богатых филиппинских землевладельцев и ростовщиков, с самого начала выступавших против революции. Они стремились при всех переменных не потерять власть и поэтому занимали двойственную позицию. С одной стороны, они были готовы сотрудничать с американцами, а с другой — одновременно соглашались занимать посты в филиппинском правительстве. Таковы Тринидад Пардо де Тавера, Каэтано Арельяно, Бенито Легарда, Грегорио Аранета, Филипе Буэнкамино и Флорентино Торрес.

С самого появления американцев Арельяно и де Тавера выступали за аннексию островов Америки, и их Агинальдо назначил ведать иностранными делами (Арельяно он даже предлагал пост президента республики). Легарда, вице-президент филиппинского конгресса, заявил бельгийскому консулу и бизнесмену Андре, что он «был бы рад, если Соединенные Штаты возьмут острова под свое покровительство и положат конец постоянным требованиям денег, которыми его одолевают повстанцы»⁶. Идя навстречу подобным элементам, Агинальдо решил распустить ненавистный им Катипунан⁷. Филиппинский конгресс был сам полон коллаборационистов, некоторые из них подписывали заявления в верности Соединенным Штатам и были резко настроены против любых революционных преобразований.

Генералу Отису все это было хорошо известно. «У меня было большее влияние на кабинет Агинальдо, чем у него самого», — говорил он позже. Ни он, ни его вашигтонское начальство не считали тем не менее нужным

в отношениях с филиппинцами прибегать к какой-либо дипломатии или переговорам.

Главной заботой Отиса было получить в свое распоряжение достаточное количество войск, чтобы распространить власть на всю территорию архипелага. Основное затруднение возникало с филиппинской армией, как средоточием радикальных сил. Соответственно тактика Отиса состояла в том, чтобы оказать поддержку интригам, которые плели в филиппинском правительстве представители богачей, и не позволить радикалам взять все дело в свои руки.

Когда поспешное заявление Маккинли от 10 декабря с требованием распространить военную власть на всю территорию достигло Отиса, тот забеспокоился. Он находил заявление несвоевременным и опасным. Его публикация откроет полностью намерения американцев и тем сыграет на руку радикалам, которыми руководят Мабини и Лупа. Подкрепления же американским войскам еще не прибыли. «Влиятельные филиппинцы... мудрейшие мужи Манилы» советовали Отису не публиковать заявление в его истинном виде, опасаясь, что это приведет к росту влияния радикалов. Отис соответственно вычеркнул все упоминания о том, что Соединенные Штаты присваивают суверенитет страны, и видоизменил формулировки, чтобы придать им иной смысл.

Внесенные им изменения прекрасно иллюстрируют, к какой лжи прибегали тогда американские власти в своих сношениях с филиппинцами. Отис выбросил все упоминания насчет «суверенитета», «власти», «местного самоуправления», а также «признание власти Соединенных Штатов». Слова о том, что гражданские и муниципальные должности могут занимать лишь те, «кто признал власть Соединенных Штатов путем принесения присяги...», были заменены иной формулировкой: «Функции и обязанности, связанные с гражданским и муниципальным управлением, должны исполняться теми служащими, которые склонны к принятию сотрудничества со стороны Соединенных Штатов». Слова об «осуществлении управления на благо управляемых» превратились в слова об установлении «временного управления на благо управляемых». Пределом фальсификации были заключительные строки, полностью придуманные Отисом и отсутствующие в тексте Маккинли:

«Я также уверен, что намерение правительства Соединенных Штатов состоит в том, чтобы возможно большее количество войск на островах было набрано из представителей филиппинского народа, поскольку это совместимо со свободным и устойчивым управлением страной. Именно в таком духе мне и хотелось бы проводить политику. Я уверен, что правительство Соединенных Штатов желает установления в стране возможно более либерального управления, с представительством народа настолько полным, насколько это допустимо для поддержания закона и порядка. Развитие управления по пути все большей представительности и расширения полномочий позволит прийти к свободному и независимому правительству, подобному тем, какие имеются в самых лучших странах мира».

Оправдывая впоследствии свой редкостный макнавеллизм, генерал Отис говорил: «Мне не хотелось употреблять те слова, которыми воспользовался бы Мабини, чтобы возбудить народ как раз в самый неподходящий момент»⁸. Тем не менее генерал, до того подписывавшийся «военный губернатор на Филиппинах», ставя подпись под этой декларацией, почему-то допустил ошибку и поименовал себя «военный губернатор Филиппин». Это было сразу отмечено Агинальдо и Мабини, как только декларация появилась, 4 января 1899 года.

Агинальдо немедленно опубликовал контр-декларацию, «чтобы самым серьезным образом выразить протест против узурпации Соединенными Штатами суверенитета (Филиппинских) островов»⁹. Ситуация еще более осложнилась после того, как американский генерал Миллер, посланный Отисом, чтобы занять город Илоило на Висайских островах, не зная о том, в каком виде издал декларацию его начальник, опубликовал там документ Маккилли в его истинной форме.

В этот период Агинальдо и радикальные филиппинские лидеры еще надеялись, несмотря на подписание мирного договора в Париже, добиться согласия на какую-нибудь самостоятельность в той или иной форме. Однако, как только стали известны условия договора и декларация Маккилли, наиболее зажиточные и консервативные филиппинцы отвернулись от Агинальдо и стали искать возможности приспособиться к власти американцев. Тем не менее борьба за формальное установление Филиппинской

Республики продолжалась и увенчалась провозглашением ее 23 января 1899 года.

Отис приложил немало трудов, чтобы в последнюю минуту помешать этим усилиям филиппинцев укрепить свой суверенитет. Седьмого декабря ему стало известно, что вскоре шесть полков регулярных войск будут присланы ему из Соединенных Штатов в качестве подкрепления. Они заменят добровольцев, чьи сроки службы уже подходили к концу. Добровольцы стремились домой, не желая участвовать в войне, на которую их даже не вербовали. Кроме того, Отис знал, что в сенате должна состояться ратификация мирного договора. Поэтому он маневрировал и тянул время, ожидая, что развитие событий укрепит его позиции.

После консультации с теми богачами консерваторами, которые отказали в поддержке правительству Агинальдо, Отис взял инициативу в свои руки. Он направил одного из них, Флорентино Торреса (занимавшего важный пост в органах юстиции при испанских властях), в город Малолос, где тот убедил Агинальдо вступить в переговоры с американцами. Агинальдо пошел даже на то, чтобы сделать Торреса главой делегации из трех человек, которая должна была встретиться с соответствующей американской группой под руководством генерала Хьюза. За период с 9 по 29 января между ними состоялось шесть встреч.

Филиппинские делегаты, согласно инструкции, начали переговоры с твердых позиций. Они с самого начала потребовали «полной независимости» и указали, что если вначале правительство Филиппин могло смотреть сквозь пальцы на покушения на его суверенитет, то с появлением декларации Маккилли события дошли «до крайних пределов в смысле посягательств на независимость и целостность (страны)». В Париже имела место, заявили они, «передача суверенитета, которая является незаконной, ибо уступающая сторона не осуществляла суверенитета в момент передачи. Суверенитет де-факто почти на всей переданной территории осуществлялся филиппинским народом», который «решительно отвергает любое колониальное господство и готов ответить силой на все попытки навязать его». В качестве предварительного условия каких бы то ни было переговоров с Соединенными Штатами ставилось признание независимости Филиппин.

Однако по мере продолжения переговоров филиппинская делегация, возвращавшаяся после каждой встречи в Малолос за инструкциями, значительно смягчила свои требования. На последующих заседаниях все три члена делегации открыто высказались за протекторат Соединенных Штатов. По просьбе американской делегации Торрес в письменном виде изложил позицию филиппинской стороны. Он определил ее как требование желаемой всем народом «независимости с теми ограничениями, которые могут быть оговорены их правительством и правительством США, если первое будет официально признано последним». О том, каковы могут быть эти «ограничения», Торрес высказал свои собственные соображения: «Он вполне представляет себе, что если филиппинцы будут сами управлять своими внутренними делами, то это может породить серьезные затруднения в отношениях с иностранными державами, поэтому ему кажется, что покровитель должен иметь право по крайней мере на серьезное моральное вмешательство». Это даст ему возможность влиять на филиппинских лидеров, с тем чтобы «они подчинялись тем же законам, которые (американский) народ принял на себя». На практике такое соглашение не очень отличалось бы от того, что было навязано Соединенными Штатами Кубе в соответствии с поправкой Платта*.

Американская делегация, более всего заинтересованная в оттягивании каких бы то ни было соглашений с филиппинцами до тех пор, когда придут ожидавшиеся войска, изображала непонимание «стремлений» филиппинцев, затем запрашивала экземпляры филиппинской конституции, сведения о правительстве Агинальдо, наконец, требовала общих «разъяснений». Переговоры нужны были генералу Отису, только чтобы выиграть время; он был так безразличен к ним, что даже не считал нужным послать в Вашингтон протоколы заседаний¹⁰.

* Поправка Платта к закону о военных ассигнованиях была принята конгрессом США 2 марта 1901 г. Она определяла основы отношений между США и Кубой, включавшие серьезные ограничения кубинского суверенитета, в частности право США на военную интервенцию в случае «анархии» или «угрозы независимости» Кубы. Эти положения были включены затем в конституцию Кубы и в текст американо-кубинского договора 1903 г.

К концу января регулярные части под командованием генерала Луатона прибыли на Филиппины. Хотя была назначена седьмая встреча сторон, переговоры были внезапно прерваны, и американские власти взяли курс на скорые и решительные действия. Это было сделано, несмотря на то, что Маккилли назначил гражданскую комиссию по Филиппинам, которая, как было известно, начала работу. Она должна была рассмотреть ситуацию в стране и дать свои рекомендации, включая вопрос об отношениях с филиппинской стороной.

Вот замечания одного видного английского колониального чиновника, полагавшего, что американская военная администрация не пошла по пути мирного решения проблемы, который позволил бы избежать последовавших трагических событий: «Не может быть никакого сомнения в том, что одного простого благоразумия было бы достаточно, чтобы избежать войны. Ее можно было бы избежать, стоило только обратиться за советом к британской, французской или голландской администрации на Дальнем Востоке и последовать этому совету»¹¹.

Было много споров о том, не действовал ли Отис, провоцируя столкновения, в согласии с планом — облегчить одобрение мирного договора сенатом. Так или иначе 5 февраля, за день до голосования в сенате, использовав в качестве предлога мелкую стычку между американским и филиппинским пикетами на окраине Манилы (при этом первыми открыли огонь американцы), Отис отдал приказ об общем наступлении на филиппинские войска, стоявшие вокруг столицы. Ни Отис, ни кто-либо иной из американских военачальников не дал удовлетворительного объяснения, почему инцидент с пикетами не мог быть улажен путем самых обычных переговоров.

Как только мирный договор был ратифицирован, Соединенные Штаты, считая себя теперь полным законным владельцем Филиппин, перешли к военному подавлению Филиппинской Республики.

2. Комиссия Шермана и поиски альтернативы военному решению

В начале кампании по завоеванию Филиппин произошел эпизод, вызвавший серьезные споры о целесообразности военной политики. Сколь важное значение прида-

валось этой проблеме, явствует из того, что в дискуссию оказались вовлечены такие лица, как Маккилли и члены его кабинета, Агинальдо и его министры, командующие американскими вооруженными силами на Филиппинах и, наконец, члены комиссии, посланные президентом США для изучения настроений филиппинцев и выработки рекомендаций по организации управления страной. Это была так называемая комиссия Шермана, назначенная в начале января, до ратификации мирного договора и до начала военных действий между филиппинской и американской армиями.

Седьмого января 1899 года контр-адмирал Дьюи* направил Маккилли телеграмму, в которой просил, чтобы «для улаживания разногласий была прислана комиссия, составленная из гражданских лиц, опытных в вопросах дипломатии и государственного управления»¹². Дьюи был не в ладах с Отисом и имел натянутые отношения с филиппинскими лидерами, поэтому он пришел к выводу, что гражданские политики будут более, чем военные, пригодны для обсуждения условий политического урегулирования.

В Вашингтоне же подобный шаг обсуждался еще до телеграммы Дьюи. Назначая комиссию, Маккилли был движим не одним лишь желанием собрать информацию о настроениях на Филиппинах и о путях решения филиппинской проблемы. Он стремился обезоружить противников экспансионизма, которые грозились заблокировать ратификацию мирного договора и, апеллируя к влиятельным кругам, ставили под вопрос обоснованность имперской политики. Поэтому на роль главы Филиппинской комиссии Маккилли избрал Джейкоба Шермана, президента Корнельского университета, человека с репутацией либерала, весьма уважаемого в академических кругах, проповедника реформ в государственном аппарате; он с самого начала филиппинской кампании публично выступал против аннексии архипелага.

Как и многие его единомышленники, Шерман в то время не исходил из того, что филиппинцам должно быть предоставлено право самоуправления; он лишь утверждал, что завоевание островов будет дорогостоящим и обременительным

* За победу в Манильском заливе Дьюи был произведен из коммодоров в контр-адмиралы.

нительным и что «демократическая страна, которая управляется народом и для народа, не может принять в число своих граждан людей, которые не способны к самоуправлению»¹³.

Когда Шерману предложили возглавить комиссию, он сначала отказался, ссылаясь на свое несогласие с политикой правительства. Однако Маккилли сумел уговорить его, заявив: «О, это не должно Вас смущать; мне тоже не нужны Филиппины. По смыслу протокола, приложенного к договору, мне предоставлялась свобода действий в вопросе их присоединения, но в конце концов у меня не осталось другого выхода»¹⁴. Маккилли знал, с каким человеком он имеет дело и как произвести на него впечатление. В конце января перед тем, как комиссия погрузилась на корабль, Шерман в качестве ее главы заявил представителям прессы:

«Возвращение островов под власть Испании было невозможным, так как мы уничтожили эту власть; передача островов под управление туземцев привела бы к царству анархии и беззакония. Оставался единственный выбор — взять опеку на себя, сколь она ни трудна и противна духу и строю нашего государства»¹⁵.

Газета «Нью-Йорк коммерциэл адвертайзер» откликнулась на это выступление едким замечанием: «Похоже, что профессора Шермана пригласили в качестве представителя противников экспансии, с тем чтобы логика фактов заставила его изменить позицию (как это произошло с сенатором Греем), что и будет продемонстрировано, когда он вернется домой»¹⁶.

Комиссия состояла из пяти членов, и при их назначении Маккилли следовал той же тактике, что и при формировании делегации на Парижскую мирную конференцию: он заполнил ее проимпериалистами и тем гарантировал, что Шерман будет не более чем номинальным председателем комиссии. Другими членами ее стали генерал Отис, адмирал Дьюи, Дин Вустер и Чарльз Дэнби.

Отис и Дьюи принадлежали к числу главных руководителей военных операций по захвату Филиппин. Вустер, профессор зоологии Мичиганского университета, был одним из немногих американцев, которые хоть что-нибудь знали о Филиппинах. Он совершил туда две научные экспедиции между 1887 и 1893 годами, провел в стране три

с половиной года. Вустер и его спутник в этих путешествиях Фрэнк Борнс приобрели обширные знания о Филиппинах и о жизни их населения. Кроме того, они завязали широкие связи в кругах богатых помещиков и ростовщиков. Трудно не прийти к выводу — в свете той роли, которую они стали играть впоследствии, — что Вустер и Борнс выполняли функции первых разведчиков на службе экспансионистов.

Борнс сопровождал экспедиционный корпус в 1898 году в качестве майора медицинской службы, но его основным делом было выполнять в Маниле роль главного советника генерала Отиса по политическим вопросам. Используя в качестве прикрытия должность главы ведомства здравоохранения города Манилы, он в действительности возглавлял шпионскую сеть, обслуживавшую штаб Отиса¹⁷. Именно Борнс вел тайные переговоры с богатыми филиппинцами, включая чиновников филиппинского правительства, чтобы побудить их к сотрудничеству с американцами (Шардо де Тавера, имевший пост в ведомстве иностранных дел правительства Агинальдо, одновременно служил в манильском бюро здравоохранения под начальством Борнса).

Вустер написал книгу о Филиппинах и серию статей, которые вышли в свет в 1898 году, когда американские чиновники остро нуждались в информации о колонии, которую США в это время захватывали. Одна из этих статей, опубликованная в октябрьском номере журнала «Сепчюри» за 1898 год и озаглавленная «Запутанные проблемы Филиппин», была первым серьезным выступлением, в котором предлагался план действий в этой стране после ее аннексии. «На первых порах все дела будут, естественно, в руках военных, — писал Вустер, — а гражданская администрация лишь постепенно будет занимать место военного управления». Он рекомендовал использовать с некоторыми поправками испанскую колониальную систему, привлечь «туземных служащих» в административный аппарат, реформировать налоговую систему и обратить налоги, собранные на Филиппинах, на покрытие расходов колониального бюджета, кодифицировать законы, решить проблему орденских земель.

В конце декабря Вустер прибыл в Вашингтон и попросил аудиенции у Маккинли, «чтобы сообщить президенту некоторые факты, относящиеся к положению на

Филиппинах, которые, как мне кажется, требуют его личного внимания». Сообщают, что Маккинли внимательно выслушал Вустера. Его информация и рекомендации произвели такое впечатление на президента, что он немедленно предложил Вустеру выехать на Филиппины в качестве своего личного представителя, а рекомендации Вустера были немедленно переданы Отису по телеграфу¹⁸. По-видимому, наибольшее впечатление произвело на Маккинли знание Вустером социальной психологии филиппинцев. Когда вскоре после этого была создана комиссия Шермана, Вустер был назначен одним из ее членов. Твердолобый консерватор, прислужник самых оголтелых империалистов, Вустер больше, чем любой другой американец, прослужил на руководящих постах в филиппинской колониальной администрации.

Другой член комиссии Шермана, Чарлз Дэнби, на протяжении тринадцати лет возглавлял консульство США в Пекине. Он был послан в Китай в 1885 году по рекомендации американских деловых кругов, в частности представителей железнодорожного и текстильного бизнеса, которые намеревались освоить китайский рынок. Дэнби был сторонником дипломатии канонерок, которая призвана была обеспечить «вооруженную защиту всех иностранцев в Китае». Миссионеров он именовал «передовым отрядом торговли и бизнеса». Он говорил: «Вообразите, как расцветет торговля хлопчатобумажными тканями, если каждый китаец станет носить рубашку. А ходить в рубашках их учат не кто иные, как миссионеры!» Чтобы создать базу для торговли с Китаем, он рекомендовал захватить Формозу¹⁹. Незадолго до своего назначения членом комиссии Шермана, Дэнби выступил за сохранение Филиппин в качестве колонии, чтобы использовать их как ворота в Китай²⁰. Его считали представителем интересов мясного треста и фасовочных предприятий западных штатов²¹. Дэнби ввели в состав комиссии Шермана в угоду самым ярким экспансионистам.

Маккинли не только позаботился о заполнении комиссии подходящими людьми, но и составил инструкции, строго ограничившие ее роль. Комиссия была названа совещательной по своему характеру, и ей было предписано не вмешиваться в действия военных властей, которые рассматривались как «временная администрация». Показательно, что, пока с большой pompой формировалась ко-

миссия Шермана, военное министерство, осуществлявшее фактическую власть на Филиппинах, без лишнего шума создало 23 января 1899 года свой собственный Советский комитет по делам колоний.

Когда комиссия Шермана 4 марта 1899 года прибыла в Манилу, Парижский мирный договор был давно уже ратифицирован и на Филиппинском архипелаге развертывалась захватническая война. Поэтому вопреки ожиданиям Шермана консультативные функции комиссии оказались направленными не на предотвращение столкновений между американскими и филиппинскими вооруженными силами и не на мирное разрешение конфликтов, а на содействие американской армии, подавлявшей сопротивление филиппинцев. Члены комиссии не могли пересечь линию фронта и вести переговоры с руководителями филиппинского правительства (они встречались только с его второстепенными представителями, приславшимися в Манилу). Комиссия не выезжала из Манилы, и здесь ее члены имели беседы с коллаборационистскими элементами из числа богатых филиппинцев, с влиятельными испанскими монахами и с иностранными бизнесменами, которые были единодушно настроены против «повстанцев» и приветствовали установление американского господства.

Сложившаяся ситуация вызвала серьезные разногласия между членами комиссии и ее председателем. Сам Шерман, уважавший, подобно многим ученым, букву закона, чувствовал себя связанным тем фактом, что мирный договор был ратифицирован, и потому не ставил под сомнение суверенитет США над Филиппинами. Впоследствии он говорил: «В одном вопросе комиссия была непоколебима. Американский суверенитет над Филиппинами был установлен по договору, и этот факт более не подлежал обсуждению с филиппинскими повстанцами»²². Но, не считая этого пункта, Шерман вступил в конфликт с остальными членами комиссии по всем другим вопросам переговоров с филиппинскими лидерами и о том, какие уступки им могут быть сделаны на пути к самоуправлению.

Это был решающий момент в развитии американской колониальной политики. И Шерман, человек консервативных взглядов, и люди более либеральных убеждений полагали, что приобретение баз и получение широких воз-

можностей для торговли и капиталовложений могут быть достигнуты без дорогостоящего процесса колониального порабощения и военной оккупации. Они полагали, что эти цели могут быть достигнуты путем предоставления значительной степени автономии филиппинцам, которые готовы примириться с американским присутствием на островах.

Однако задолго до того, как правительство США начало хоть в какой-то мере разбираться в филиппинских делах, американская политика уже приобрела жесткий милитаристский характер, и об изменении ее не могло быть и речи. Эта позиция первоначально нашла отражение в инструкциях, которые президент Маккинли направил генералу Мерриту 29 июня 1898 года, где он подчеркивал, что «власть оккупационной армии является абсолютной, верховной и непосредственно определяет политический режим для местного населения»²³. Эта мысль была повторена в прокламации от 21 декабря 1898 года о «доброжелательной ассимиляции» филиппинцев, где снова подчеркивалась «абсолютная власть военного командования»²⁴. То же подтверждалось и в инструкциях, полученных комиссией Шермана, которой предписывалось осуществлять свою деятельность «без вмешательства в дела американских военных властей, управляющих в настоящее время Филиппинами»²⁵.

Генерал Элвелл Отис был олицетворением того военного режима, на который Маккинли возложил задачу поставить под контроль 6700 тысяч жителей Филиппинского архипелага. Когда Шерман прибыл в Манилу, его ужаснули методы, которыми Отис осуществлял военное управление. «Он отталкивает новоприбывших грубостью своих манер; офицеры почти всегда боятся приблизиться к нему; он не слушает советов, даже не желает получать ни от кого информацию; он все делает сам, сидя в своем кабинете... Отис не тот человек, который сможет покорить филиппинцев»²⁶.

Выступая перед комиссией сената США, которая в марте 1902 года расследовала руководство военными действиями на Филиппинах, генерал Отис продолжал вести себя бесцеремонно. На вопрос, зачем, по его мнению, он был послан на Филиппины, он отвечал: «Обеспечить порядок в войсках». На требование высказать свое понимание задач политики, которую он должен был проводить,

осуществляя верховную власть, Отис неохотно проговорил: «Поддерживать мирные отношения с туземцами», которые, однако, «стремились к войне». Филиппинский народ, по его мнению, «не способен к самоуправлению». Он полагал, что «они никогда и не стремились получить независимость», армию же они создали, чтобы «держаться в благоговейном страхе народ», а состояла она «по преимуществу из разбойников». В чем была цель филиппинцев? «Они хотели сбросить американцев в море и перебить всех белых в Маниле». Отис был убежден, что «там нет ни одного филиппинца или кого-нибудь еще, кто стремился бы к самоуправлению»²⁷.

Отис утверждал, что у него не было никакого плана относительно шагов, которые следует предпринять после ратификации мирного договора с Испанией. Однако немедленное генеральное наступление на филиппинские войска, которое он предпринял 5 февраля 1899 года, свидетельствует о тщательной предварительной подготовке. Сам Отис телеграфировал военному министерству 7 февраля, через два дня после начала столкновения: «Уверен, что нападение повстанцев произведено без приказа со стороны повстанческого правительства». Однако курс на развертывание военных действий был уже принят, и он следовал по нему без колебаний.

В тот же день, когда произошло нападение, представитель генерала Агинальдо Флорентино Торрес предложил объявить перемирие, но его просьба была отвергнута. Спустя три дня, 8 февраля, Агинальдо направил к Отису своего адъютанта полковника Аргуэльеса с предложением начать мирные переговоры. Отис послал военному министерству США следующую телеграмму: «Агинальдо теперь просит прекратить военные действия и начать переговоры. Я отказался дать ответ». Показательно, что ни Маккинли, ни военное министерство не распорядились приостановить военные операции или воспользоваться предложениями Агинальдо о перемирии. Вместо этого от военного министра Эльджера пришла телеграмма, поздравляющая Отиса с его «блестящей победой»²⁸.

К началу апреля, когда все члены комиссии Шермана прибыли и были готовы приступить к работе, американская армия в наступательном порыве захватила город Малолос, где находилась резиденция филиппинского пра-

вительства (провинция Булакан), и продвинулась далеко на север, выйдя к реке Пампанга.

Первым шагом Шермана было издание прокламации, излагающей общую политику Соединенных Штатов по отношению к Филиппинам. Первоначальный набросок текста прокламации Шерман составил в духе высокого альтруизма: «Ни американское правительство, ни американский народ ничего не ищут для себя на Филиппинских островах. Они рассматривают суверенитет над Филиппинами, доставшийся им в ходе событий, лишь как опеку, которую они перед лицом всего цивилизованного мира будут осуществлять единственно в интересах филиппинского народа»²⁹. Когда, однако, этот проект поступил на рассмотрение Вустера и Дэнби, его тон был изменен, и в окончательном тексте содержалась лишь посула установить «просвещенное управление, при котором филиппинский народ сможет пользоваться благами широкого самоуправления и полной свободы... в пределах, совместимых с теми обязательствами, которые взяли на себя Соединенные Штаты».

Позиция Вустера и Дэнби нашла свое отражение в основополагающем пункте прокламации, который гласил: «Господство Соединенных Штатов должно быть и будет обеспечено во всех частях архипелага. Те, кто сопротивляется ему, не добьются ничего, кроме собственной гибели». За этим следовал перечень туманных и расплывчатых «исходных принципов», которые обещали филиппинцам «широкую свободу самоуправления», «гражданские права», «свободу вероисповедания», «создание административного аппарата, к службе в котором туземцы будут широко привлечены, в пределах практической целесообразности», а также надежную и справедливую систему налогообложения, строительство общественно полезных сооружений, развитие экономики, расширение школьной сети и, наконец, «реформы во всех сферах управления... направленные на удовлетворение обоснованных требований, выражающих благородные чувства и надежды филиппинского народа». Далее следовало торжественное заявление: «Чувства чести, справедливости и дружбы не позволят нам превратить Филиппинские острова и их народ в объект или орудие эксплуатации»³⁰. Сравнивая прокламацию с теми идеями об управлении

колониями, которые Вустер высказывал в своей статье в журнале «Сенчюри», становится очевидным, что упоминание о «самоуправлении» было включено в прокламацию по настоянию Шермана.

Когда прокламация была расклеена на улицах Манилы, ее неодобрительно встретили противники компромисса как из числа филиппинцев, так и американцев. Находившиеся в городе филиппинские революционеры срывали прокламацию со стен, а американские офицеры, которые помышляли лишь о полном военном подчинении островов, отзывались об этом документе с презрением³¹.

Что касается, однако, лидеров филиппинского правительства, то они рассматривали прокламацию как основу для переговоров и решили обдумать предложение о той или иной форме самоуправления. 29 апреля Аполлиарио Мабини, выступавший тогда в качестве министра иностранных дел, направил с полковником Мануэлем Аргуэльесом письмо комиссии Шермана, в котором предлагал объявить перемирие на три месяца, чтобы дать филиппинскому правительству возможность высказать пожелания своего народа, а также чтобы сформировать представительный орган для обсуждения этого вопроса³². Аргуэльес получил инструкции разъяснить американцам, что, хотя само филиппинское правительство стремится к независимости, оно подчинится воле народа, если последний выскажется за признание суверенитета США над Филиппинами. Ему было поручено настаивать на получении детальных разъяснений тех расплывчатых принципов, которые фигурировали в прокламации.

Отис наотрез отказался рассматривать просьбу о перемирии, и, пока продолжались попытки переговоров, военные действия шли своим чередом. Переговоры между группой филиппинских эмиссаров и комиссией Шермана продолжались с перерывами более месяца. Филиппинцы ясно дали понять, что предпочитают иметь дело с комиссией, а не с военным командованием.

В ответ на просьбу миссии Аргуэльеса детализировать положения прокламации в комиссии Шермана был разработан схематичный план организации управления Филиппин. Как сообщает Вустер, этот план был предварительно составлен лично им и его старым соратником Фрэнком Борнсом, который членом комиссии не состоял.

В своей обычной бесцеремонной манере Вустер послал этот план по телеграфу государственному секретарю Хэю на утверждение, даже не поставив в известность находившегося в отъезде Отиса, который пришел в бешенство, когда узнал об этом. В ответной телеграмме Хэя, одобрявшего план, говорилось: «Вы уполномочиваетесь выдвинуть следующее предложение: пока конгресс не решит иначе, правительство Филиппинских островов, подчиненное президенту США как главнокомандующему, будет состоять из назначенного президентом генерал-губернатора, назначенного генерал-губернатором кабинета, избранного народом совещательного Генерального совета (при этом будет необходимо тщательно рассмотреть и определить требования, которым должен будет отвечать гражданин для получения избирательного права). Генерал-губернатор будет иметь право абсолютного вето. Создается сильная и независимая судебная власть, причем главные судьи назначаются президентом США. Члены кабинета и судьи будут подобраны из числа как туземцев, так и американцев с учетом их квалификации»³³.

Девятнадцатого мая в Манилу прибыла вторая филиппинская миссия для продолжения переговоров. Она отличалась по составу от той, которая переговоры начала. В филиппинских правительственных кругах шла борьба между теми, кто был готов без промедления капитулировать перед американцами, и теми, кто упорно стремился продержаться до тех пор, пока не будет достигнуто почетное соглашение. Последние были в большинстве. Однако, хотя новая миссия состояла из представительней более воинственной группировки, она не выдвинула существенных возражений против представленного американцами плана, а лишь потребовала дальнейших уточнений. Филиппинскую миссию не столько беспокоил план административного устройства, сколько поиски пути к почетному миру, не связанному с унижительной капитуляцией. Если первая миссия настаивала, чтобы филиппинцам была предоставлена возможность «сохранить честь армии», то вторая миссия расширила это требование и предложила, чтобы филиппинская армия была без сдачи оружия полностью включена в состав вооруженных сил того правительства, которое будет сформировано на архипелаге³⁴.

По этому, как и по большинству других вопросов,

касающихся отношений с филиппинцами, Шерман расходился во мнениях с остальными членами комиссии. Его точка зрения сформировалась еще ранее, в ходе переговоров с первой филиппинской миссией. Он писал тогда помощнику государственного секретаря Дэвиду Хиллу:

«Поистине это бесславное препирательство не делает нам чести... Иногда я думаю, что, если бы мы смогли найти общий язык с филиппинскими лидерами, они проявили бы достаточно благоразумия и поняли, что мы предлагаем им наибольшую степень автономии, на которую они способны (разумеется, в рамках американского суверенитета), а это предоставляет им почетный выход из положения, удачно совмещая их законные устремления с нашими суверенными правами и обязательствами...

Я чувствую, что эта война совершенно безнадежна для противника (который должен был бы стать нашим другом) и абсолютно бесславна для нас. Потому-то я так упорно ищу пути положить конец конфликту по возможности мирными средствами. Я уже высказал свою глубокую симпатию к надеждам филиппинцев на самоуправление (конечно, при сохранении суверенитета Соединенных Штатов). Во влиятельных кругах я предлагал способы достижения этой цели, после того как будет установлен мир.

Это подводит нас к вопросу, который в ближайшем будущем может стать решающим, по крайней мере если нынешние переговоры к чему-нибудь приведут: *филиппинцы доверяют нам не более, чем испанцы*. Поэтому они хотят знать совершенно точно, какое именно государственное устройство, какую степень самоуправления мы намерены им предоставить. Они не хотят видеть свою страну колонией. Однако наиболее зрелые умы среди них понимают необходимость, *по крайней мере в настоящее время*, американского контроля и надзора. В ходе этих предварительных переговоров и обсуждений совершенно отчетливо обозначились два вопроса. Во-первых, филиппинцы спрашивают, что мы намерены здесь основать — колонию, протекторат или что-нибудь иное. Во-вторых, они спрашивают, предоставим ли мы народу полное самоуправление, то есть независимость, когда он будет к этому достаточно подготовлен...

По моему глубокому убеждению, нынешняя война ужасна: она началась во имя освобождения Кубы, а закончилась порабощением Филиппин. Поэтому в вопросе об обещанной филиппинцам независимости, когда они будут к тому достаточно подготовлены, я лично (говорю это Вам *неофициально*) буду рад сделать все, что, не нанося ущерба основам американского суверенитета, привело бы к приемлемому мирному соглашению»³⁵.

Чем дальше, тем больше Шермана беспокоила решимость Отиса и других членов комиссии навязать филиппинцам унижительную капитуляцию. Раскол внутри комиссии расширился. Вустер даже жаловался, что Шерман, стремясь к наилучшему взаимопониманию с филиппинцами, выучил испанский и получил возможность говорить с ними на языке, который другие члены комиссии не понимали³⁶. Слухи о разногласиях в комиссии к концу мая дошли до членов правительства Маккинли. В связи с этим военный министр Эдджер телеграфировал Отису 27 мая: «Получены сведения, которым не верит президент, якобы между вами и членами комиссии имеются разногласия. Каково действительное положение?» 29 мая Отис ответил:

«Не знаю ничего о сообщениях, которые посылал или посылает Шерман. Отказываюсь выслушивать критику или советы в военных делах со стороны членов комиссии, хотя не замечал их намерения вмешиваться. Не думаю, чтобы джентльмены из комиссии, за исключением Вустера, понимали обстановку или учитывали хитрость туземцев. Впрочем, Дэнби быстро стал разбираться в положении дел. Комиссия успешно завоевала доверие влиятельных туземцев, расположенных к нам, и убедила их в благожелательных намерениях Соединенных Штатов. Сомневаюсь, достигла ли она чего-либо помимо этого. Влиятельные филиппинцы согласны со мной в том, что лишь неукоснительное применение силы, а затем хорошее обращение с побежденными и организация твердого американского управления приведут к желаемым результатам»³⁷.

Шерман решил внести ясность в существо спора и 1 июня предложил, чтобы комиссия послала президенту по телеграфу подготовленную им рекомендацию о таком изменении политики США, которое позволило бы заклю-

чить с филиппинскими лидерами почетный мир. В проекте Шермана указывалось, что имеются две альтернативы: либо требовать безоговорочной капитуляции филиппинских сил, либо «путем переговоров с Агинальдо сочетать установление американского суверенитета и ответственности с разумными надеждами филиппинцев, предоставив им возможность создать управление и оборону по преимуществу собственными силами». Поскольку Шерман был убежден, что филиппинцы готовы вести длительную войну, которая дорого обойдется Соединенным Штатам и потребует на будущее держать на архипелаге крупные американские гарнизоны, он настаивал на преимуществах второго пути. Будет разумно, полагал он, предоставить Филиппинам автономию канадского типа и превратить существующую филиппинскую армию в автономную вооруженную силу или милицию. Он настаивал на приостановлении военных действий и просил поручить ему встретиться с Агинальдо для переговоров о прекращении войны.

Вустер и Дэнби отказались подписать предложенную Шерманом телеграмму. Тогда он послал ее от собственного имени и заявил, что готов лично вести переговоры с Агинальдо, если другие члены комиссии не хотят на это идти.

Ответ Маккинли, посланный через государственного секретаря Хэя, был быстрым и категоричным. Президент отверг предложение Шермана и заявил, что «дальнейшее сопротивление филиппинцев не имеет оправдания. Если они будут упорствовать, президент направит на острова такое количество вооруженных сил, какое необходимо для подавления восстания и установления власти Соединенных Штатов». Комиссия была послана, говорилось в ответе, с целью рассеять у филиппинцев «непонимание... великодушных намерений, справедливых и благотельных целей» американского правительства. «Мы опасаемся, что в деле установления порядка нельзя положиться на тех местных лидеров, которые в своих эгоистических целях ловко исказили нашу позицию в глазах своих обманутых последователей... Президент стремится к миру и намерен добиваться его предпочтительно добром и согласием, но если потребуется, то и силой».

По требованию Маккинли другие члены комиссии сформулировали свою точку зрения и сообщили ее в Ва-

шингтон. В телеграмме, подписанной Вустером, Дэнби и Отисом, рекомендовалось «продолжать войну, пока повстанцы не капитулируют», и указывалось, что, «если они быстро сложат оружие, можно будет в соответствующее время организовать местное управление настолько свободно, насколько это будет безопасно для народа».

Они полагали, что не следует более давать обещаний, выходящих за пределы тех, которые были в общей форме высказаны в телеграмме Хэя от 5 мая. Эти обещания, по их мнению, «получили всеобщую поддержку туземцев и иностранцев». (Организатором оппозиции большинства комиссии против Шермана был в этот период преимущественно Вустер; по вопросам тактики он советовался только с Борнсом³⁸.)

Не вполне ясно, какова была позиция пятого члена комиссии, адмирала Дьюи. Известно лишь, что он испытывал антипатию к Отису. Дьюи покинул Филиппины раньше, чем комиссия закончила работу. Однако по дороге в Соединенные Штаты он дал в Лондоне представителям английской печати интервью, в котором сказал: «Единственный путь покончить с восстанием и обеспечить процветание архипелага — предоставить его жителям самоуправление... В настоящее время острова блокированы флотом, на их территории бушует война. Пора положить конец этому ненормальному положению. Я бы считал нужным сначала предоставить им автономию, а затем может пойти речь об аннексии. Таково мое мнение. Хотелось бы как можно скорее покончить с насильем. Помоему, самоуправление есть самое справедливое и самое разумное решение. Филиппинцы в состоянии управлять сами своими делами, они располагают всеми данными для этого»³⁹. В те дни Дьюи купался в лучах своей славы после победы над испанским флотом в Манильском заливе. Говорили, что он метит в президенты. Не исключено, что он рассчитывал на блок с силами, оппозиционными к правительству. Впрочем, имелась заметная разница между его выступлениями экспромтом и заявлениями, подготовленными для печати. Когда Дьюи вернулся в США и уловил настроения в ведущих политических кругах, он резко изменил тон⁴⁰.

После того как предложения Шермана были официально отвергнуты, попытки договориться с филиппин-

скими лидерами о соглашении прекратились, работа комиссии стала замедляться, а карательные операции шли своим ходом. От комиссии больше не ждали никакой пользы, и ее члены один за другим стали возвращаться в США. Отчет комиссии, содержащий много собранной ею информации, увидел свет лишь 31 января 1900 года. В отчете хорошо видна рука Дина Вустера: в тексте подозрительным образом отсутствуют все детали переговоров с филиппинскими лидерами.

В опубликованном заключении комиссии Шермана сохранилась рекомендация создать на Филиппинах «местную верховную администрацию», в которой американцы должны занять высшие посты, включая посты глав департаментов и значительное число второстепенных должностей, служащих связующим звеном между руководством департаментов и «туземными чиновниками». Далее утверждалось, что «Соединенные Штаты не могут уйти с Филиппин... Филиппинцы совершенно не подготовлены к независимости, и, если бы она им была предоставлена, они не смогли бы сохранить ее... Филиппинской нации не существует, есть лишь конгломерат различных народностей; на архипелаге нет единого общественного мнения, но образованные и состоятельные люди, которые только и проявляют интерес к политике, в целом признают необходимость американского господства, руководства и защиты»⁴¹.

Вернувшись в США, Шерман не решился сделать свои разногласия с членами комиссии предметом публичного обсуждения. Он подписал отчет комиссии, несмотря на то что в нем были выражены в основном взгляды Вустера и Дэнби. В заявлении для прессы Шерман призывал к тому, чтобы «Америка обращалась с филиппинцами гуманно, они заслужили наше сочувствие и уважение», но он сопровождал это заявление аргументами в пользу сохранения островов за Соединенными Штатами. «В интересах коммерции и в связи с открывшимися возможностями для вложения капиталов Филиппины должны и впредь оставаться, как ныне, частью Соединенных Штатов», — сказал он⁴². В другом интервью Шерман заявил: «Я считаю торговлю с Китаем исключительно важной, и, если мы хотим получить в ней свою долю, мы должны приобрести там (в Азии) территориальные владения... Я являюсь решительным сторонником политики открытых дверей»⁴³.

Иными словами, Шерман не возражал против целей, которые империалисты преследовали в Азии. Он не соглашался лишь с методами достижения этих целей. Относительно своих расхождений с политикой правительства Шерман высказывался скупко, пока был жив Маккинли, которому он был обязан своим назначением, принесшим ему известность, и по отношению к которому он испытывал чрезмерное чувство благодарности и лояльности. Шерману было суждено, однако, в будущем снова выступить в роли активного приверженца тех нараставших сил, которые боролись за изменение сложившейся колониальной политики.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Завоевание колонии

Развертывая военные операции по захвату Филиппин, правители США не поняли либо не приняли в расчет, какую это вызовет реакцию со стороны народа, поднявшегося на революцию против испанского колониального режима. Уверенное в себе, американское военное командование не рассчитывало на длительную войну. Отис полагал, что наступление, начатое им в центральном Лусоне в октябре 1899 года, завершит войну. В Соединенных Штатах конфликт с филиппинцами был встречен с непониманием и беспокойством. Это нашло отражение в телеграмме военного министерства Отису 12 августа, в которой его запрашивали («учитывая беспокойство общественности»), какое количество войск понадобится, по его мнению, чтобы «покончить с войной». Отис ответил, что на это потребуется не более 50 тысяч пштыков¹. Именно такое количество солдат в то время состояло под его командованием или находилось в пути на архипелаг.

Правительство в Вашингтоне согласилось с оценкой Отиса. В дневнике одного из крупных чиновников сохранилась запись от 1 ноября 1899 года, отразившая мнение Маккилли о «решающем» наступлении армии Отиса, которое развертывалось в это время: «Президент прочитал мне выдержки из донесения Отиса. Президент предсказывает, что, когда станут очевидны результаты достигнутый Отиса, имя его будет окружено славой. Сейчас Отис непопулярен, но президент, зная его прошлое, верит в него не только как в выдающегося полководца, но и как в выдающегося государственного деятеля»².

Тем временем политика военных властей вызывала растущую волну сопротивления в филиппинском народе.

Само существование собственного действующего правительства республики вызывало подъем патриотических чувств. А те убудочные муниципальные органы, которые были образованы американцами в «умиротворенных» районах, представляли собой карикатуру на «широчайшую свободу самоуправления», обещанную в прокламации Шермана. 8 августа 1899 года Отис издал декрет № 43, предусматривавший учреждение муниципальных советов с задачей «поддержания общественного порядка». Но ни одно решение или распоряжение этих советов, указывалось в декрете, «не будет иметь силы, пока не получит одобрения старшего офицера размещенных в данном районе войск»³. В этом документе и в последовавшем 29 марта 1900 года более детальном декрете старшим офицерам было предоставлено право по своему усмотрению решать, должны ли быть назначенными или «выборными» муниципальные чиновники.

Когда в конце 1899 года один филиппинский офицер побывал в Маниле по делам обмена военнопленными, он вынес следующее впечатление о введенных американцами новых порядках: «Полицейские, пожарные, санитарные инспектора, чиновники разных департаментов, ветеринары, сборщики налогов и даже трамвайные кондукторы — все эти должности были заняты американцами, которых набирали из числа демобилизованных солдат, решивших остаться на архипелаге. По всей стране обращение с филиппинцами было самым грубым»⁴. Подобная политика и сама практика военного режима совершенно оттолкнули филиппинцев среднего достатка, надеявшихся получить те самые посты, которые теперь на их глазах занимали победители. Богатые консервативные слои, которых в прошлом устраивал испанский режим, быстро нашли общий язык с американцами, но представителям среднего класса оставалось только присоединиться к революционной армии Филиппинской Республики и с удвоенной энергией поддерживать ее борьбу за независимость. Действия американского командования не оставляли для них, по сути дела, иного выхода.

Национально-освободительное движение оказало сильнейшее воздействие на крестьянские массы, которые видели в независимости путь к аграрной революции. Крестьяне захватили обширные земельные угодья, принадлежавшие католическим монашеским орденам. Тесное

сотрудничество американской военной администрации с монахами вызывало глубокое возмущение в деревне. Напряжение резко возросло после приезда 2 января 1900 года нового апостолического делегата, прибывшего на смену испанскому архиепископу Носаледа. Этим делегатом был не кто иной, как Пласидо Лунс Шапель, архиепископ Новорлеанский, который в качестве представителя Ватикана присутствовал на Парижской мирной конференции и ловко добился включения в текст договора пунктов об охране собственности католической церкви, что включало и монастырские земли. Прибыв в Манилу, Шапель поспешил продемонстрировать, что он целиком на стороне монашеских орденов. Более того, он стал публично появляться с генералом Отисом, создав среди филиппинцев мнение, что американские власти намерены восстановить влияние монахов. Сам Отис хранил по этому вопросу молчание.

Таков был фон, на котором разворачивалось решительное сопротивление филиппинцев, далеко превосходившее ожидания американских руководителей. Регулярная филиппинская армия сохраняла боеспособность почти целый год, нанеся лобовые удары по американским отборным войскам. Но она не смогла противостоять армии Отиса, которая, используя превосходство в вооружении, прорвала в октябре и поябре линию филиппинской обороны в ходе наступления в Центральном Лусоне. В связи с этим 13 ноября 1899 года филиппинские лидеры приняли решение распустить регулярную армию и перейти к партизанским действиям. Американское командование оказалось перед лицом совершенно новой ситуации.

Заместитель Отиса генерал Артур Макартур оценивал положение совершенно иначе, чем сам Отис, который слал в Вашингтон реляции об окончательной победе. Макартур писал: «Американцы не смогли своевременно понять суть замысла филиппинцев, побудившего их распустить свою полевую армию. В результате был сделан ошибочный вывод, будто с восстанием покончено и остается только рассеять жалкие остатки повстанческой армии с помощью простых и безопасных полицейских мер»⁵.

Отис был совершенно сбит с толку широкими и все разрастающимися партизанскими операциями, он не мог

с ними справиться. Когда в районах, объявленных «умиротворенными», стали убивать чиновников, сотрудничающих с оккупантами, из военного министерства США полетели телеграммы, требующие объяснить, что происходит. Отис в апреле 1900 года отвечал в несколько паническом тоне: «Мы теперь имеем дело не с организованным восстанием, а с бандитизмом. Чтобы защитить от него каждый район, нам потребуется четверть миллиона солдат»⁶.

Первого мая 1900 года Отис, этот «выдающийся государственный деятель», был отстранен от должности. На посту военного губернатора его сменил генерал Артур Макартур*. Ничтожный и надутый, вообразивший себя Наполеоном, Макартур силился принять все необходимые с военной точки зрения политические меры, чтобы подавить партизанское движение. Он ясно понимал, что имеет дело, по существу, со всем населением островов, не желающим покориться. Он докладывал, что «в большинстве районов тайно организованы повстанцами свои органы муниципального управления, действующие параллельно в той же сфере, что и американские органы, и даже подчас состоящие из одних и тех же людей... Иными словами, местная администрация, несмотря на американскую оккупацию и на созданные нами органы, служит фактически базой для военных действий повстанцев... Успех этой уникальной системы ведения войны определяется полным единством действий почти всего туземного населения. Наличие такого единства — факт, не подлежащий никакому сомнению»⁷.

Правила, которыми руководствовалась американская армия на Филиппинах в действиях против партизан, вытекали из «Инструкции по руководству полевыми операциями армии Соединенных Штатов», изданной в виде приказа № 100 начальника строевого управления в 1863 году, то есть во время Гражданской войны в США. Инструкция была составлена военным юристом по имени Фрэнсис Либер. Она была предназначена для руководства борьбой против таких отрядов конфедератов, как

* Генерал Артур Макартур был отцом Дугласа Макартура, генерала армии США, впоследствии командовавшего войсками на Филиппинах и на Тихоокеанском театре второй мировой войны, а затем во время американской агрессии против Кореи.

рейды Квонтрилла*, которые вели партизанскую войну того же типа, что и филиппинцы. По определению инструкции, «вооруженные мятежники, то есть лица на оккупированной территории, поднявшие оружие против оккупационной армии», не могут пользоваться правами военнопленных и «с ними надлежит расправляться на месте, как с пиратами или разбойниками».

После нескольких месяцев тщетных усилий сладить с партизанами, которые развернули действия по всему архипелагу, Макартур 10 декабря 1900 года издал приказ, существенно расширив прежнюю инструкцию. В приказе утверждалось, что имели место «неоднократные нарушения основных законов ведения войны», соблюдение которых «обязательно не только для вооруженных сил, но и для мирных жителей, как туземцев, так и иностранцев, проживающих на оккупированной территории». Все филиппинцы, участвующие в актах вооруженного сопротивления, «будут считаться виновными в нарушении законов войны и соответственно отвечать за убийства или иные преступления, явившиеся результатом их противозаконных действий». Подобное сопротивление оккупантам «неизбежно лишит тех, кто в нем участвует, возможности вернуться к нормальной общественной жизни. Они будут привлечены к уголовной ответственности или подвергнуты пожизненному изгнанию с родины».

Гражданские лица, входящие в «тайные комитеты», осуществляющие «материальное снабжение, набор людей и передачу военной информации для лагеря повстанцев... а также благонамеренные граждане, продолжающие поддерживать эти комитеты из страха или чувства ложно понятой солидарности... равным образом ставят себя под угрозу обвинения и отдачи под суд за измену». Это касается «в особенности» жителей Манилы: за оказание «помощи, поддержки, ободрения и содействия» участникам сопротивления они будут считаться виновными в «грубейшем нарушении американских интересов».

Партизанские действия, утверждал Макартур, противоречат «обычаям и правилам войны», которые «приняты всеми цивилизованными нациями». Поэтому партизаны

* *Вильям Квонтрилл* (убит в 1864 г.) возглавлял отряд, совершавший партизанские набеги (рейды) на города, занятые войсками северян в штатах Миссури, Канзас и Кентукки.

«лишают себя права считаться солдатами и, попав в плен, не могут претендовать на обращение, установленное для военнопленных».

Постаравшись объявить филиппинскую освободительную борьбу «незаконными военными действиями», американское командование, по сути дела, санкционировало варварские методы, применявшиеся войсками США против партизан. В сочетании с расистскими настроениями, которые господствовали в рядах американских завоевателей, это привело на Филиппинах к постыдному разгулу зверств.

С самого начала филиппино-американской войны, задолго до ее перехода в стадию партизанской борьбы, постоянно появлялись сообщения о жестокостях американской армии в ходе военных действий. После сражения в пригороде Манилы Калоокане 19 февраля 1899 года два офицера 20-го Канзасского пехотного полка, майор Уайлдер Мэткаф и капитан Уильям Бишоп, приказали перебить филиппинских военнопленных и сами приняли участие в расправе, что было впоследствии засвидетельствовано солдатами этого полка.

Командование американской армии отрицало, что когда бы то ни было имели место случаи убийства военнопленных (обычно свидетелей дезавуировали, объявляя их пьяными или не заслуживающими доверия, что само по себе немало говорит о порядках в армии). Однако справедливость этих обвинений подтверждается цифрами о филиппинских потерях за длительный период времени, опубликованными в официальных военных отчетах. Когда комиссия американского сената была вынуждена под давлением протестующей общественности начать расследование «обвинений в жестокости по отношению к туземцам Филиппин», генералу Макартуру были предъявлены цифры из его собственных донесений о потерях обеих сторон.

За декабрь 1899 года потери в одном из секторов Лусона, по данным рапортов, составляли: «У противника — 88 убитых; у нас — 1 убитый, 3 раненых». За март 1900: «У противника — 29 убитых, 5 раненых и пленных; у нас — 2 убитых, 1 раненый». За май 1900: «У противника — 134 убитых, 21 раненый; у нас — 2 убитых, 8 раненых». За июнь 1900: «У противника — 141 убитый, 1 раненый; у нас — 1 убитый, 9 раненых». Всего за год

филиппинцы потеряли 801 человека убитыми и 38 ранеными, в то время как у американцев было убито 40, а ранено 72 человека.

Когда Макартура спросили о причине удивительной пропорции в отношении убитых и раненых филиппинцев, которая составляла 25:1, а в войнах того времени обычно три раненых приходилось на одного убитого, генерал твердил в ответ: «Все дело в том, что мы научили наших солдат так называемой огневой дисциплине» (то есть прицельной стрельбе). Тогда генералу были предъявлены отчеты о боевой подготовке, которые показывали, что воинские части, о которых шла речь, имели в действительности плохую подготовку по стрельбе в цель. Макартура не мог опровергнуть эти данные, но продолжал отрицать, что военнопленных безжалостно убивали. По его утверждению, «это была самая справедливая и гуманная война, когда-либо происходившая на земле».

Пока эта «гуманная война» шла, накапливалось все больше сообщений, обвинений и свидетельств о зверствах по отношению к филиппинцам. Чем труднее становилось справляться с партизанами, тем больше зверствовали американцы. В газетах США стало появляться много писем от американских солдат на Филиппинах с подобными рассказами о жестоких методах борьбы с повстанцами. Расстреливали всех без разбора, вооруженных и безоружных, применяли «лечение водой», истязали веревочной петлей, грабили и жгли жилища.

Во время расследований были собраны факты, подтверждающие эти обвинения. Поджоги, разрушения домов и целых поселений нисколько не отрицались американскими военачальниками, которые именовали это «мерами, необходимыми, чтобы лишить врага укрытий». Бригадный генерал Роберт Хьюз, командовавший военным округом на Висайских островах с 3 июня 1899 до 30 ноября 1901 года, был совершенно откровенен в своих показаниях перед сенатской комиссией, как это видно из ее протоколов:

Сенатор Роулинс: Если эти хижины были никуда не годными, с какой целью их разрушали?

Генерал Хьюз: Их разрушали в виде наказания. Хотя я позволял партизанам прятаться в домах и не сообщали об этом.

Сенатор Роулинс: В таком случае наказанию подвергались не мужчины, которые могли скрыться, а преимущественно женщины и малолетние дети.

Генерал Хьюз: Женщины и дети — это члены семьи, и, если надо наказать человека, такой способ самый действенный.

Сенатор Роулинс: Но разве это допускается правилами цивилизованного ведения войны? В таком случае, желая наказать особенно сурово, вы могли бы истребить всю семью?

Генерал Хьюз: Но этот народ нецивилизованный».

Во многих случаях захваченные в плен партизаны, или филиппинцы, арестованные по подозрению в поддержке партизан, или люди, предположительно имевшие сведения о партизанах, подвергались пыткам. Самым распространенным методом получения сведений было «лечение водой». Младший лейтенант 35-го пехотного полка Гровер Флинт так описывал этот метод в своих показаниях:

«Человека бросали на землю, трое или четверо садились ему на руки и на ноги, раздвигали челюсти стволом карабина... и лили в него воду до потери сознания... Страдания такого человека ужасны»⁸.

В присутствии Флинта такому истязанию подверглись более двадцати человек... Эти случаи не были единичными, о них сообщали с разных концов Филиппин. При этом во всех протоколах трибуналов, которые время от времени судили американских солдат, допускаящих «крайности» в расправах с филиппинским населением, не зарегистрировано ни одного случая судебного преследования за применение «лечения водой». Следовательно, оно было санкционировано официально.

До какой степени дошло попустительство подобной практике, видно из статьи протестантского миссионера на Филиппинах — преподобного Гомера Станца в журнале «Сентрал крисчиан адвокат» (Канзас-Сити) от 14 июня 1909 года. Он оправдывал «лечение водой» на том основании, что «оно применялось только к шпионам и к таким филиппинцам, которые могли сообщить важную информацию о передвижении войск». «Во всех странах и во все времена, — писал Станц, — тот, кто захватил шпиона, волен распоряжаться его жизнью...

... (Филиппинца) заставляли помучиться часок-другой, потом он выкладывал все, что знает, и это часто позволяло захватившему его командиру части сберечь драгоценные жизни американских солдат и достичь поставленных перед ним целей с наименьшим кровопролитием и тратой сил).

Другой распространенной пыткой было истязание веревочной петлей. Как видно из протоколов военных трибуналов, рассмотревших ряд случаев такой пытки, она состояла в том, что пленного подвешивали за шею в петле «приблизительно на десять секунд», результатом чего были «телесные повреждения и сильная боль». Характерны материалы суда, состоявшегося 8 августа 1900 года в лагере Стотсенберг над двумя офицерами 27-го пехотного полка, капитаном Джорджем Брандлом и старшим лейтенантом Эльвином Перкинсом. Они подвергли такой пытке 3 филиппинцев. В обвинительном заключении американские офицеры были первоначально обвинены в «применении жестокой пытки», но трибунал заменил слово «пытка» выражением «причинение душевного страдания», термин «жестокый» был опущен так же, как и все упоминания о телесных повреждениях. Вместо этого остались лишь слова о душевных страданиях. В виде наказания оба офицера получили всего лишь «выговор от командования» и были сразу же возвращены в строй⁹. Судебные процессы такого типа вряд ли могли приостановить зверства.

Подобным же образом обвинение в бесчеловечном обращении с филиппинцами было предъявлено лейтенанту 16-го пехотного полка Эрнсту Хагедорну, который в июне 1900 года командовал гарнизоном города Кабаган в провинции Нуэва Бискайя. Отвечая на обвинения... он объяснил свои действия тем, что арестованные им «как подозрительные» три гражданских лица не сообщили ему никакой полезной информации. «Тогда я приказал запретить их в бараке и кормить соленой рыбой, не давая воды. Такая диета дала прекрасные результаты. Через 48 часов все трое кое-что выложили...». Непосредственный начальник обвиняемого полковник Чарлз Гуд постарался выгородить его, сделав такое заявление: «Лейтенант Хагедорн действовал весьма энергично, выполняя свой долг, и сыграл выдающуюся роль в умпротворении данного района. Мы считаем, что он действовал наилуч-

шим образом в интересах дела, и рекомендуем начать судебное преследование прекратить». И действительно дело было прекращено.

Жестокость в обращении с населением подогревалась широко распространенным среди части белых американских солдат убеждением, что филиппинцы принадлежат к низшей расе. Один из офицеров, обвиненных в грубом обращении с населением, командир 38-го полка волонтеров полковник Джордж Андерсон, так отвечал на предъявленные ему обвинения: «Это правда, что по отношению к туземцам очень часто употреблялось слово «ниггер», но, по моему, это правильно». Тот же полковник Андерсон, когда ему поставили в вину массовые расстрелы жителей при нападении на деревни, нагло заявил: «Многих мы пристрелили, когда они удирали, но, пожалуй, они все того заслуживали»¹⁰.

Существенно, что практически все высшие американские офицеры на Филиппинах были в прошлом участниками походов против индейцев, а эти походы представляли собой чаще всего прямую войну на уничтожение. Связь этих двух кампаний выступала время от времени в ходе завоевания Филиппин. Это отразилось и в официальном заявлении военного министра США Элиу Рута, который в своем обращении к армии по случаю окончания войны сказал: «Используя уроки войн против индейцев, наша армия неотступно преследовала банды партизан вплоть до их последних оплотов в горах и джунглях и уничтожила их».

Американское командование попыталось смягчить воздействие, которое оказало на общественное мнение США бесчеловечное поведение солдат на Филиппинах. Для этого распространялись сообщения о фактах жестокости самих филиппинских партизан. Однако нельзя было отрицать, что они являлись лишь ответом на действия американцев. Циркуляр президента Эммилио Агуйнальдо от 17 января 1901 года перечислял факты американских зверств и призывал к мести как средству самозащиты. Война становилась все более и более жестокой и беспощадной.

Ясно, что зверства, допущенные в ходе подавления партизан, не могут быть отнесены за счет крайностей, неизбежно возникающих во время военных действий. Подобная политика исходила из Вашингтона. Правительство

Маккинди, а затем и его преемника Теодора Рузвельта было полностью в курсе событий. Непосредственным инициатором выступало управлявшее всеми делами в колониях военное министерство и лично министр Рут. Автор официальной биографии Рута признает: «При изучении личности Рута и его карьеры важно установить, сделал ли он все, что от него зависело, чтобы пресечь зверства. В общем и целом на этот вопрос приходится отвечать отрицательно»¹¹.

Первого июля 1901 года была осуществлена формальная передача управления Филиппинами от военных властей гражданским. Функции генерал-губернатора перешли от генерала Макатура к Вильяму Тафту. Военное командование было против такого решения, но оно было принято прежде всего под влиянием двух факторов: потребности изменить тактику для привлечения филиппинцев к сотрудничеству и необходимости прикрыть завесой неприглядную политику, которая создавала для правительства в самих США тяжелые затруднения. На деле контроль военщины сохранялся над обширными областями Филиппин. В провинциях Батангас, Себу, Бохоль, Самар, Кавите и Албай военное управление несколько раз восстанавливалось на длительные сроки в период между 1901 и 1905 годами. В провинциях Рисаль, Булакан, Пампанга, Нуэва, Эсписа, Лагуна, Тайябас, Лейте и Негрос в условиях гражданского управления продолжались широкие военные операции. А на крупном острове Минданао военное управление сохранялось до 1913 года. Самые жестокие карательные операции имели место после создания гражданского управления, которое уступало место военным властям каждый раз, когда возникали беспорядки или восстания.

В кампании по подавлению сопротивления филиппинцев приняли участие в общей сложности 126 тысяч американских солдат и офицеров. Через 6 месяцев после введения гражданского управления, в декабре 1901 года, число опорных пунктов американской армии достигло 639. В дополнение к этому была создана местная полиция военного образца — филиппинская констабулрия, насчитывающая 6 тысяч человек, набранных из числа филиппинцев. О них говорили, что это были наемные убийцы из среды люмпенов. Констабулрия действовала в тех районах, где была установлена гражданская администрация.

Офицерами в этой полиции служили американцы и бывшие офицеры испанской гражданской гвардии из филиппинцев.

Как раз в то время, когда в январе — июне 1902 года заседала комиссия сената США по расследованию зверств на Филиппинах, развертывались две самые жестокие карательные операции в провинциях Самар и Батангас. На острове Самар продолжал сопротивляться опорный пункт партизан под командованием филиппинским генерала Висенте Лукбана, а в Батангасе филиппинским отрядом командовал генерал Мигель Мальвар. Американцы признавали, что в этих районах партизаны пользовались безоговорочной поддержкой всех слоев населения. Операции армии США в обеих провинциях начались в декабре 1901 года под руководством генерал-майора Эднана Чейфи, который в июле 1901 года сменил генерала Макатура на посту командующего войсками. Действиями на острове Самар руководил бригадный генерал Джэкоб Смит. Его способ действий по подавлению массового сопротивления виден из следующего текста его директивы войскам:

«В сложившихся условиях у нас есть только один путь: вести дело так, чтобы вселить в сознание всего народа неодолимое желание покончить с войной... Впредь задачей наших войск будет вести войну самым решительным и безжалостным образом... даже на территории, которая считается умиротворенной или находящейся под гражданским управлением... В конечном счете короткая жестокая война наименее бесчеловечна. Никакая самая цивилизованная война не может вестись гуманными методами... Каждый туземец, носит ли он оружие или просто живет в деревне или поселке, будет рассматриваться как враг до тех пор, пока убедительно не докажет, что является нашим другом... Нейтралитета со стороны туземцев мы не потерпим. Настало время, когда каждого туземца в расположении нашей бригады, который не выступает открыто за нас, мы будем считать выступающим против нас. Короче говоря, если он не является активным другом, значит, он явный враг»¹².

Приказы Смита полностью развязали руки войскам, и это принесло на Самар смерть и разрушение в беспрецедентных масштабах. Сообщалось, что генерал Смит приказал превратить Самар в «мертвую пустыню». Когда

генеральный инспектор армии США Брекинридж спросил Смита, в чем он видит свою задачу, тот ответил: «Убивать ниггеров»¹³. Кампания на острове Самар происходила в то время, когда шло расследование зверств на Филиппинах и генерал Смит был отдан под суд военного трибунала за «жестокое обращение солдат с местным населением».

Показания против генерала давал майор Уоллер, который находился под судом по аналогичному обвинению. Следственной комиссии сената США было доложено: «Из показаний Уоллера, подтвержденных другими свидетелями, видно, что генерал Джейкоб Смит, приказывая ему жечь и убивать, говорил, что, чем больше каждый будет убивать и жечь, тем лучше. Он говорил также, что не надо тратить время на захват пленных. Когда майор Уоллер просил генерала Смита указать, людей какого возраста следует убивать, тот ответил: «Всех старше десяти лет».

Руководивший кампанией в Батангасе бригадный генерал Франклин Бэлл издавал практически такие же приказы, что выдает их происхождение из высших инстанций. Но генерал Бэлл усовершенствовал политику, обратившись к жесточайшим методам «концентрации», применявшейся испанцами на Кубе (и вызвавшей в свое время всеобщее возмущение американцев, использованное в пропаганде против Испании во время войны 1898 года). «Концентрация» — это насильственное переселение крестьян в оцепленные войсками поселки, чтобы лишить их возможности помогать партизанам. Генерал Бэлл так приказывал своим офицерам:

«В кратчайший срок определить и ясно обозначить пограничную полосу вокруг поселка, образовав зону, внутри которой будет возможно осуществлять эффективный надзор за населением силами небольшого гарнизона... Немедленно подготовить и распространить среди жителей вашего района приказ, запрещающий под угрозой наказания оставаться вне зоны и предписывающий не позднее 25 декабря переселиться из окружающих деревень и районов на территорию ближайшей к ним зоны вместе со всем своим запасом продовольствия, включая очищенный и неочищенный рис, кур, скот и т. д.; предупредить, что по истечении указанного срока их собственность, обнаруженная за пределами зоны, будет подлежать конфискации или уничтожению».

Генерал Бэлл прямо говорил, что его приказы «одобряли политику удушения голодом враждебных нам лиц, как вооруженных, так и безоружных». После 1 января 1901 года, согласно его распоряжению, «любой здоровый мужчина, обнаруженный патрулем или отрядом разведчиков за пределами оцепленных зон без надлежащего пропуска, должен быть задержан и посажен под арест, а в случае попытки к бегству застрелен».

По мере того как шла карательная операция (а она тянулась целых пять месяцев), приказы генерала Бэлла становились все более жестокими. Поселения в районе, где действовали партизаны, было приказано сжечь. Бэлл предупреждал офицеров в провинциях Батангас и Лагуна «не начинать бесплатной раздачи продовольствия, пока нужда и голод не сделают это абсолютно необходимым». От низших чиновников сельской администрации он потребовал, чтобы они либо «обеспечили спокойствие и мирное поведение населения, либо сами отпраздничали в тюрьму, как подозрительные личности». Бэлл убедился, что, «за малым исключением, практически все население было в душе враждебно к нам. Чтобы бороться с таким населением, — считал он, — необходимо сделать войну как можно более невыносимой для них, а самый надежный путь для этого — поддерживать в жителях такое состояние тревоги и страха, чтобы существование в этих условиях быстро стало невыносимым»¹⁴.

Один очевидец, посетивший провинцию Батангас шесть месяцев спустя после начала кампании против отрядов генерала Мальвара, рассказывал (12 ноября 1902 года): «Провинция Батангас была цветущим садом острова Лусон. По ней раскинулись красивые асьенды, где выращивались сахар, кофе, табак и рис. Теперь это сплошные джунгли. На всем пространстве от Батангаса до Таала мы не встретили ни одного работающего человека и ни одного возделанного поля»¹⁵.

Генерал Мальвар был человеком чести, и даже американские офицеры не могли не относиться к нему с уважением. Он объявил, что хочет избавить население этого района от дальнейших страданий, и 16 апреля 1902 года сложил оружие вместе с 3236 своими бойцами.

По оценке самого генерала Бэлла, одна шестая населения Лусона (то есть примерно 600 тысяч человек)¹⁶ поплатилась жизнью в результате прямого и косвенного

воздействия карательных операций. Обычно показывают, что число филиппинцев, погибших непосредственно на войне, составило 200 тысяч. В 1902 году погибло или было забито 90 процентов карабао (водяных буйволов) — основного рабочего скота. Сбор риса, этого важного злака, упал до одной четверти обычного объема. Усиленная войной острая эпидемия холеры унесла много жизней.

Четвертого июля 1902 года президент Рузвельт официально заявил, что филиппино-американская война считается законченной. Это, однако, не отражало реального положения в филиппинской колонии. Своим заявлением правительство стремилось погасить беспокойство, вызванное расследованием зверств на Филиппинах. Сыграли свою роль также соображения, связанные с предстоявшей в поябре избирательной кампанией. В действительности сопротивление филиппинцев в форме партизанских действий продолжалось еще несколько лет в самых различных районах Филиппин.

Сопrotивление было столь упорным, что генерал-губернатор Тафт, возглавлявший гражданскую администрацию на архипелаге, был вынужден издать 4 ноября 1902 года закон, названный «Указом о бандитизме». Он приравнивал партизан к обыкновенным бандитам, которые подлежали наказанию смертной казнью или тюремному заключению на срок не менее 20 лет. За «помощь или содействие этим разбойничьим бандам» было установлено наказание — не менее 10 лет тюрьмы.

Тюрьмы Филиппин были до отказа забиты арестованными по одному лишь подозрению в нарушении этого закона. Сообщалось, что в тюрьмах были ужасные условия, голод, суровое обращение с заключенными. В тюрьме провинции Албай с 20 мая по 3 декабря 1903 года умерло главным образом из-за недоедания 120 человек¹⁸. В манильской тюрьме Билибид, находившейся под управлением американцев, смертность среди заключенных была чудовищной: в 1902 году — 72 на тысячу, в 1903 — 99, в 1904 — 118, в 1905 — 438¹⁹.

«Концентрации» продолжали оставаться методом борьбы с массовым недовольством. Во время восстания, вспыхнувшего в 1903 году в Албае и других провинциях Бикольского полуострова на Лусоне, около 300 тысяч человек были изгнаны из своих жилищ и подвергнуты «концентрации» в поселениях под охраной американских

гарнизонов. Губернатор провинции Албай, американец по имени Бетс, сообщал: «Естественным результатом этого необыкновенного сосредоточения большого числа людей на ограниченном пространстве были болезни и страдания, вызванные недостатком продовольствия и элементарных удобств»²⁰.

Массовая «концентрация» была применена также в провинциях Батангас и Кавите, когда в январе 1905 года там было объявлено военное положение в связи с мятежом. Восстание возглавил филиппинец по имени Макарио Сакай, который попытался вновь создать правительство Филиппинской Республики. В сентябре 1906 года его уговорили сложить оружие, обещав полное освобождение от какого-либо наказания, но после нескольких дней пребывания на свободе он был внезапно и вероломно схвачен американцами, поспешно судим и казнен²¹.

Лишь в октябре 1911 года был захвачен и казнен последний предводитель партизан на острове Лусон.

На обширном южном острове Манданао управление оставалось в руках американской армии долго после того, как на остальной части Филиппин было введено гражданское управление. В этом районе Филиппин преобладающая часть населения исповедует ислам и американцы сознательно повели политику, осуществлявшуюся и в прошлом испанцами: создавать искусственный раскол между мусульманами и христианами, ломать традиционный уклад жизни мусульманского населения. Филиппинские мусульмане упорно сопротивлялись всем усилиям покорить их.

Американская военная администрация на этом острове руководствовалась «теми же общими правилами, которым следовали в отношении с племенами индейцев на западной границе США»²². Генерал-майор Леонард Вуд, занявший пост военного губернатора в 1903 году, говорил, что мусульманские князья и султаны на Филиппинах «не более чем жалкое сборище пиратов и разбойников»²³. Грубая политика, полное нежелание понять образ жизни местного населения вели к непрекращающимся местным восстаниям, которые безжалостно подавлялись. Сопrotивление филиппинских мусульман не приняло характера партизанских действий, как это было на других островах архипелага. Обычно восставшая община во главе со своим князьком полностью покидала деревню и укрывалась на

вершине ближайшей горы в крепости, именуемой «котта», где и отсиживалась, обороняясь от осаждавших и атаковавших ее американских войск. Во время нападения американцев на «котта» на горе Дахо (остров Холо) в марте 1906 года было убито более 600 человек, включая женщин и детей²⁴. «Резня на горе Дахо» вызвала множество протестов в Соединенных Штатах, особенно после того, как в газетах были напечатаны фотографии трупов женщин и детей, сваленных в кучу. Позднее, в июне 1913 года, американские войска напали на другую общину, которая укрылась от военных властей на горе Багсак, также на острове Холо. Как сообщил американский генерал-губернатор У. Камеров-Форбс, «в результате все мусульмане, скопавшиеся на горе Багсак, были уничтожены»²⁵.

Замена военного управления гражданской администрацией произошла на Минданао только через полтора десятка лет после начала американской оккупации — в декабре 1913 года.

Суровая политика и жестокости, которые были результатом военного управления и курса на полное покорение филиппинцев, лишь стимулировали самое решительное народное сопротивление. Даже когда некоторые национальные лидеры согласились сотрудничать с Америкой, их связь с теми, кто нес ответственность за зверства, побудила многих филиппинцев подняться против них как союзников завоевателя. Есть все основания считать, что, если бы проводилась политика, которую предлагал в 1899 году Джейкоб Шерман и его единомышленники, можно было бы избежать трагических последствий жестокой карательной кампании, растянувшейся почти на целое десятилетие.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Антиимпериалистическое движение в 1898—1900 годах

1. Оппозиция колониальным захватам

Бесчеловечная колониальная война, ее мотивы, ее характер продолжали вызывать в Соединенных Штатах бурные дискуссии. Формальная аннексия Филиппинских островов не решила ни одной из проблем, которые волновали противников этой аннексии. Антиимпериалистические настроения в США получили дальнейшее развитие после того, как в январе 1899 года была провозглашена Филиппинская Республика, которая оказала решительное сопротивление вторгшимся американским войскам.

Организованная освободительная борьба филиппинского народа стимулировала действие тех американцев, которые утверждали, что Конституция США не допускает захвата колоний и господства над ними без согласия местного населения. Ради ничтожных коммерческих выгод, с возмущением говорили они, приносятся в жертву коренные принципы нашей конституции. Отказ конгресса сделать заявление относительно будущего политического статуса Филиппин после оккупации этой колонии вызвал тревогу в различных общественных кругах, которые почувствовали в этом угрозу и для своих интересов.

Профсоюзы были прежде всего озабочены перспективой притока дешевой рабочей силы из азиатских колоний, что создало бы угрозу жизненному уровню американских трудящихся. Однако вскоре была осознана более широкая опасность империализма как такового. На ежегодном съезде Американской федерации труда в декабре 1898 года была почти единогласно принята резолюция, осуждающая «новую и далеко идущую политику нашего прави-

тельства, именуемую империализмом или экспансионизмом». Резолюция высказывалась против ратификации мирного договора с Испанией, так как он «серьезно повредит интересам наемных рабочих нашей страны, заставит содержать большую постоянную армию и дорогостоящий флот, поставив под угрозу само существование нашей республики»¹.

Милитаристская внешняя политика и необходимая для ее осуществления постоянная армия особенно тревожили профсоюзное движение, которое видело в этом угрозу правам рабочих на забастовки и на создание своих организаций. На протяжении предшествующего десятилетия уже были случаи применения федеральных войск и милиции для подавления стачек. Выступая в Бостоне 20 марта 1899 года, Гомперс так выразил свои возросшие опасения: «Отношение рабочих организаций к этому вопросу определяется тем, что для проведения экспансионистской политики необходима огромная постоянная армия. А постоянные армии всегда служат для поддержания тиранической власти над народом. Они одна из главных причин внутренних конфликтов в стране»².

Эти опасения вскоре подтвердились. Уже через месяц, в апреле 1899 года, военный министр Элну Рут (это он сколачивал новую американскую армию для осуществления новой глобальной политики США) отдал приказ войскам подавить стачку на медных рудниках в Кур-Дален в штате Айдахо. Забастовавших горняков держали под арестом несколько месяцев без предъявления обвинения. Рут назвал стачечников «повстанцами» — тем же словом, что именовали бойцов филиппинского Сопротивления. В июне 1903 года снова были применены войска против забастовщиков на рудниках Аризоны³. Подобным же образом расправлялись со стачками и профсоюзами во вновь обретенных колониях. В сентябре 1899 года военный губернатор Кубы бригадный генерал Вильям Ладлоу подавил забастовку рабочих Гаваны, бросив зачинщиков в тюрьму⁴. Инициатива таких действий исходила от Рута из военного министерства. Подобные же методы применялись в Пуэрто-Рико, на Филиппинах и Гавайях.

Именно беспокойство в профсоюзных кругах побудило Гомперса присоединиться к широкому антиимпериалистическому движению, которое развернулось в полную силу уже после начала филиппино-американской войны. Но

началось оно через месяц после победы Дьюи в Манильском заливе. Знаменательно, что начало движению было положено в традиционной колыбели американской независимости — городе Бостоне, штат Массачусетс.

Второго июня 1898 года в бостонской газете «Ивнинг тренскрипт» появилось письмо участника движения за социальные реформы Г. Бредфорда. По его призыву 15 июня в Бостоне в «Фенел-Холл» состоялся митинг «для выражения протеста против вступления Соединенных Штатов на путь так называемой империалистической политики». Главным оратором на этом митинге был бывший президент Американской ассоциации адвокатов Мурфилд Стори. «Мы собрались здесь совсем не для того, чтобы выступить против войны с Испанией, — сказал Мурфилд, — и не для того, чтобы препятствовать ее скорому и успешному завершению. Мы собрались, чтобы обсудить более серьезный вопрос: мы требуем, чтобы война, начатая во имя гуманности, не превратилась в войну ради создания империи». Стори заявил, что такой ход событий погубил бы Соединенные Штаты точно так же, как когда-то был погублен Рим.

На митинге был создан Корреспондентский комитет (по образцу аналогичных комитетов, действовавших в Новой Англии в колониальные времена*). Комитет приступил к рассылке по всей стране прокламаций, призывавших организовать общенациональное антиимпериалистическое движение. Первым откликнулся на призыв массачусетский клуб сторонников реформ, при котором был создан Антиимпериалистический комитет. 18 ноября 1898 года (в то время шла уже Парижская мирная конференция) была образована Антиимпериалистическая лига, получившая поддержку в разных концах страны. В уставе Лиги говорилось, что она создана с целью «выступать, используя все законные методы, против приобретения Соединенными Штатами Филиппинских островов или любых других колоний вдали от наших берегов».

Новое движение только приступило к мобилизации сил, когда был ратифицирован Парижский мирный до-

* Корреспондентские комитеты возникли в 1772 г. и стали центрами организации вооруженной борьбы американцев против британского господства.

говор. Однако военная кампания по захвату Филиппин показала, что для успешной борьбы против циничной империалистической политики требуется нечто большее, чем посылка писем и сбор подписей. Организаторы Антиимпериалистической лиги обратились к американскому народу с призывом к действию. Первым результатом было собрание трех тысяч общественных деятелей, состоявшееся в Чикаго 30 апреля 1899 года. Это собрание, получившее название «митинг свободы», приняло резолюцию, в которой говорилось: «На Филиппинах наше правительство пытается погасить тот самый пламень, который мы зажгли в 1776 году*. Мы отвергаем эти действия и требуем их прекращения. Мы оплакиваем жертвы и осуждаем массовые убийства филиппинцев как бессмысленную жестокость, тяжко позорящую нашу нацию»⁵.

Сопrotивление, которое филиппинцы под руководством своего правительства оказали армии США, имело глубокое воздействие на антиимпериалистическое движение. До начала филиппино-американской войны и до ратификации Парижского мирного договора антиимпериалисты выступали против приобретения колоний и даже предлагали Соединенным Штатам не препятствовать захвату Филиппин любой другой империалистической державой. Теперь приверженцы Лиги почувствовали себя обязанными (подобно Джейкобу Шерману) признать юридический факт владения Филиппинами и действовать в этих рамках. В связи с этим позиция Лиги изменилась, ее требования были нацелены теперь на предоставление филиппинцам независимости или по крайней мере самоуправления в условиях протектората. Интересно отметить, что эти требования были выдвинуты собранием в Чикаго как раз в то время, когда Шерман выступил с подобными же предложениями на Филиппинах.

Таким образом, в позиции противников экспансии произошел существенный поворот. Идея протектората предусматривала сохранение американским империализмом базы на Филиппинах, не требующей расходов и ответственности, с которыми связано владение колонией. Это находилось в полном соответствии с убеждением антиколониалистов, что для развития американской торговли и

* Имеется в виду принятие конгрессом американских колонистов 4 июля 1776 г. Декларации независимости.

зарубежных капиталовложений нет необходимости в территориальных захватах.

К маю 1899 года Антиимпериалистическая лига насчитывала 30 тысяч членов, а ее местные комитеты были созданы во всех крупных городах. К концу года сообщалось, что взносы в фонд организации поступили от более чем полумиллиона человек. Наиболее активные местные объединения действовали в Бостоне, Спрингфилде (штат Массачусетс), Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе, Вашингтоне, Цинциннати, Кливленде, Детройте, Сент-Луисе, Лос-Анджелесе и Портленде (штат Орегон)⁶.

Общенациональный штаб Лиги помещался в Чикаго. 17—18 октября 1899 года там же состоялась ее первая национальная конференция. На ней присутствовало 10 тысяч делегатов, представлявших 30 штатов. Они утвердили создание Антиимпериалистической лиги как общенациональной американской организации⁷. В предвидении президентских выборов, предстоявших на следующий год, конференция выступила с платформой, в которой говорилось:

«Мы убеждены, что политика, именуемая империализмом, враждебна свободе и ведет к милитаризму, тогда как мы всегда гордились тем, что не знаем этого зла. Печально, что в стране Вашингтона и Линкольна приходится напоминать о праве всех людей без различия расы или цвета кожи на жизнь, свободу и стремление к счастью. Мы твердо стоим на том, что власть любого правительства может считаться законной лишь с согласия его подданных. Мы утверждаем, что порабощение любого народа является «преступным насилием» и вопиющим нарушением провозглашенных принципов нашего государственного устройства...

Мы требуем немедленно прекратить войну против свободы, начатую Испанией и продолжаемую нами. Мы требуем немедленно созвать конгресс и объявить филиппинцам нашу готовность предоставить им независимость, за которую они так долго боролись и которую по справедливости заслужили...

Нас ужасает преступная насильническая война на Филиппинах. Мы глубоко скорбим, что руки Америки обогреты кровью филиппинцев. Но еще большее негодование вызывает у нас отступничество от основ правопорядка в самой Америке. Передовая линия борьбы проходит

в действительности не в окрестностях Манилы. Враг — в нашем собственном доме. В 1861 году была сделана попытка расколоть нашу страну. В 1899 году поставлены под угрозу коренные принципы ее жизни и ее благороднейшие идеалы... Дух, в котором на протяжении столетия воспитывался наш великий народ, надежда на свободу, с которой прибыли к нам многочисленные иммигранты, — все это создает силу, которая сметает всех, кто в безумном стремлении к завоеваниям пытается потрясти основы нашего общества...

Мы полны решимости нанести поражение любому лицу или партии, которые выступают за насильственное порабощение других народов. Мы выступим против повторного избрания тех, кто в Белом доме или конгрессе предает дело американской свободы и преследует чуждые Америке цели. Мы все еще надеемся, что наши обе крупнейшие политические партии поддержат и защитят Декларацию независимости в ходе последней в нашем веке избирательной кампании...»⁸

На этом этапе в рядах Антиимпериалистической лиги были представлены весьма широко все те общественные слои, которые выступали против экспансионизма и его тяжелых последствий. На всем протяжении деятельности Лиги руководство ею находилось по преимуществу в руках группы независимых политиков, которые были связаны с движением за муниципальные и административные реформы или участвовали в движении за отмену рабства. Среди них были Мурфилд Стори, Эдвард Аткинсон, Ирвинг Уинслоу (он был секретарем Лиги до самого конца ее существования), Гамалиэль Брэдфорд (он был также пламенным защитником прав индейцев) и Карл Шурц. Первым общенациональным президентом организации был восьмидесятилетний Джордж Бутвелл, один из создателей республиканской партии Линкольна, завоевавший известность как представитель радикального крыла республиканцев в сенате.

Среди других руководящих членов Лиги, связанных с движением за реформы, находились также Чарлз Фрэнсис и Адамс, Э. Л. Годкин, Герберт Уэлш, Элвин Барритт Смит, Хейзен Пингри (бывший мэр Детройта и губернатор штата Мичиган), Эдвард Шепард, Сэмюэль Баулс и Джеймс Кулидж Картер. Активно работали в рядах Лиги также выдающиеся общественные деятели, как

Джейн Адамс, Джозефина Шоу Лоуэлл и Эрнст Кросби, а также многие последователи Генри Джорджа, пацифисты и прогибиционисты*. В их рядах были также священнослужители Чарлз Паркхерст, Генри Вандайк, Теодор Кайлер, епископ Генри Гудман Поттер и Джон Уайт Чедвик, которые вели крестовый поход против коррупции и жестокой эксплуатации.

К Лиге присоединились некоторые выдающиеся политические лидеры из обеих ведущих партий. Программу Лиги поддерживали два бывших президента: демократ Гровер Кливленд и республиканец Бенджамин Гаррисон. Кливленд согласился стать одним из вице-президентов Лиги. В число вице-президентов (всего их было сорок один) вошли также бывший министр финансов в кабинете Кливленда Джон Карлайл, республиканец Джон Шерман (брат генерала У. Шермана), занимавший одно время (1897—1898 годы) пост государственного секретаря при Маккини, республиканец Джон Уайз, бывший во время Гражданской войны генерал-майором, а в 1877—1881 годах занимавший пост министра внутренних дел. Лигу поддерживали ведущие деятели республиканской партии сенаторы Дж. Хор, Ю. Морилл и Р. Петтигрю, а также спикер палаты представителей Томас Рид (Морилл, Петтигрю и Рид возглавляли борьбу против аннексии Гавайских островов).

В число руководящих деятелей Лиги вошли видные представители демократической партии — противники колониализма: сенаторы Бен Тиллман (вице-президент Лиги), Донельсон Кэффри, Чемп Кларк и Огастус Бэкон. Это были по преимуществу сторонники Брайана, так называемые «серебряные демократы» («сильвериты»), выражавшие интересы недовольного фермерства.

Пожалуй, наиболее широкий отклик лозунги Лиги нашли в среде американской интеллигенции, в литературных и университетских кругах. Вице-президентами Лиги стали ректор Стэнфордского университета Дэвид Старр Джордан и ректор Северо-западного университета Генри Уэйд Роджерс. В поддержку Лиги высказался ряд ведущих профессоров: Чарлз Эллот Нортон, Уильям Грэхем Самнер, Уильям Джеймс, Феликс Адлер, Фрэнклин Генри Гиддингс, Т. Макгинити, Герман фон Хольст и Джеймс

* *Прогибционисты* — сторонники «сухого закона».

Баррилл Энджелл. Именно настроения в этих кругах способствовали назначению Джейкоба Шермана председателем Филиппинской комиссии.

К антиимпериалистам примкнули такие известные всей стране писатели, как Марк Твен, Уильям Дин Хоуэлс, Хэмлин Гарланд, Томас Бэйли Олдрич, Томас Веппорт Хиггинсон, Финли Питер Дюни, Генри Фуллер и Уильям Воган Муди. К лучшим произведениям американской поэзии принадлежат два стихотворения Муди, выражающие протест против захвата Филиппин. В мае 1900 года в журнале «Атлантик мансли» появилась его «Ода, сочиненная в дни сомнений» («Слепоту мы можем простить, но за подлость должны покарать»). В том же журнале в феврале 1901 года было напечатано другое стихотворение Муди — «Солдату, павшему на Филиппинах». В 1900 году в Бостоне вышла в свет целая антология стихов, выражающих протест против империализма, — «Поэмы свободы».

В едких памфлетах — «Человеку, бродящему во тьме» и «Приветствие двадцатому веку от девятнадцатого» — Марк Твен с большой силой заклеймил империализм. В последнем из них XX век обращается к уходящему девятнадцатому с такими словами:

«Ты получаешь от меня в наследство горделивую нацию, которая именуется себя христианским миром. Она только что вернулась, замаранная и обесчещенная, из пиратских рейдов по Мапъчжурии и Кяо-чао, по Южной Африке и Филиппинам. Душа ее полна низости, карманы полны награбленным, а на устах слова лицемерного благочестия. Дай ей скорее мыло и полотенце, но спрячь от нее зеркало».

Генри Фуллер написал стихи, начинающиеся такими строчками: «Послал Маккилла пушки, чтоб знали филиппинцы, чему учил Христос». Эрнст Кросби сочинил пародию на стихотворение Киплинга «Время белого человека», написанное в поддержку захвата Филиппин Америкой (это стихотворение Киплинга очень любил повторять Теодор Рузвельт). Пародия звучала так:

Несп бремя белых
И научи филиппинцев,
Что за штука процент и налог
И что такое шпотка.
Подари им электрический стул

И тюрьмы во множестве.
А если они вздумают дать сдачи,
Выпусти кровь из этих язычников.

Среди тех, кто оказывал покровительство Антиимпериалистической лиге, было лишь небольшое число бизнесменов. Наиболее крупным среди них был Эндрю Карнеги, который сразу же принял предложение войти в число вице-президентов Лиги. Кроме него, фигурировали Дана Эстес, Ричард Крейн, Джон Валентайн, Джорд Фостер Пибоди и Роберт Фултон Каттинг. Пибоди и Каттинг состояли в совете директоров компании «Америкен бит шугар». Но в большинстве промышленники и другие предприниматели, выступавшие против имперской политики, воздерживались от связи с Лигой, которая стала приобретать радикальную окраску. Они предпочитали осуществлять свою оппозиционную линию путем индивидуального нажима в кулуарном порядке.

То же можно было сказать и о рабочем движении. Оно было представлено в Лиге только одной выдающейся фигурой — вице-президентом Гомперсом. Это в значительной мере объяснялось тем, что Гомперс — типичный консерватор среди рабочих лидеров — не связывал борьбу профсоюзов против трестов с борьбой против империализма, которую он сводил к ограничению ввоза дешевой рабочей силы. Под этим лозунгом к кампании протеста удалось привлечь лишь сравнительно немногие профсоюзы, преимущественно с Западного побережья, куда ожидался приток азиатских рабочих.

Страх перед конкуренцией со стороны дешевого труда в самих колониальных странах привлек к Лиге только один профсоюз рабочих-сигарщиков⁹.

При таком пестром составе освободительные идеи, включенные в программу Лиги, не являлись отражением взглядов всей совокупности ее членов. Эти идеи были включены в программу группой, во главе которой стояли Мурфилд Стори, Ирвинг Уинслоу и Эдвард Аткинсон. Позиция этих людей была принципиальной, но другие деятели Лиги обладали весьма путаными взглядами, отражавшими различные конфликты внутри американского общества. Достаточно сказать, что одну из сильнейших группировок в Антиимпериалистической лиге и вообще среди противников аннексии Филиппин составляли расисты, которые обосновывали свою позицию тем, что филиппинцы,

пинцы — цветные варвары, непригодные к тому, чтобы стать частью американского общества. В рядах общенационального руководства Антиимпериалистической лиги можно было встретить бывших аболиционистов, готовых не только действовать совместно с самыми непримиримыми южанами-расистами, но и соглашаться с их доводами. В конечном счете позиция Лиги в целом состояла в том, что американцы (белые) и филиппинцы не могут быть равны.

Большинство южных демократов осуждало «империализм» на том основании, что азиатские народы, подобно неграм, «ниже» белых людей и не могут быть ассимилированы американским народом. Такого рода аргументы (выдвигавшиеся вместо соображений реальной выгоды фермеров) звучали вызывающей пасмешкой в адрес бывших радикальных республиканцев Севера и тех либералов, которые еще недавно встречали подобные идеи резким протестом. Это было иллюстрацией той эволюции взглядов на свободу негров, которая произошла в американском обществе и была, несомненно, одним из факторов, содействовавших распространению империалистических взглядов. Ничто не могло лучше продемонстрировать отсутствие подлинной глубины в антиимпериалистическом движении.

Один из ведущих «неисправимых» демократов Юга — сенатор Тиллмен из Южной Каролины — вошел в состав вице-президентов Антиимпериалистической лиги. Поддерживая любые действия, могущие предотвратить включение филиппинцев в число американских граждан, он в то же самое время использовал борьбу вокруг империалистической политики для укрепления господства расистов на Юге. «Лидеры республиканцев больше не решаются поставить под вопрос справедливость или необходимость ограничить избирательные права негров на Юге», — говорил Тиллмен и насмешливо упрекал республиканцев в том, что они, предлагая превратить филиппинцев в колониальных подданных США, отрекаются от своих принципов: «Ваши былые лозунги — братство всех людей как детей единого бога-отца — померкли с годами. О братстве людей более нет и речи»¹⁰.

Когда впоследствии Антиимпериалистическая лига в национальном масштабе вступила в блок с демократической партией, «прочный демократический Юг» стал

рассматриваться как важная опора коалиций, несмотря на то что в этих краях неизменно продолжалось грубое насилие над негритянским населением.

Впрочем, не только южные демократы выдвигали расистские доводы против аннексии Филиппин. В то время, когда шла Парижская мирная конференция, Карл Шурц, бывший генерал северян и вице-президент Антиимпериалистической лиги, писал следующее:

«Теперь наше правительство готово открыть двери десяткам миллионов латиноамериканцев (кровь которых имеет сильную примесь индейской и негритянской), майайцев и разных других азиатов! Каково же будет после этого положение американских рабочих? Как сможем мы сохранить облик американской нации?»

В настоящее время Соединенные Штаты столкнулись с весьма опасной проблемой расовых отношений. Эта проблема все еще не решена, и было бы неоправданным оптимизмом полагать, что она будет удовлетворительно решена в ближайшем будущем. Здравомыслящие люди понимают, что с этим пора покончить. Подумайте, к каким последствиям это приведет, если нынешнее республиканское правительство будет бесконечно усложнять проблему, открывая доступ в нашу страну большому числу представителей несовместимых рас. С ними нам будет справиться много труднее, чем с теми, с которыми нам пришлось иметь дело до сих пор»¹¹.

Примечательной особенностью развернувшихся споров было то, что представители обеих сторон — проимпериалисты и антиимпериалисты — в своих речах и заявлениях отзывались о филиппинцах с оскорбительным презрением. Те и другие использовали один и тот же аргумент для противоположных целей. Защищая политику захватов, Теодор Рузвельт называл филиппинцев «сборищем дикарей», а Агналдо — филиппинским Осеолой*¹². Подборщик империализма экономист Чарльз Коант говорил о «сравнительной отсталости тропических народов, нуждающихся в руководстве со стороны представителей белой расы»¹³. Оппоненты Рузвельта и Коанта — антиимпериалисты — использовали такой же и даже еще более грубый лексикон. Гомперс не раз говорил о филиппинцах

* Осеоло — предводитель индейского племени семиполов на полуострове Флорида, возглавивший сопротивление белым захватчикам в начале XIX века.

как о «полуварварском народе, почти совсем примитивном по своим обычаям и образу жизни». Спикер палаты представителей Рид, выступая против аннексии, презрительно называл филиппинцев «желтопузыми» и «голыми зулусами» *¹⁴. Сенатор Вест из штата Миссури, предложивший резолюцию против аннексии Филиппин, защищая свой проект, осуждал «идею предоставить американское гражданство грязным полудивилизованным пиратам, населяющим две тысячи островов, лежащих за семь тысяч миль отсюда, в другом полушарии». Он считал немислимым «иметь в составе США штат с подобным населением»¹⁵. Один из видных профессоров, присоединившихся к Антиимпериалистической лиге, ректор Стэнфордского университета Дэвид Старр Джордан, предостерегал: «Если миссионер методистской церкви и школьная учительница из Новой Англии поженятся и поселятся в тропиках, то уже третье поколение их потомков будет ездить верхом на ослах и развлекаться петушиными боями по воскресеньям»¹⁶. Даже включенный в избирательную платформу демократической партии на 1900 год раздел по Филиппинам, составленный, как сообщалось, лидерами Лиги, и послуживший основой для поддержки Лигой демократического кандидата в президенты Брайана, содержал следующую фразу: «Если филиппинцы станут гражданами США, это создаст угрозу нашей цивилизации»¹⁷.

Существование расистов и гуманистов в рядах Лиги было не единственной ее противоречивой чертой. В ее рамках был заключен временный и неустойчивый союз серебряного обращения, имевшимися в обеих партиях. Брайан и Кливленд, например, расходились во взглядах по этому вопросу, и это расхождение так и не было преодолено.

Подобный аморфный и в значительной мере ограниченный характер антиимпериалистического движения этих лет обеспечил ему на первых порах широту и влияние, но эти же самые особенности были среди причин сравнительно быстрого спада движения. Оно стало таять, как только развеялись опасения его разнородных участников — боязнь конкуренции дешевой рабочей силы, боязнь предоставить гражданство еще одному цветному народу,

* Говоря о зулусах, Рид имел в виду, вероятно, население островов Сулу на южной окраине Филиппинского архипелага.

боязнь нанести ущерб национальной промышленности. Даже приверженцы свободы успокоились, убедившись, что создаваемой колониальной системе нетрудно придать форму, отвечающую требованиям антиимпериалистического движения, которое, несмотря на свои громкие декларации, не особенно заботилось о том, какое воздействие окажет американская политика на сам филиппинский народ.

Из всех тех, кто публично осуждал захват Филиппин, лишь подлинные гуманисты оставили о себе добрую память в истории. Одним из них был Мурфилд Стори, который оставался убежденным противником империализма на протяжении тридцати лет, до дня своей смерти в 1929 году. Верный своим принципам, он порвал с Генри Каботом Лоджем, своим школьным товарищем и близким соратником по давнему движению за реформы в штате Массачусетс. Когда Лодж оставил борьбу за реформы ради политической карьеры и стал поддерживать империалистическую политику, Стори резко порвал с ним, и, как говорят, с тех пор между ними прекратились всякие отношения¹⁸. К тому же типу людей принадлежал сенатор Джордж Хор. Он никогда формально не был членом Антиимпериалистической лиги, но поддерживал ее лозунги независимо от своей принадлежности к республиканской партии. Хор писал:

«Всю жизнь я горжусь славным прошлым моей партии, борющейся за свободу. Но теперь моя партия старается сокрушить филиппинский народ, стремящийся создать Филиппинскую Республику. Говорят при этом, что мы должны *дать* филиппинцам хорошую административную систему и что им сейчас живется лучше, чем под властью Испании. Думая обо всем этом, я чувствую себя так, как если бы узнал, что мой отец или другой почтенный предок был в свое время работником и притом хвалился, что изобрел новый, более удобный тип кандалов или наручников для перевозки рабов через океан...

Я хотел бы заслужить благодарность бедного народа Филиппинских островов, устранить их горести и знать, что мои слова и дела принесли луч надежды в темные пещеры, где ютятся угнетенные народы Азии. Мне это было бы дороже, чем получить титул герцога от любого монарха Европы или завоевать аплодисменты наших сенаторов, или видеть свое имя вписанным в анналы национальной истории»¹⁹.

Но сколь ни разнородные и странные союзники объединились в рядах противников колониальных захватов, они смогли оказать существенное влияние на ход захватнической политики. Антиимпериалистическая лига считается первой в XX веке организацией, применившей современные методы пропаганды в национальном масштабе. Множество брошюр, отпечатанных речей, журнальных статей и книг было издано и распространено в ходе деятельности Лиги. Авторами наиболее эффективных из этих материалов были Мурфилд Стори, Герберт Уэлш, Эдвард Аткинсон и Генри Паркер Виллис. Всего за время существования Лиги было издано свыше миллиона экземпляров различной печатной продукции²⁰.

Посылка Лигой брошюр в войска, находящиеся на Филиппинах, причинила правительству Маккинли много беспокойства. Результатом был следующий приказ военного министра генералу Отису: «Эдвард Аткинсон рассылает брошюры, озаглавленные: «Цена национального преступления», «Ужасная война и ее последствия», «Кто виноват в преступной агрессии». В случае поступления подобных брошюр их надлежит изымать на почте и уничтожать». Этот акт цензурного произвола вызвал возмущение поправником традиционных американских свобод.

Одним из первых эффективных мероприятий была кампания против набора солдат для участия в карательных военных операциях. 23 апреля 1899 года генерал Отис сообщил из Манилы военному министерству, что из США идет целый поток телеграмм солдатам его армии, посланной на Филиппины под флагом борьбы против Испании. В одной телеграмме, полученной в полку волонтеров из штата Омаха, говорилось: «Ребята, не вербуйтесь на новый срок. Требуйте немедленной демобилизации». Другая телеграмма, из штата Огайо, сообщала: «Народ требует возвращения десятого полка». Рота «Д» полка вашингтонских волонтеров получила телеграмму, подписанную словом «Граждане» с призывом: «Не вербуйтесь на новый срок»²¹. В результате так мало добровольцев согласилось остаться на новый срок, что пришлось сформировать в США и отправить на Филиппины целую новую экспедиционную армию.

Военные власти были особенно взбешены тем, что движение в Америке против захвата Филиппин оказывало моральную поддержку сопротивляющимся филиппинцам.

Антиимпериалистическую лигу именовали «движением медноголовых»* и заявляли, что оно наносит Америке «удар в спину» (эти слова принадлежали Джону Барретту, бывшему консулу США в Бангкоке, ярому защитнику политики экспансии в Азии). Организация ветеранов Гражданской войны, так называемая Великая республиканская армия, на своем собрании приняла резолюцию, клеймящую членов Лиги как «недостойных звания американских граждан»²². Отклики со стороны филиппинцев на деятельность Лиги и других противников аннексии замалчивались, но зато широко публиковались пространные тирады армейских офицеров против такого рода деятельности. Приводились слова генерала Лаутона: «Я знаю по собственным наблюдениям и по показаниям филиппинских военнопленных, что основной причиной продолжения борьбы являются сообщения из Америки, распространяемые среди этих невежественных туземцев их искусственными лидерами».

Генерал Фэнстон (тот самый, что обманым путем захватил президента Агинальдо в 1901 году) выступил в Чикаго с таким обвинением:

«Если б не так называемые «сторонники мира» в Соединенных Штатах, мы могли бы полностью подавить восстание еще в январе 1900 года. А пришлось после этого принести в жертву дополнительно 600 человеческих жизней и миллионы долларов. Если бы кучка воинствующих политических лидеров не заявляла с уверенностью, что в США дело идет к Гражданской войне, сопротивление филиппинцев давно бы прекратилось... Необходимо понять, кто действительно несет ответственность за продолжающееся противодействие нашим войскам. Из уст самого Агинальдо и других руководителей повстанцев я знаю, что на протяжении последних двух лет именно настроения, насаждавшиеся «медноголовыми» среди народа США, побуждали филиппинцев продолжать войну и убивать наших людей»²³.

Нет сомнений, что деятельность Антиимпериалистической лиги в большой мере способствовала росту сопротивления империализму, которое, в частности, нашло свое

* Медноголовыми называли приверженцев южных конфедератов, которые жили на Севере и во время Гражданской войны совершали акты саботажа против юнионистской армии.

выражение в войне Филиппин против США. Это вынудило правительство Маккинли принять меры для маскировки отвратительных жестоких методов, пущенных в ход для того, чтобы подчинить Филиппины американскому господству. Комиссия Шермана 1899 года и комиссия Тафта 1900 года были направлены в колонию как гражданские органы, призванные сгладить неприглядность открытой власти военщины. Но фактически ни та, ни другая комиссия не имели полномочий давать указания местному военному командованию. Комиссия Тафта на деле содействовала осуществлению очередной фазы репрессий против филиппинцев, но, чтобы заставить замолчать оппозицию в США, правительство уверяло, что комиссия занимается организацией нормальной гражданской администрации, проводя в жизнь систему «благожелательного» управления.

Ни республиканская, ни демократическая партия не могли игнорировать Антиимпериалистическую лигу и другие группы, выступавшие против захвата колоний. Начиная с президентских выборов 1900 года предвыборные лозунги и платформы обеих партий на протяжении целого десятилетия испытывали на себе существенное влияние со стороны тех, кто боролся против создания колониальной империи.

2. Президентские выборы 1900 года ничего не изменили

На своем национальном съезде в октябре 1899 года Антиимпериалистическая лига заявила о намерении выступить в избирательной кампании 1900 года по выборам в президенты с лозунгом борьбы против империализма. Но для Лиги оказалось трудным найти такую партию и такого кандидата в главы государства, которые стали бы эффективно отстаивать этот лозунг.

Сначала была сделана попытка организовать третью партию на чисто антиимперской платформе. Чтобы обсудить вопрос о создании новой партии, было созвано совещание, состоявшееся 6 января 1900 года в Нью-Йорке в отеле «Плаза». Присутствовали Карл Шурц, Брисбейн Уокер, Гамалиэль Брэндфорд, Франклин Джиддингс, Эндру Карнеги, Эдвард Бритт Смит и другие, всего около двадцати человек. Гомперс был также приглашен, но не присутствовал. В предварительном порядке было договорено,

что новая партия получит финансовую поддержку от Карнеги. Однако, после того как между январем и серединой 1900 года состоялись национальные съезды республиканской и демократической партий, у сторонников движения за создание третьей партии внезапно оказались подрезаны крылья — оно лишилось надежды на финансовую поддержку Карнеги. Это произошло в результате давления со стороны ряда стальных трестов, которые решили объединиться с Карнеги в гигантскую монополию, известную впоследствии под названием «Юнайтед Стейтс стил». Предполагалось, что в этой новой корпорации доля Карнеги составит почти треть капиталовложений (160 миллионов долларов из 400 миллионов долларов). Однако остальные партнеры отказывались вкладывать свой капитал, пока Карнеги не отбросит идею создания третьей партии и не займет позицию безоговорочной поддержки Маккинли и республиканской партии. Карнеги принял эти условия²⁴. Позднее он объяснял, что поступил таким образом после беседы с Маккинли, который убедил его, что изменил свою позицию в отношении колониальной политики. Для подтверждения своих действий Карнеги ссылался также на предвыборные речи Маккинли в последнем туре избирательной кампании (перед тем как он был убит в 1901 году), в ходе которой президент выступал за расширение внешних рынков для США с помощью таможенной политики, а не путем захвата колоний. Маккинли говорил: «Период исключительных возможностей миновал. Выход на внешние рынки стал насущной задачей. Войны за рынки сбыта невыгодны. Политика доброй воли и взаимовыгодной торговли воспрепятствует враждебному отношению к нам. Двусторонние торговые соглашения отвечают духу нашего времени»²⁵.

Лишенная финансовой поддержки, идея создания третьей партии угасла. 15—16 августа 1900 года приверженцы Антиимпериалистической лиги собрались в Индианополисе на Конгресс защитников свободы для выработки своей платформы в избирательной кампании и пришли к выводу, что им ничего не остается, как поддержать кандидата в президенты от демократической партии Вильяма Дженнингса Брайана²⁶.

Из того, как обосновывалось это решение, явствовало, что оно было принято в качестве наименьшего зла. Резолюция призывала не голосовать за Маккинли, а отдать

голоса тем конгрессменам, которые открыто выступают против империализма. «Хотя мы также приветствуем любые иные способы воспрепятствовать переизбранию Маккини, однако считаем прямую поддержку кандидатуры Брайана наиболее действенной мерой в борьбе за сокращение империализма». Все же после этого на собрании, состоявшемся 5 сентября в Нью-Йорке, была сделана еще одна попытка сколотить третью партию, невзирая на отсутствие средств. Но и она окончилась неудачей за неимением подходящей кандидатуры на пост президента, обладающей достаточным весом в общенациональном масштабе.

Неуверенность членов Антиимпериалистической лиги в поддержке Брайана и демократической партии вызывалась тем, что среди демократов отсутствовало единство, а сам Брайан колебался между различными фракциями этой партии. Среди демократов имелись ярые сторонники внешней экспансии. Их рупором были такие газеты, как «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон таймс», «Атланта конститьюшн» и «Луизвилл курьер джорнэл»²⁷. Кроме того, по-прежнему считалось, что вопрос о серебряном стандарте будет служить эффективным средством привлечения голосов в сельскохозяйственных районах. Это особенно импонировало Брайану, который выступал с такой программой на президентских выборах 1896 года. На национальном съезде демократической партии 1900 года в центре обсуждения был вопрос о том, что сделать основным пунктом избирательной платформы — вопрос о серебряном стандарте или лозунг борьбы против империализма. Антиимпериалистическая лига, отстаивая свою программу, поддерживала демократическую партию, но не забывала при этом, как вел себя Брайан во время ратификации Парижского мирного договора.

Отстаивая свою формулировку вопроса о Филиппинах в избирательной программе демократической партии, Антиимпериалистическая лига и другие противники колониализма сумели добиться некоторого успеха. В тексте избирательной платформы говорилось:

«Мы осуждаем и отвергаем политику нынешнего правительства в отношении Филиппин. Оно ввергло нашу страну в ненужную войну, в которой стали жертвами многие из славных сынов нашей родины, оно поставило нашу страну, которую донны признавали и превозносили как

оплот свободы, в ложное положение, навязав ей такие несовместимые с американскими идеалами действия, как применение военной силы против наших недавних союзников, попытавшихся обрести свободу и самоуправление. Филиппинцы не могут стать гражданами нашей страны, поскольку это грозит нашему образу жизни; они не могут стать нашими подданными, не подвергая опасности наше государственное устройство. Мы дорожим своим образом жизни и не хотим, чтобы наша республика превратилась в колониальную империю, мы требуем провозглашения в качестве ближайших целей нашей страны — предоставить Филиппинам, во-первых, надежную форму управления; во-вторых, независимость; в-третьих, защиту от вмешательства извне — словом, таких же гарантий, какие мы предоставили около ста лет назад странам Центральной и Южной Америки.

Движимое неудержимой жаждой наживы, республиканское правительство пыталось оправдать свою политику в отношении Филиппин обещаниями, что она оправдает себя. Но и этот неприглядный корыстный довод не выдерживает сопоставления с фактами. Преступная военная агрессия против филиппинцев, на которую ежегодно тратились многие миллионы долларов, уже стоила нам гораздо больше самого выгодного дохода, какой сможет принести торговля с Филиппинами на много лет вперед. Не говоря уже о том, что торговая прибыль, добытая путем удушения свободы, всегда обходится слишком дорого. Мы не возражаем против присоединения территорий, которые было бы желательно включить в состав США и население которых обладает достаточной зрелостью и желанием стать гражданами Америки. Мы одобряем экспансию с помощью мирных и законных средств, но решительно протестуем против захвата или покупки отдаленных земель, на которых будут действовать законы, не соответствующие нашей конституции, и где живут народы, которые никогда не смогут стать гражданами нашей страны.

Мы поддерживаем намерение распространять влияние наших идей среди других народов, но мы твердо убеждены, что оно должно проводиться не с помощью оружия и насилия, а средством гораздо более убедительным — высоко нравственным и благородным примером.

Мы несколько не умаляем всех других задач, стоящих в данный момент перед американским народом, и демо-

кратическая партия отнюдь не пренебрегает ими. Однако жгучая проблема империализма, родившаяся в результате войны с Испанией, несет серьезную угрозу основам наших гражданских свобод и самому существованию нашей республики. Поэтому мы считаем этот вопрос решающим в нынешней избирательной кампании»²⁸.

Хотя такая формулировка и не соответствовала полностью позиции Антиимпериалистической лиги (поскольку в избирательной платформе вопрос о независимости Филиппин стоял в качестве «декларируемых целей», а не дела, требующего безотлагательного проведения в жизнь, за что ратовала Лига в то время), все же эта формулировка более четко выражала точку зрения тех, кто противился колониальным захватам, но поддерживал другие формы экспансии — установление протекторатов и сфер влияния, — которые предусматривались осуществлением доктрины Монро применительно к Азии.

Однако вопреки тому, что в избирательной платформе демократической партии утверждалось об империализме как «решающем вопросе в избирательной кампании», на самом деле он таковым не стал. Частично это произошло вследствие тактики республиканцев, которые вместо открытой борьбы по этому вопросу предпочли попросту обойти его в своей пропаганде.

Основные столкновения по вопросу об империалистической политике возникли после того, как началась избирательная кампания 1900 года. Основной доклад на общенациональном съезде республиканской партии 20 июня произнес один из наиболее ярых сторонников империализма — Генри Кэбот Лодж.

Он сказал:

«Мы не станем лицемерно утверждать, что на Филиппинах нас интересует только судьба их жителей. Хотя мы считаем достижение их благополучия своей священной целью, все же об интересах американского народа мы заботимся в первую очередь. Наш долг в равной степени важен как по отношению к своему, так и по отношению к другим народам. Мы считаем торговлю лучшим орудием экспансии. Используя законные средства, предусмотренные нашим государственным правом порядком, мы намерены открывать с помощью торговли новые рынки. Самый грандиозный рынок представляет собой Китай. Наша торговля там стремительно расширяется. Манила — наш военный

трофей — предоставляет нам для развития торговли нецелимые возможности. Вот краеугольный камень нашей политики на Востоке»²⁹.

Такой подход лишь подогрел разногласия. Тогда же, в июне, Джейкоб Шерман, сторонник иной точки зрения по вопросу о Филиппинах, обратился в конфиденциальном письме к президенту Маккинли с советом, как именно следует проводить кампанию по переизбранию президента на новый срок. Шерман писал: «Если исходить из того, что центральным пунктом избирательной борьбы будет вопрос о Филиппинах, то какой в этом случае должна быть партийная платформа по этому вопросу? На это мой ответ ясен: горячо одобрить все, что сделал президент, и отметить, что его единственными мотивами были интересы дела, требования национальной чести и долга. Эти высшие побуждения, без сомнения, одобрят вся нация, но любой намек на богатства архипелага будет выглядеть мотивом низменным и корыстным... Я считаю неразумным указывать на побочные причины нашего захвата Филиппин и считаю столь же неразумным заявлять, что мы собираемся владеть ими вечно... Нет нужды ни назначать точный срок нашего ухода с архипелага, ни заявлять, что мы не уйдем оттуда никогда».

Маккинли немедленно ответил: «Я внимательно прочел Ваше письмо и был весьма заинтересован Вашими советами. Прошу Вас изложить в письменном виде соображения о том, как лучше сформулировать этот пункт»³⁰.

Когда наконец была опубликована избирательная платформа республиканской партии 1900 года, она оказалась составленной в духе идей не Лоджа, а Шермана. Раздел платформы, относящийся к Филиппинам, гласил:

«Президент и сенат взяли на себя по Парижскому мирному договору ответственность, справедливо вытекающую из нашей победы над Испанией. В этом они получили полное одобрение со стороны американского народа. Был возможен только один путь — уничтожить господство Испании в Вест-Индии и на Филиппинских островах. Это возложило на нас определенную ответственность перед миром и перед тем гражданским населением, которое мы своим вмешательством освободили от власти Испании, — ответственность по поддержанию законности и порядка, по организации надлежащего управления и по выполнению наших международных обязательств. Осуществление от-

ветственности требует соответствующей власти, и потому наше правительство было обязано поддерживать свою власть на перешедших под наш суверенитет территориях, подавлять вооруженные восстания и обеспечить блага свободы и цивилизации всем освобожденным нами народам.

Им будет предоставлена по закону наибольшая степень самоуправления, совместимая с их благополучием и с нашими прерогативами. Независимость и самоуправление были обещаны Кубе одновременно с объявлением войны, и это обещание будет выполнено полностью»³¹.

Вопрос о Филиппинах в ходе избирательной кампании был сильно приглажен. Речь шла о филантропии, распространении цивилизации и просвещения, но об экономической ценности островов не говорилось ни слова. Республиканцы предпочитали основное внимание уделять вопросам экономического развития внутри страны.

Изменение в позиции республиканцев не было простой тактической уловкой ради успеха на выборах. Оно отражало тенденции к пересмотру планов внешней экспансии. 20 марта 1900 года государственный секретарь Джон Хэй объявил, что между великими державами по инициативе США заключено соглашение о политике «открытых дверей» в Китае. Для антиколониалистов эта политика была приемлемой, потому что она учитывала их доводы в пользу ведения торговли без территориальных захватов. Показательно, что в ходе выборов Антиимпериалистическая лига не поднимала вопроса о разделе рынка в Китае, так же как и вопроса о поправке Платта, предусматривающей право США на интервенцию в независимую, самоуправляющуюся Кубу для защиты американских интересов. Важным фактом в избирательной кампании было также поведение кандидата демократов Брайана. Начав с атак на политику колониализма, он в разгаре избирательной кампании совершил поворот — стал делать упор на вопрос о серебряном стандарте и осуждать тресты. Поскольку это было время относительного экономического процветания, распространившегося даже на отсталые сельскохозяйственные районы, это дало республиканцам прекрасную возможность перейти самим в контратаку. Нет сомнения, что возврат Брайана к проблеме денежного обращения позволил республиканцам переманить на свою

сторону многих колеблющихся избирателей. Открытие новых источников золота в Клондайке и Южной Африке существенно повысило запасы этого металла. Одновременно промышленники с успехом использовали введенный республиканцами в 1897 году высокий таможенный тариф. В свете этого высказывалось соображение, что победа сторонников серебряного стандарта может сорвать промышленный бум.

В результате ряд видных противников имперской политики — сенатора Хор и Хэйл, члены палаты представителей Маккол и Литтлфилд — стали активно поддерживать кандидатуру Маккинли как сторонника промышленного прогресса. Так же поступил Карнеги. Сторонники Антиимпериалистической лиги Шерман и Абрагам Хьюит заняли аналогичную позицию. Шурц поддержал Брайана неохотно, считая его лишь меньшим из двух зол. Кливленд и Рид отошли от борьбы и не поддерживали ни одного из кандидатов, так же как и видный деятель Лиги Чарлз Фрэнсис Адамс. Несколько членов Лиги выступили с таким лозунгом: «Сначала проголосуем за Маккинли, а о Филиппинах позаботимся потом»³².

В итоге Брайан потерпел сокрушительное поражение. Хотя число голосовавших уменьшилось по сравнению с 1896 годом, Маккинли получил невиданный в истории американских выборов перевес голосов. Его победа вызвала беспрецедентный подъем курса акций³³.

На пост вице-президента был избран Теодор Рузвельт, который немало способствовал захвату Филиппин. Это обстоятельство, как и другие особенности выборов, не означало поддержки оголтелой империалистической политики Рузвельта. Выдвижение его кандидатом было результатом маневра тех боссов республиканской партии, которые знали, что на посту вице-президента Рузвельт будет фактически отстранен от активной политической деятельности. Хотя некоторые пламенные экспансионисты утверждали, что голосование за Маккинли — это одобрение политики империализма, на деле выборы не означали одобрения какой-либо политической линии, кроме поддержания статус-кво в Соединенных Штатах в условиях сложного переплетения актуальных политических проблем. На это указывали многие газеты, предостерегавшие против поспешного истолкования итогов выборов как «одобрения» империализма.

Через несколько дней после того, как выборы прошли, 13 сентября 1900 года, отделение организации Антиимпериалистической лиги штата Новая Англия приняло следующую резолюцию: учитывая тот факт, что голоса сторонников антиимпериализма были распылены между различными кандидатами в ходе избирательной кампании, «Исполнительный комитет Антиимпериалистической лиги штата Новая Англия не считает, что прошедшие выборы разрешили проблему борьбы против империализма, и призывает членов Лиги продолжать агитацию в пользу независимости Филиппинской Республики и бороться за соблюдение принципов американской Декларации независимости»³⁴.

Дискуссии продолжались, все больше принимая характер детального обсуждения вопроса о том, каким образом надлежит управлять колонией.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Колониальная политика. Два тактических подхода

1. Империализм и законодатели

Борьба вокруг политики в отношении Филиппин разгорелась сразу же после окончания президентских выборов 1900 года. Хотя сторонники экспансионизма сохранили влияние в правительстве, это не означало, однако, что они могли беспрепятственно воплощать в жизнь свои замыслы.

Первое столкновение вызвал законопроект, с которым еще в начале 1900 года выступил сенатор от штата Висконсин Джон Спунер. В первоначальном варианте его законопроект предусматривал, что после того, как будет подавлено сопротивление филиппинцев, «вся военная, гражданская и законодательная власть, необходимая для управления Филиппинами», будет принадлежать президенту США, который сможет по своему усмотрению назначать людей на руководящие посты, а также решать вопрос о том, в какой форме будет осуществляться власть в колонии. Предусматривалось, что американские власти будут обладать неограниченным правом выдавать разрешения на создание предприятий тем американским корпорациям, которые пожелают воспользоваться открывающимися на Филиппинах возможностями.

В ходе ожесточенной предвыборной борьбы противники колониализма в сенате не допустили законопроект Спунера к голосованию, поскольку он предусматривал бессрочное владение Филиппинами. Когда же выборы остались позади, то в империалистических кругах было сочтено, что вопрос о сроках владения Филиппинами перестал быть в центре внимания и препятствий для эксплуа-

тации Филиппин больше не существует. Раздались голоса, требующие снова вытащить на свет положенный под сукно законопроект Спунера.

Активная роль здесь принадлежала Филиппинской комиссии, возглавляемой Вильямом Говардом Тафтом, которую буквально осаждали нетерпеливые предприниматели и фирмы, начавшие проникать на Филиппины. Военное командование было поглощено борьбой с так неожиданно затянувшимися сопротивлением филиппинцев и к тому же не обладало полномочиями для юридического оформления деловых контрактов и регистрации собственности. Комиссия Тафта в своем отчете от 30 ноября 1900 года с одобрением высказалась об исходе выборов («От успеха той или другой партии зависели важные деловые интересы... Теперь условия на Филиппинских островах будут становиться все более благоприятными»). В отчете выдвигались следующие требования:

«Необходимо иметь учреждение или ответственное лицо, наделенное достаточными полномочиями для издания законов, обеспечивающих возможности помещения капитала на Филиппинах. Это и будет наиболее верным и устойчивым способом умиротворения страны. В настоящее время иностранный капитал здесь представлен только английскими и испанскими корпорациями с довольно ограниченной сферой деятельности. Американский капитал встречают в штыки. Эти трудности можно преодолеть, приняв законопроект Спунера, который сейчас ждет обсуждения в обеих палатах конгресса».

Второго января 1901 года комиссия Тафта в телеграмме военному министру Руту снова настойчиво повторила свои рекомендации:

«Пока законопроект Спунера не будет принят, организация централизованного гражданского управления в стране невозможна. Никакие разрешения на открытие предприятий не могут быть предоставлены, и нет возможности вложить достаточные средства в благоустройство архипелага... Без принятия законопроекта Спунера нельзя производить продажу государственных земель и утверждать заявки на добычу ископаемых».

Рут передал конгрессу рекомендации комиссии Тафта и подкрепил их своими собственными доводами:

«Армия добилась того, что Филиппины в настоящее время представляют собой открытое и привлекательное

поле для капиталовложения и предпринимательства. Но, чтобы реализовать эти потенциальные возможности, необходимо издать соответствующие законы, регулирующие отчуждение земельных участков, организацию транспорта, банковского дела и денежного обращения»¹.

Генри Кэбот Лодж, глава сенатского комитета по делам Филиппин, начал маневры, чтобы протащить через сенат основные положения законопроекта Спунера по позднее роспуска 56-го конгресса, срок полномочий которого кончался в марте. Его тактический ход состоял в том, чтобы привязать билль Спунера в качестве поправки к закону о военном бюджете и обойти оппозицию антиколониалистов, добавив к нему оговорку, что любые права, предоставленные по этому закону, могут быть изменены или отменены.

Маневры Лоджа встретили, однако, сильное противодействие. Антиколониалисты не чувствовали себя более в силах предотвратить организацию колониального управления на Филиппинах, но они решительно боролись против любого шага, который содействовал бы широкой и неограниченной эксплуатации архипелага.

Оппозиция попыталась изменить билль Спунера, внося в него поправку, которая распространяла бы на Филиппины гарантии прав, предусмотренных конституцией США, а также провозглашала бы намерение США уйти с Филиппин после того, как там будет создано устойчивое управление. Эти поправки не были приняты. Была, однако, принята другая серьезная поправка, предложенная сенатором Хором. Она запрещала какое-либо отчуждение государственных земель до организации на Филиппинах «постоянного правительства» и строго ограничивала право местных властей на регистрацию новых предприятий. Тем самым законопроект Спунера был выхолощен по сравнению с первоначальным его замыслом, что означало серьезное поражение Рута, Лоджа, Тафта и тех заинтересованных кругов, от имени которых они выступали.

Проект Спунера (юридически именованный поправкой) был в конце концов принят конгрессом 2 марта 1901 года. Этим решением президент США уполномочивался предпринять шаги, необходимые для организации гражданского управления на Филиппинах. Однако никакого точного срока установлено не было, это откровенно

рассматривалось в качестве временной меры впредь до окончательного решения конгресса: все акты регистрации предприятий, осуществленные по этому закону, могли быть изменены или аннулированы.

Видоизмененная поправка Спунера всего лишь облегчила постепенную передачу власти из рук военных в руки гражданской комиссии Тафта. 21 июня 1901 года Маккинли назначил Тафта гражданским генерал-губернатором Филиппин (его формальное вступление в должность состоялось 4 июля 1901 года). Это было в значительной степени мерой, призванной замаскировать продолжение карательной военной политики. Но и став генерал-губернатором, Тафт по-прежнему не имел полномочий давать разрешения на создание предприятий, которые начали бы экономическую эксплуатацию островов. До самого конца 1901 года Филиппинская комиссия Тафта продолжала выпрашивать себе права на регистрацию предприятий, утверждение заявок на добычу ископаемых, продажу и сдачу в аренду государственных земель². Только в июле 1902 года, то есть через три с половиной года после захвата колоний, в конгрессе США закончились споры по этому вопросу и была сформулирована соответствующая политическая линия.

Вслед за попытками наложить ограничения на безудержную эксплуатацию новой колонии началась споры о торговой политике. Представители капитала, действовавшего в США, стремились добиться для Филиппин такого юридического статуса, который не допускал бы беспошлинного ввоза на американский рынок филиппинских товаров, конкурирующих с местными. Спор завязался вокруг так называемых «островных дел», которые рассматривались в американских судах в 1899 и 1900 годах и были окончательно решены Верховным судом в 1901 году.

Речь шла о трех исках, ни один из которых не касался прямо филиппинских товаров, но все они были связаны с общим вопросом торговой политики по отношению к Филиппинам. В первом случае американский солдат Е. Дж. Пепке, вернувшийся после демобилизации с Филиппин, предъявил иск американским властям, изъясшившим у него на границе 14 бриллиантовых колец, за которые он отказался платить пошлину. Два других дела касались ввоза товаров из новой американской колонии Пуэрто-Рико: фирма Де Лима ввозила сахар, а фирма

Даунса — апельсины, причем обе фирмы предъявили иск правительству за то, что их вынуждали платить пошлину. Пепке, Де Лима и Даунс действовали в убеждении, что и Филиппины и Пуэрто-Рико являются американской территорией, на которой действуют те же законы, что и в США.

Верховный суд в решении по «делу о бриллиантовых кольцах» и по иску Де Лима указал, что американские таможенные правила, установленные законом Дингли 1897 года, не распространяются на новые владения, поскольку те не являются иностранными государствами. В решении по делу Даунса, однако, суд заявил, что Филиппины и Пуэрто-Рико являются не составной частью Соединенных Штатов, а лишь приобретенной ими территорией, на которую конституция США распространяется не прямым образом, но в каждом случае «по специальному указу президента и конгресса». Иными словами, правила торговли и таможенные тарифы между США и их колониями должны быть определены конгрессом независимо от существующих законов. Был, следовательно, отброшен принцип, выраженный в ходячей фразе того времени: «Конституция следует за флагом».

Судебные решения по «островным делам» удовлетворяли требования группировок, заинтересованных в создании основ для торговых отношений с колониями. Деятели американской промышленности и представлявший их в конгрессе мощный блок получили теперь ту защиту своих интересов, которой они добивались.

На основе решений по «островным делам» в конгресс был внесен проект закона о таможенных тарифах, принятый 8 марта 1902 года. Он предусматривал обложение филиппинских товаров пошлиной в размере 75 процентов от ставок, установленных законом Дингли. Столь высокая пошлина делала импорт этих товаров крайне невыгодным. Если все же установленный тариф был ниже уровня тарифов Дингли, то единственной причиной этого была настойчивая просьба комиссии Тафта дать хоть какие-то привилегии филиппинским предпринимателям. Комиссию заботили два обстоятельства: во-первых, от доходов местных предпринимателей зависел объем налоговых поступлений, за счет которых существовала администрация; во-вторых, для «умиротворения» колонии было необходимо иметь союзником класс филиппинских предпринимателей, поставляющих продукты на экспорт.

В то же время был введен в действие специальный закон о филиппинских таможенных тарифах. Он опирался на указание Верховного суда о том, что конгресс имеет право установить на Филиппинах такие тарифы, которые обеспечат преимущества для ввозимых американских товаров. Была, следовательно, выработана такая политика, которая удовлетворяла одновременно интересы как стремящихся к экспортной экспансии промышленников, так и производителей сельскохозяйственной продукции. Общественный смысл решений, принятых Верховным судом и конгрессом, показывал готовность приспособить колониальную политику к интересам всех секторов американского капитала.

Была сделана еще одна уступка противникам колониализма, которые выражали опасение, что аннексия Филиппин вызовет приток в США дешевых «азиатских» рабочих рук. Закон о недопущении китайцев в США было предложено распространить и на филиппинцев. «Если мы не поставим преграду, — говорил сенатор Хэтфорд от штата Айдахо, — Филиппинские острова станут воротами, через которые желтые орды хлынут в США». Закон о недопущении «желтых» иммигрантов был принят 29 апреля 1902 года³.

Поскольку было решено, что конституция США не распространяется на их колонии, сам собой отпал вопрос об американском гражданстве для филиппинцев и о возможности их свободного въезда в Соединенные Штаты. Те, кто по расистским мотивам выступал против колониальной политики, были довольны соответствующим пунктом, включенным в так называемый Органический закон от 2 июля 1902 года, формально установивший систему постоянного гражданского управления Филиппинами: «Все жители Филиппинских островов... будут считаться гражданами Филиппинских островов и, как таковые, находиться под защитой Соединенных Штатов»⁴.

2. Органический закон и границы эксплуатации

К началу 1902 года стали особенно настойчивыми требования принять закон, окончательно регулирующий все аспекты политики по отношению к Филиппинам. Те, кто намеревался вкладывать там капиталы и разрабатывать недра, требовали устранить ограничения на регистрацию

новых предприятий и на утверждение горнорудных заявок. Если во времена обсуждения законопроекта Спунера имелись сотни претендентов на разработку недр, то теперь их число достигло двух тысяч⁵. Тафт настаивал на окончательной организации более или менее постоянного гражданского управления с ограниченным участием филиппинцев. Последнее было необходимо, чтобы привлечь население к сотрудничеству. Правительство Теодора Рузвельта (он стал преемником Маккинли, убитого 6 сентября 1901 года) хотело бы выступить в роли создателя устойчивого гражданского управления на Филиппинах, с тем чтобы филиппинский вопрос перестал быть предметом споров во время избирательных кампаний 1902 и 1904 годов, которые Рузвельт надеялся выиграть за счет собственной популярности. К концу 1902 года оппозиция стала все настойчивее осаждать правительство Рузвельта требованиями провести обстоятельное расследование жестокостей при подавлении филиппинских повстанцев, не признавших методов колониального управления и причин, вызвавших подобную ситуацию на Филиппинах.

В отчете комиссии Тафта за 1901 год содержался целый ряд рекомендаций в отношении общих установок и конкретных мероприятий в области филиппинской политики. Эти рекомендации включали создание «народной ассамблеи» в составе не более 30 членов, предоставление администрации права регистрировать предприятия и акционерные общества, предоставлять горнорудные участки, выпускать займы, отчуждать государственные земли («достаточно крупными участками»); предлагалось также принять законы, регистрирующие денежное обращение и деятельность банков⁶.

Военный министр Рут был против того, чтобы допустить филиппинцев к участию в управлении колонией. Он предпочитал ввести один за другим ряд законов — о тарифах, о регистрации предприятий, о государственных землях и недрах — и при этом по-прежнему держать колониальное управление под неослабным контролем военного министерства. Иную позицию занимал Лодж. Как глава сенатского комитета по делам Филиппин, он был мишенью для нарастающей критики в конгрессе и считал, что умиротворить оппозицию будет легче с помощью единого всеохватывающего законопроекта⁷. В сенате Лодж оказался перед лицом деликатной ситуации после того,

как 13 января 1902 года сенатор Хор предложил резолюцию о создании специального комитета для расследования положения на Филиппинах, включая обвинения в зверствах, совершенных американской армией. Встревоженный тем, что возглавляемый им Филиппинский комитет таким образом может упустить из своих рук контроль над выработкой колониальной политики, Лодж согласился на расследование лишь при условии, что оно будет проведено в рамках его комитета⁸. Лодж сумел направить заседания комитета в русло разработки всеобъемлющего закона о филиппинской политике.

Передавая в сенат предложенный им законопроект, Лодж сопровождал его комментариями смягчающего характера. Он выразил готовность согласиться на определенные ограничения той политики экспансии, которую он сам помогал проводить. Это можно объяснить воздействием позиции меньшинства членов его комитета. Мнение меньшинства было приложено к докладу комитета. Оно предлагало предусмотреть в законе созыв на Филиппинах конституционного конвента через 90 дней после окончания вооруженного сопротивления; конституцией Филиппин должно быть установлено право США иметь на архипелаге угольные станции для бункеровки военных судов в целях защиты прав и собственности, приобретенных Соединенными Штатами; после выработки конституции президент США должен будет провозгласить независимость Филиппин, а затем вступить в переговоры с Великобританией, Францией, Германией и другими державами для заключения договора о вечном нейтралитете Филиппин и об обеспечении равных для всех стран условий торговли с ними; через 60 дней после выборов государственных органов, которые будут установлены конституцией, американские войска будут выведены с Филиппин⁹. Эти предложения выражали позицию, которую отстаивали в то время антиколониалисты.

В ходе прений, которые развернулись в сенатском комитете по делам Филиппин, правительству пришлось перейти к обороне. Лодж как председатель комитета делал все возможное, чтобы сузить масштабы расследования. Он приглашал только тех свидетелей, которые были причастны к проведению правительственной политики: Тафта, генерала Макатура, генерала Отиса, адмирала Дьюи, генерала Хьюза и члена комиссии Тафта Дэвида Бер-

роуза¹⁰. Мурфилд Стори просил разрешения выступить перед комитетом, но ему этого не позволили. Ни один филиппинец не был допущен в качестве свидетеля, и не было принято никаких мер для проведения расследования на самих Филиппинах. Даже Джейкоб Шерман, глава первой Филиппинской комиссии, не был приглашен в качестве свидетеля. Лодж, используя свои председательские права, дал широкую возможность члену комитета сенатору Бевериджу защищать позицию правительства, зато пресекал критические выступления его противников. Тем не менее имевшиеся в составе комитета антиколониалисты (в частности, сенаторы Паттерсон, Дюбуа и Кармак) сумели добиться разоблачения и признания фактов презрения к филиппинцам, к их устремлениям и интеллекту, фактов жестокости и зверств, чинившихся армией США в ходе карательной кампании. Эти разоблачения содействовали тому, что в конгрессе был благожелательно рассмотрен вопрос о создании на Филиппинах представительных органов власти.

Отношение меньшинства к законопроекту, который, как полагали, мог ускорить уход США с Филиппин, видно из того, что при окончательном голосовании в сенате основной билль получил 48 голосов «за» и 30 «против». На сей раз число сенаторов, голосовавших против этого законопроекта, было больше, чем во время обсуждения Парижского мирного договора или в итоге дебатов резолюции о предоставлении в январе 1899 года независимости Филиппинам.

В палате представителей рассматривался одновременно параллельный законопроект, внесенный конгрессменом Генри Купером. В ходе дебатов в него был добавлен пункт, предусматривающий создание на Филиппинах выборной ассамблеи, что далеко выходило за пределы рекомендаций Тафта или Рута (последний был автором первоначального варианта билля Купера). Прежде чем окончательный текст Органического закона был выработан, между рассматривавшими его проект комитетами сената и палаты представителей развернулись острые дебаты, причем в конечном счете сенат принял предложение палаты о создании ассамблеи на Филиппинах. Органический закон вступил в силу 2 июля 1902 года.

Положения Органического закона выработывались при неусыпном внимании со стороны различных американских

общественных группировок, и окончательная редакция закона шла весьма далеко навстречу пожеланиям тех, кто испытывал колебания в отношении колониальной аннексии чужеземной страны.

Наибольшую заинтересованность в содержании закона проявляли представители сельскохозяйственных штатов, которых больше всего заботили правила приобретения на Филиппинах государственных земель (при обсуждении законопроекта в сенате особенно придирчивый и тщательный допрос свидетелям устраивал сенатор Паттерсон, представлявший штат Колорадо, где выращивается сахарная свекла). Генерал-губернатор Тафт рекомендовал разрешить приобретение земельных участков размером в 25 тысяч гектаров и более (после принятия закона он сам и вся колониальная администрация безуспешно продолжали несколько лет добиваться принятия этого предложения). Но статьи 13 и 16 Органического закона принесли разочарование тем, кто рассчитывал урвать крупные участки земли под плантации на Филиппинах: размер угодий, которые можно было получить из государственного земельного фонда, был строго ограничен 16 гектарами для индивидуального покупателя и 1024 гектарами для корпораций. Тем самым интересы аграрных предпринимателей в Соединенных Штатах были ограждены с двух сторон: с помощью таможенных тарифов и с помощью ограничения землевладения на Филиппинах. В результате эффективное сельскохозяйственное производство в крупном масштабе стало на Филиппинах делом трудным, если не невозможным. Филиппины стали единственной империалистической колонией в Азии, где так и не развилась иностранная плантационная система, основанная на применении наемной рабочей силы.

В общем и целом в Органическом законе предстала в отшлифованном виде империалистическая политика, начало которой было положено в 1898 году. Колониальная эксплуатация и грабеж были введены в определенные рамки. Специальные статьи закона предусматривали возможность пересмотра или аннулирования конгрессом любых актов колониальной администрации¹¹. Тем самым традиционная практика колониализма была определенным образом ограничена. Вместе с тем параграфы, говорившие об организации представительных органов на Филиппинцев, были шагом к той автономии и самоуправ-

лению, за которые ратовали умеренные антиколониалисты.

Неудивительно, что антиимпериалистическое движение в Соединенных Штатах после бурного подъема, вызванного захватом Филиппин, теперь стало затихать.

3. Вместо министерства колоний — Бюро по делам островов

Заключительный, 87-й раздел Органического закона был весьма знаменательным для эволюции политики в отношении Филиппин и всей американской колониальной политики в целом. В этом разделе закона говорилось:

«Отдел по делам островов при военном министерстве, созданный по приказу военного министра, будет продолжать свою деятельность и впредь именоваться Бюро по делам островов при военном министерстве. Функции этого бюро будут охватывать все вопросы, относящиеся к гражданскому управлению на островных владениях США; находящихся под юрисдикцией военного министерства. Военный министр настоящим уполномочивается назначить обладающего соответствующей квалификацией армейского офицера, который под руководством военного министра будет возглавлять указанное бюро. Офицер, назначенный на эту должность, будет иметь ранг и жалованье полковника»¹².

Такое решение об организации руководства делами колоний означало принижение прерогатив колониальной администрации на местах и было неотъемлемой частью выработанного нового стиля американской империалистической политики.

Всеобщее отвращение к самому слову «колония» было плодом пропаганды Антиимпериалистической лиги и всех тех, кто так или иначе поддерживал ее. Теперь только кучка заядлых американских экспансионистов продолжала горделиво оперировать стандартной фразеологией империализма. Новые тенденции нашли свое отражение еще в отчете комиссии Шермана, которая с праведным возмущением заявляла:

«От имени всех филиппинцев комиссия выражает протест против предложения назвать архипелаг колонией: Могут спросить, какое значение может иметь название? В данном случае значение его, несомненно, велико. Как

знают филиппинцы по собственному опыту, «колония» — это политически зависимая страна, находящаяся под суверенитетом державы, которая ее эксплуатирует, угнетает и дурно ею управляет. Ни одно другое слово во всем политическом словаре филиппинцев не имеет такого злобного и пугающего смысла. Оно вызывает в их памяти зло, страдания и несчастья. Какая бы самая прекрасная и свободная система управления ни была изобретена для этих жителей древней испанской колонии на Востоке, она встретит решительное и всеобщее осуждение филиппинцев, стоит лишь назвать эту систему колониальной».

Комиссия Шермана, высказав эти благочестивые мысли (которые она вряд ли решилась бы предать гласности года два спустя), присовокупила к своему докладу в качестве приложения подготовленный ею справочно-информационный сравнительный обзор устройства британской гражданской администрации в колониях — в Индии, на Цейлоне, в Бирме, в Малайских федерированных султанатах и в Проливных поселениях¹³.

Хотя американские политики стали избегать слова «колония», с самого начала они возлагали большие надежды на использование опыта британского колониального управления в качестве образца. Никто среди американских политических деятелей не имел столь близких отношений с англичанами и не восхищался ими так, как Джон Хэй. Именно он, будучи государственным секретарем, давал указания комиссии Шермана, какой тип государственного устройства надо предложить филиппинцам во время переговоров 1899 года. Проект Хэя отражал опыт британской административной системы в Гонконге и других колониях. Он составил основу деятельности комиссии на Филиппинах.

Организуя сельскохозяйственные банки на Филиппинах, американские администраторы тщательно изучали банковскую систему, введенную лордом Кромером в Египте. Образцом для филиппинской констабулрии (жандармерии) послужили отряды туземной полиции, созданные англичанами в Индии и Малайе. Тафт посылал людей на Британское Борнео и в Голландскую Ост-Индию для изучения тех методов колониального управления, которые могут найти применение на Филиппинах. Даже при создании в горах Багно (Северный Лусон) летней резиденции для американских чиновников комиссия Тафта

вдохновлялась рассказами Киплинга о жизни в Симле — летней столице англичан в Индии.

Элиу Рут, которому принадлежала ведущая роль в разработке филиппинской политики, имел в своей служебной библиотеке 15 книг по вопросам британской колониальной политики. Он признавался: «Первое, что я сделал, получив назначение на свой пост, — составил большой список книг, относящихся ко всем деталям теории и практики разнообразных форм английского колониального управления. Все свое свободное время я отдаю этим книгам».

Позднее Рут говорил: «Я пришел к выводу... что мы должны извлечь уроки из опыта колониальной политики других стран, особенно Великобритании, и применить их в специфической ситуации, вытекающей из коренных принципов нашей государственной системы». На деле «специфическая ситуация» рождалась сильной оппозицией антиимпериалистов и других кругов созданию американской колониальной империи.

Сильное и длительное сопротивление филиппинского народа, явившееся сюрпризом для американских завоевателей, еще больше осложнило и без того нелегкую задачу скрыть от общественного мнения факт создания колониальной системы. Немало хлопот американским колониальным политикам доставляли разногласия между военным и гражданским ведомствами в правительстве. Когда комиссия Шермана была отправлена на Филиппины, она была подвластна и подотчетна госдепартаменту, возглавляемому Хэем. Но когда филиппинцы начали освободительную войну, возросло значение военного ведомства, армейские власти на Филиппинах получили значительный перевес и филиппинские дела перешли в ведение военного министерства. Комиссия Тафта в апреле 1900 года получила свои инструкции от военного министерства (они были составлены Руттом), ему же комиссия адресовала свои отчеты. Вопрос о том, как строить систему управления в колонии, всплыл снова в 1901 году, когда необходимость покончить с сопротивлением филиппинцев и успокоить оппозицию в США сделала насущным перенос центра тяжести на гражданские органы власти.

Маккилли тогда пришел к выводу, что управление делами на Филиппинах следует передать государственному департаменту, при котором для этой цели должно быть

создано колониальное бюро, с перспективой организации впоследствии особого министерства колоний. 22 июля 1901 года, за два месяца до своей гибели, Маккинли обратился к Хэю с указанием осуществить соответствующую реорганизацию. Он даже подобрал человека на пост главы будущего бюро — Чарлза Аллена, который был тогда губернатором Пуэрто-Рико.

Рут со своей стороны высказывал аналогичное мнение в письме Хэю от 4 сентября 1901 года: «Я полагаю, что с точки зрения терминологии и по существу дела управление островами должно быть изъято из ведения военного министерства, как только это окажется практически возможным, и чем раньше, тем лучше... Я надеюсь... что существующее сейчас неустойчивое равновесие вскоре будет преодолено и все дела перейдут по их назначению под контроль гражданских чиновников. Это приблизит нас в наибольшей степени к организации министерства по делам колоний».

Когда, однако, в сентябре пост президента занял Теодор Рузвельт, он отложил все эти планы. Причиной было продолжающееся вооруженное сопротивление филиппинцев и необходимость подавить его военной силой. Рузвельт полагал, что передача административных функций государственному департаменту обострит разногласия между военными и гражданскими властями на Филиппинах, которые не переставали враждовать между собой¹⁴. Рут все еще занимал свой пост, когда выработывался Органический закон, и он внес существенный вклад в формулирование его статей.

Отказ от намерения создать министерство колоний может быть объяснен и рядом других факторов. Гавайи, на которых фактически хозяйничали американские плантаторы и судовладельцы, получили в 1900 году статус «территории», находившейся под управлением министерства внутренних дел, что создавало юридические основания для превращения их впоследствии в штат США; тем самым уменьшилось число американских владений, которые могли классифицироваться как колонии. Далее, развитие международных отношений в Азии, создавшее угрозу вооруженного столкновения держав в борьбе за территории и сферы влияния, превратило Филиппины в стратегически важный объект; это стало особенно ясно, когда Япония в русско-японской войне 1904—1905 годов

продемонстрировала свой агрессивный потенциал, что весьма встревожило Рузвельта. Стратегические соображения требовали поэтому сохранить Филиппины под управлением военного министерства. Не меньшее значение для отказа от идеи создания особого министерства колоний имела деятельность антиколониалистов и их союзников: если бы такое министерство было создано, противники колониализма получили бы удобную мишень для своих нападков. Само слово «колония» исчезло из официальной фразеологии. Филиппины стали именоваться либо «зависимой территорией», либо «островным владением», так же как Гуам, Уэйк, Самоа, Мидуэй и другие острова Тихого океана, управление которыми осуществлял военно-морской флот США. Целые поколения американцев выросли, так и не зная, что за фасадом администрации «по делам островов» скрываются колонии — Филиппины и Пуэрто-Рико.

Скрытие всех функций колониального управления в стенах Бюро по делам островов — наилучшее свидетельство того, насколько пришлось приравливать колониальную политику к требованиям антиколониалистов.

4. Макартур против Тафта, или военный империалист против штатского

В то время как в США делались попытки модифицировать неприкрытый империализм, выразившийся в захвате азиатской колонии, параллельно с этим на самих Филиппинах шла борьба по вопросу о методах колониальной политики. На поверхности это выглядело как спор о том, какая власть является верховной — военная или гражданская. Но по существу, речь шла о различных подходах к эксплуатации филиппинского рынка и к организации отношений с филиппинским населением.

В апреле 1900 года на острова была послана вторая Филиппинская комиссия во главе с Вильямом Говардом Тафтом. Маккинли в своем послании конгрессу от 5 декабря 1899 года указывал, что целью комиссии является лишь «помочь местным властям» в организации административного аппарата на территории, «захваченной и контролируемой нашими войсками». Комиссия была гражданской, и ее деятельность, как и деятельность комиссии Шермана, была ограничена указанием, что, «пока

продолжается восстание, должно сохраняться главенство военного командования».

В инструкциях, полученных Тафтом, прямо говорилось, что переход власти от военной администрации к гражданским органам будет происходить постепенно и в течение длительного времени.

Получив полномочия на организацию гражданских органов управления, Тафт был обязан следовать образцу уже имевшейся структуры местных муниципальных* и провинциальных органов, созданных американскими военными властями. Однако наиболее важная роль, возложенная на комиссию Тафта, состояла в том, чтобы осуществлять начиная с 1 сентября 1900 года функции законодательного органа и издавать законы, указы и правила, регулирующие налогообложение, бюджетные поступления и ассигнования, контроль за расходованием государственных средств, организацию школьного дела (уже начатую армией), судебскую систему, административную службу — иными словами, создать эффективную систему колониального управления¹⁵.

В тот период по замыслу американского правительства комиссия должна была служить органом, способным разрешать такие насущные проблемы, которыми правительство не хотело заниматься само, опасаясь критики. Полномочия комиссии Тафта, как это и было задумано, позволяли действовать в обход американского конгресса, где обсуждение законопроектов по колониальному управлению вызвало бы ожесточенные нападки на политику империализма, что могло серьезно отразиться на результатах президентских выборов 1900 года. Наделив комиссию достаточными полномочиями (при условии, что ее действия будут подлежать впоследствии утверждению конгрессом), можно было рассчитывать провести необходимую для колониальных властей законодательную работу, а у американского избирателя создать впечатление стабильности и прогресса на Филиппинах.

В сложившихся условиях комиссия Тафта должна была действовать как придаток и прикрытие военных операций. Поначалу Тафт не хотел принимать на себя

* *Муниципалитетом* на Филиппинах именуется территориальная административная единица, промежуточная между низшей — селом, и высшей — провинцией.

руководство комиссией, если она не будет иметь достаточно-го объема власти. Тогда по совету Генри Айда, введенного в состав комиссии, чтобы заниматься финансовыми вопросами, Тафт добился для себя права полного контроля над бюджетом колонии, определения объема ее доходов и расходов¹⁶. На это Рут согласился. Одновременно он назначил преемником генерала Отиса на пост военного губернатора генерала Артура Макарттура, пустого и тщеславного человека. Последний принял командование 1 мая 1900 года.

В инструкциях Тафту подчеркивалось, что для успеха его миссии «будет необходимо идеальное сотрудничество между гражданскими и военными властями на островах». Но сразу же после прибытия комиссии между нею и армейским командованием начались острые столкновения, которые затянулись на многие годы.

Отчасти причиной этого был характер генерала Макарттура — сторонника неприкрытого агрессивного империализма. Наглый и привыкший опираться на силу, он держался более властно, чем Отис, который считал себя лишь офицером, выполняющим приказ. Убеденный империалист, Макарттур видел себя проконсулом новой американской империи. Он разделял взгляды самых ярких экспансионистов.

Позднее, в 1902 году, выступая перед сенатской комиссией, обсуждавшей детали новых, более грандиозных империалистических планов, Макарттур пророчествовал, что «...внешние рынки вскоре станут для США жизненной необходимостью. Америка не сможет обойтись без них, если бы и захотела. Ей придется даже воевать за них, если она не сможет приобрести их иным путем.

Выводы из этого таковы: держава, владеющая Филиппинскими островами, неизбежно будет тем самым осуществлять потенциальное и активное воздействие на ситуацию в Азии. Архипелаг предоставляет нам идеальную стратегическую позицию. Он служит опорным пунктом как для решающего политического и экономического влияния, так и для военной гегемонии на Востоке».

Макартур проявил слабое понимание того, как могли бы Филиппины развиваться в качестве колонии и как ими следовало управлять. Он утверждал, что «сильно привязался» к филиппинскому народу — это звучало так,

как хозяева говорят о своих домашних слугах. «Когда филиппинский народ, — говорил Макартур, — осознает, какое светлое будущее сулит ему объединение с нашей великой республикой, и когда он поймет, что ему выпала почетная роль распространять по всей Азии не только американские товары, но также республиканский строй и принципы личной свободы, тогда на филиппинцев можно будет положиться как на приверженцев наших воодушевляющих идей и союзников в грядущих завоеваниях американского флага — символа свободы во всем мире»¹⁷.

Но до тех пор, пока все это станет реальностью, придется, как откровенно заявлял Макартур, лет девять управлять филиппинцами с помощью штыков¹⁸.

Именно это Макартур и делал на протяжении десяти лет, начиная с 1 мая 1900 года и по 1 июля 1910 года, пока он занимал пост военного губернатора на Филиппинах. В этот период зверства американских солдат стали распространенным и заурядным явлением, хотя в условиях строгой армейской дисциплины Макартур мог это полностью пресечь. Но он был не исключением, а вполне типичным представителем американского высшего офицерства. Расизм и жестокое насилие пронизывали действия американской армии на Филиппинах в большей мере, чем это обычно имело место в армиях империалистических держав.

Неприкрытое расовое предубеждение было в порядке вещей; как офицеры, так и солдаты презрительно называли филиппинцев кличками «гугус» или «ниггер». В Маниле, например, «кочеро» (извозчики) столь часто подвергались избиениям; ругани и обсчитыванию со стороны американских солдат, что предпочитали обходить их стороной и возить только филиппинцев, хотя получали при этом меньшую плату¹⁹.

Комиссия Тафта, прибыв на Филиппины, обнаружила полное отсутствие контакта американского командования даже с богатыми метисами, которые были не прочь сотрудничать с американскими властями. Особенно неприкрыто дискриминировали филиппинцев жены американских офицеров. Жена одного из руководителей комиссии Тафта писала: «Расовая проблема является одним из жизненных вопросов на Филиппинах. В армейских кругах общение с туземцами считается, как правило, недо-

пустимым. Моя приятельница, жена высокопоставленного военного, узнав, что я собираюсь нанести визит своим знакомым из местного населения, с сочувствием сказала мне: «Как мне жаль всех вас, кто работает в комиссии. Благодарение богу, у военных нет никаких светских обязанностей по отношению к туземцам»²⁰.

Про рядовых солдат, которые вступали в связь с филиппинскими женщинами, говорили «связался с туземками» и считали их пропащими людьми. В одном из официальных документов говорилось, что «влияние местных женщин на белых солдат неблагоприятно вне зависимости от того, насколько условной или прочной является их связь. Почти никогда американец не может поднять туземную женщину до своего уровня... Он просто деградирует сам...»²¹.

Такое отношение к филиппинцам со стороны военных упорно держалось на протяжении всего времени американского правления. Бывшие солдаты и офицеры, оставшиеся на архипелаге в качестве бизнесменов или колониальных чиновников, жили в замкнутой среде и тщательнее оберегали от посторонних свои организации, например «Ветераны армии на Филиппинах» и особо замкнутый «Военный орден Карабао»*. На ежегодных встречах участников этой последней организации распевались расистские песни и произносились оскорбительные речи в адрес филиппинцев и тех американцев, которые выступали за предоставление больших прав филиппинскому народу. В 1913 году, после избрания Вудро Вильсона президентом США, на очередном праздестве членов «Военного ордена Карабао» лились такие потоки ругани, что сам Вильсон был вынужден в одной из своих речей пожуричь тех «офицеров армии и флота, которые считают остроумным высмеивать вышестоящих начальников и выражать неуважение к политике правительства»²².

Военная форма правления и перенесение центра тяжести на покорение архипелага вооруженной силой сильно повредили конечной цели завоевания колонии — ее экономической эксплуатации. Следуя буквально по пятам армий, страну наводнила масса предпринимателей, образовавших кишачую толпу бизнесменов, деятельность ко-

* «Карабао» — филиппинское название водяного буйвола, который водится в ряде стран Южной Азии.

торых ограничивалась узкой сферой обслуживания нужд оккупационной армии. В стране воцарилась атмосфера стремления побыстрее урвать жирный кусок. Доходы торговцев достигали 20 процентов на капитал и даже более.

В конгрессе сенаторы Беверидж и Лодж расписывали перспективы широкой торговли на Филиппинах, а на деле торговля шла преимущественно пивом и другими спиртными напитками. В результате американские солдаты предстали пьяницами в глазах филиппинцев, жизненным правилом которых была умеренность. Только за первые одиннадцать месяцев американской оккупации ввоз спиртного увеличился в четыре раза. В 1900 году в одной Маниле с разрешения армейских властей было открыто более 400 салунов (баров).²³ О газете «Манила таймс», ведущем органе американской печати в столице Филиппин, в конце 1900 года было сказано: «Основные рекламные объявления в ней относятся к торговле спиртными напитками, которая стала ведущей отраслью на островах с тех пор, как сюда прибыли войска дяди Сэма»²³. (Такое положение вещей, между прочим, вынудило ряд видных членов Национального женского христианского союза трезвости и Национального союза борьбы против питейных заведений присоединиться к антимперялистическому движению и включиться в борьбу против хозяйничанья военных властей на Филиппинских островах.)

Поскольку основным занятием американских дельцов на Филиппинах была выгодная продажа товаров персоналу американской армии, насчитывавшей в период между 1899 и 1902 годами около 70 тысяч человек, это привело не только к тесному контакту между предпринимателями и военной администрацией, но и к распространению среди дельцов такой же открытой дискриминации местного населения, какая была свойственна офицерам. В результате такого необычного экономического союза обосновавшиеся на Филиппинах бизнесмены были яростно антифилиппински настроены и упорно боролись за сохранение системы военного управления и большой оккупационной армии, которая была источником их доходов. Комиссия Тафта и перспектива образования гражданского управления были встречены ими с нескрываемой враждебностью.

Презрение к филиппинцам практически отрезало путь к выявлению или развитию покупательной способности местного населения. Такое положение вещей оставалось неизменным долгое время и после того, как военное управление сменилось гражданским. В течение многих лет предприниматели с тоской вспоминали об этих годах власти военщины как о «временах империи». До 1909 года ежегодная продажа американских товаров на Филиппинах не превышала в среднем 200 долларов на каждого американца, проживавшего на архипелаге. Как заметил один внимательный наблюдатель, «анализ перечня американских товаров, ввезенных на острова за это время, показывает, что основная их часть предназначалась для американцев. Они доставлялись в Манилу только для удовлетворения тех привычек и потребностей, которые сохраняли американские потребители»²⁴. Такое положение плохо согласовывалось с пропагандой, утверждавшей, что американская экономика остро нуждается во внешних рынках.

Американцы, поселившиеся на Филиппинах, с опасением ожидали прибытия комиссии Тафта. Ее приезд сразу же вызвал раздоры среди них. Генерал Макартур, который только что начал осуществление карательной политики и не допускал мысли о каком-либо ограничении своей власти, стал жаловаться, что полномочия, полученные Тафтом, являются «противоречащим конституции вмешательством в прерогативы военного командования на островах». Макартур считал, что прибытие комиссии «нарушило порядок». Он протестовал против передачи какой-либо из своих функций гражданским властям и обратился к военному министерству с требованием ограничить права комиссии назначать чиновников. Макартур отказывался выслушивать мнения или рекомендации штатских по вопросам, которые он считал относящимися к военной сфере. Находящиеся на Филиппинах американские дельцы почти единодушно поддерживали его.

Дельцы опасались, во-первых, что прибытие гражданской комиссии может привести к сокращению численности войск. Кроме того, их беспокоили данные Тафту указания по созданию администрации и гражданского чиновничьего аппарата, укомплектованного филиппинцами. Как только комиссия начала функционировать в качестве законодательного органа, одним из первых ее шагов было

принятие Закона о государственной службе. Он вызвал крайнее недовольство местных американцев: многие из них, прибыв сюда в качестве солдат, рассчитывали после демобилизации остаться на архипелаге, чтобы стать колониальными чиновниками.

В одном из своих выступлений Тафт пренебрежительно назвал филиппинцев «нашими маленькими коричневыми братьями». В ответ издававшаяся в Маниле американская газета «Санди сан» напечатала стихи, которые стали очень популярны, так как хорошо выражали настроение американцев²⁵:

Я всего лишь простой солдат,
служу на проклятых Филиппинах.
Говорят, здесь живут мои коричневые братья,
но я не пойму, о ком идет речь?
Слово «братство» я ценю,
но и границы его знаю.
Вплываю Тафту филиппинец, может быть, брат,
но мне он даже не друг.

Тафт и члены его комиссии вступили в конфликт с военной администрацией Макарура, но они не были, конечно, антиколониалистами и не собирались противодействовать империалистическим планам на Филиппинах. Оба — и Макарут и Тафт — служили интересам экспансии США, различие между их позициями относилось не к пониманию стратегических задач, а к выбору тактики и к оценке ситуации. Тафт был выходцем из высшего общества²⁶, он был сыном военного министра в правительстве президента Гранта, ему покровительствовал сенатор от штата Огайо Джозеф Форекер²⁷, один из самых ярых империалистов в рядах республиканской партии. Брат Вильяма Тафта Чарлз был богатым адвокатом, связанным с корпорацией Моргана²⁸, и он наряду с другими членами семьи немало содействовал продвижению Вильяма на высокие правительственные посты. В 1890 году, при президенте Гаррисоне, В. Тафт стал заместителем министра юстиции.

И при Гаррисоне и при Маккилли Тафт прославился своей ожесточенной ненавистью к рабочему классу. Во время упорной Пульмановской забастовки 1894 года он заявлял: «Положение в Чикаго весьма тревожное и опас-

ное, оно не улучшится, пока не будет пролито побольше крови»²⁹.

На Филиппинах Тафт считал своей задачей расчистить путь крупным монополиям для капиталовложений в железные дороги, коммунальные услуги, сахарные плантации, добычу ископаемых, строительные работы, а также содействовать крупнейшим экспортерам текстиля и других товаров. Рекомендации его комиссии (и тех комиссий, которые последовали за нею) сводились по преимуществу к призыву принять такие законы об отчуждении земли и о регистрации предприятий, которые бы максимально удовлетворяли интересы монополистических групп. Уже став военным министром, а затем президентом, Тафт все продолжал настаивать на изменении Органического закона в этом направлении. Будучи президентом, Тафт ввел в обиход выражение «дипломатия доллара» — так он именовал свою внешнюю политику, призванную возобновить интенсивное проникновение в Азию.

И остальные члены комиссии Тафта были все как один консерваторами. Вторым лицом в комиссии был Дин Вустер — единственный член комиссии Шермана, сохранивший свой пост, так как он сумел показать себя умелым защитником империалистических интересов. Вустер возглавил департамент внутренних дел в колониальной администрации, в его ведении были отчуждение государственных земель, утверждение горнорудных заявок, выдача разрешений на вырубку леса и эксплуатацию других природных ресурсов. Вустер прослужил на высоких постах в колониальном аппарате до 1913 года, дольше, чем любой другой американский чиновник. Но, продвинувшись высоко по служебной лестнице, он так и не был назначен генерал-губернатором, так как было известно, что филиппинцы ненавидят его за расизм и высокомерие. Другими членами комиссии были: Люк Райт, служивший во время Гражданской войны офицером армии конфедератов, а позднее — судьей в штате Теннесси; Генри Айд, экономист из штата Вермонт, имевший опыт колониальной службы в должности судьи на принадлежащих Америке островах Самоа; Бернард Мозес, ректор Калифорнийского университета, который был введен в состав комиссии как известный знаток испанских колоний в Латинской Америке и автор книги «Колониальные системы различных держав».

Среди членов комиссии Тафта не было таких разногласий, какие имели место в комиссии Шермана. Все они беспрекословно подчинились неограниченной власти Тафта и ни разу не возразили против какого-либо решения, сколь бы реакционно оно ни было.

Инструкции, полученные Тафтом, ставили перед ним в качестве главной задачи сделать комиссию магнитом для привлечения филиппинцев к сотрудничеству, в то время как армия будет наносить им сокрушительные удары. Он быстро увидел основные просчеты военных властей. Это проявилось даже в том, как он был встречен. «Не могу передать вам, — писал Тафт, — как холодно встретили нас офицеры и солдаты, даже холоднее, чем мы были встречены населением»³⁰. Он сразу понял, что Макартур и его военная администрация не способны дипломатически подойти к отношениям с филиппинскими лидерами и группировками. «Армия, — писал В. Тафт своему брату Чарльзу через девять дней после прибытия в Манилу, — это неизбежное зло, но она не сможет стать орудием организации хорошо налаженного управления». Руту Тафт сообщил, что Макартур «считает весь народ враждебным американской армии и полагает своей целью покорить восемь миллионов упрямых, лживых и коварных туземцев... Не сомневаюсь, что он хороший солдат, но в области государственной или политической деятельности его опыт и его способности равны нулю»³¹.

Раздоры между военными и гражданскими властями на протяжении многих месяцев сильно затрудняли работу комиссии. Та и другая сторона слали жалобы военному министру, взывая о защите ее прав. Рут сначала колебался и долго обдумывал, как разделить их функции, но в конце концов решил поддержать Тафта.

Однако, по сути дела, роль тех и других властей мало различалась, они дополняли друг друга. Вероятно, это лучше всего иллюстрируется тем, как комиссия функционировала в качестве законодательного органа. Первый принятый ею закон предусматривал ассигнование двух миллионов песо (то есть одного миллиона долларов) на дорожное строительство; в тексте закона, составленного Тафтом, это ассигнование расписывалось как «направленное на общественное благо» — так обычно рекламировал и расхваливал Тафт свою деятельность³². Макартур был откровеннее Тафта в объяснении задач этой меры,

будто бы «направленной на общественное благо». Генерал сказал: «Ассигнованный миллион долларов принесет попутно значительную пользу Филиппинам, по основному его назначение — содействовать нашим военным целям»³³.

Так же прямолинейно высказался Макартур в отношении открытия школ и создания системы просвещения, которую комиссия Тафта именовала «самым мощным средством для материального, социального и морального прогресса филиппинцев»³⁴. Макартур напрямик писал: «Ассигнование средств на школьное дело следует одобрить прежде всего и исключительно как меру, содействующую военным операциям и рассчитанную на то, чтобы умножить население и обеспечить восстановление спокойствия по всему архипелагу»³⁵.

Осуществляя порученную ему задачу «привлечения» филиппинцев, Тафт показал себя хитрым политиком, способным довести дело до конца. С виду он был любезен и дружелюбен: поддерживал личное знакомство с филиппинскими лидерами, танцевал с их женами на балах, приглашал к себе домой — к ужасу офицеров и бизнесменов. Но он делал свое дело с холодным расчетом. Его выступления по вопросу о Филиппинах могут показаться противоречивыми: в одних случаях он высказывает симпатию филиппинцам, в других — осуждение. Но это легко объясняется тем, что он говорил по-разному в зависимости от того, где выступал — на Филиппинах или в Соединенных Штатах. Его гибкое поведение на Филиппинах умело прикрывало истинные цели колониальной политики.

Тафт критиковал Макартура, считая его препятствием на пути «организации хорошо налаженного гражданского управления»³⁶, по своему другу в Соединенных Штатах Джону Харлану он писал, что мысль о способности филиппинцев к самоуправлению «ни на чем не основана»; филиппинцы, писал он, «просто большие дети», которых надо еще воспитывать «лет пятьдесят или сто», прежде чем они смогут сами управлять своей страной. Образованные филиппинцы, по его словам, «бойки на язык», но о проблемах своей страны и путях их решения не имеют никакого понятия³⁷. С министром Руту Тафт поделился своим убеждением, что филиппинцы — «огромная толпа невежественных суеверных людей, добродушных, легко-

мысленных, скромных, но временами жестоких»; они легко попали под влияние небольшого слоя образованных соотечественников, имеющих «лишь поверхностное представление об общих принципах свободного государственного устройства», но «любящих показать себя» знатоками в этой области. Они, по мнению Тафта, «как правило, лишены моральных устоев и податливы, за редким исключением, на материальные приманки; из таких типов трудно сделать честных чиновников»³⁸.

Придерживаясь такой точки зрения, Тафт продолжал, однако, разрабатывать законы, предусматривающие предоставление чиновничьих постов именно той категории филиппинцев, о которых он писал Руту, с расчетом убедить их прекратить сопротивление американским завоевателям; это были законы о государственной службе (принят 19 сентября 1900 года), о муниципальных и провинциальных административных органах (31 января и 6 февраля 1901 года).

Что касается филиппинцев, составлявших «редкое исключение» и не поддававшихся на подкуп, то Тафт, имея их в виду, просил Руту «распорядиться построить тюрьму на острове Гуам, куда можно будет отправлять тех, кто заслуживает меньшего наказания, чем повешение. (Среди отправленных на Гуам был и захваченный в плен Аполинарио Мабини.) Подавление повстанцев послужит на благо не только Соединенным Штатам, но и филиппинскому народу. Мягкие меры, применявшиеся на протяжении двух лет, следует заменить на более строгие»³⁹. Тафт одобрил суровый приказ генерала Макартюра от 10 декабря 1900 года, объявлявший партизан уголовными преступниками, к которым законы войны неприемлемы.

Комиссия Тафта одобряла самые беспощадные меры против тех, кто продолжал сопротивляться американскому господству. Нововведением была лишь политика «кнута и пряника»: к насильственному подавлению было добавлено обещание выгод от сотрудничества с властями. Закон Спунера от 2 марта 1901 года, по которому руководство делами на Филиппинах перешло от Маккинли как верховного главнокомандующего к тому же Маккинли как президенту страны и главе исполнительной власти, тем самым создал основу для перехода на Филиппинах от военного управления к гражданскому. Это было соверше-

но 4 июля 1901 года, когда Тафт занял пост генерал-губернатора (обиженный Макартур в тот же день отбыл в США).

В основе критического отношения Тафта к военному управлению и политике грубого насилия лежало глубокое убеждение, что в конечном счете американскому империализму невыгоден подход, который унижает филиппинцев и порождает среди них неистребимую враждебность. Находясь на посту генерал-губернатора с 4 июля 1901 года по 23 декабря 1903 года, Тафт неутомимо старался привлечь филиппинцев к сотрудничеству с властями, чтобы содействовать превращению архипелага в рынок для американских товаров.

Чтобы помочь делу, Тафт провозгласил лозунг «Филиппины — для филиппинцев», который понравился населению, но вызвал нападки местных американских бизнесменов на генерал-губернатора. Выступая с речью в манильском «Юнион ридинг колледж» 17 декабря 1903 года, Тафт возразил своим критикам, сформулировав основные принципы торговой и инвестиционной политики, отвечающей потребностям длительного владения колонией.

По мнению Тафта, чтобы надлежащим образом развить филиппинский рынок, сочетая при этом «честь и выгоду», необходимо иметь в виду следующее:

«Американская торговля на архипелаге, если она ограничивается удовлетворением спроса местных американцев на товары и продукты, может рассчитывать не более чем на двадцать тысяч потребителей, не считая находящихся здесь солдат. Если же создать и развить соответствующий спрос у филиппинского населения, то число потребителей возрастет до семи с половиной миллионов. В этом единственная надежда, единственно возможный источник развития предпринимательства и торговли, в полном смысле этого слова, для Соединенных Штатов и их коммерсантов. Развитие материального благосостояния и просвещения филиппинцев по необходимости создаст у них потребность в таких товарах, которые сейчас, пока они бедны, считаются роскошью, но станут предметом первой необходимости, когда они будут богаче и образованнее. Осуществление принципа «Филиппины — для филиппинцев», то есть содействие материальному, духовному и интеллектуальному развитию народа этих остро-

вов, — единственный курс, который может создать среди местного населения рынок для американских товаров и продуктов, что позволит нашим торговцам и промышленникам извлекать выгоду из отношений между США и Филиппинами.

Тафт затем в подробностях объяснил, как он понимает принцип «Филиппины — для филиппинцев».

«Означает ли эта доктрина отказ от содействия американскому предпринимательству, вложениям капитала на архипелаге? Нет, ни в коем случае. Из всего, что американцы могут принести сюда, включая систему просвещения и свободного государственного строя, ничто так не будет содействовать прогрессу и цивилизации филиппинского народа, как вложение американского капитала в интересах экономического развития островов. Экономическое развитие служит основой для цивилизации.

Указанная доктрина не предусматривает необходимым образом предоставления филиппинцам независимости или высокой степени автономии. Эта доктрина вполне совместима с принципом отказа от немедленного расширения народного самоуправления, ибо народ не подготовлен к слишком быстрому продвижению в этом направлении, и оно не может поэтому принести ему пользы».

Тафт уверял, что, когда американская политика «сделает торговые связи между обеими странами прочными и взаимно выгодными, филиппинцы с благодарностью оценят свой союз с метрополией и сами не захотят разрыва этих связей»⁴⁰.

Сформулированную им политическую линию Тафт продолжал отстаивать перед деловыми кругами и после того, как он вернулся в США, чтобы занять пост военного министра. Выступая в Торговой палате штата Нью-Йорк 21 апреля 1904 года, он уверял, что «семь миллионов филиппинских христиан» жаждут приобщиться к «американскому образу жизни, американскому спорту, американским модам, американским обычаям», а это создает огромный спрос на текстильные товары, «но, к сожалению, на островах нет американских торговых домов, которые занялись бы завоеванием филиппинского рынка»⁴¹.

За время от сентября 1898 года до мая 1904 года на Филиппинах было зарегистрировано более пяти тысяч акционерных фирм и индивидуальных предпринимателей,

но к концу этого периода в связи с постепенным выводом американских войск по мере успехов «умиротворения» осталось не более одной пятой этого числа, причем крупные фирмы можно было пересчитать по пальцам⁴². Тафт стремился изменить положение.

Задача была нелегкой. Даже после формального перехода от военного к гражданскому управлению продолжались интенсивные партизанские действия и операции по их подавлению оставляли за армией господствующее положение. Она пользовалась этим, чтобы при каждом удобном случае дискредитировать гражданскую администрацию и ее руководителей. Губернатор провинции Таябас (на о-ве Лусон) американец Корнелиус Гарденер, назначенный на этот пост Тафтом, в своем годовом отчете от 16 декабря 1901 года так описывал поведение армии США:

«Армия, то есть большинство ее офицеров и солдат, относится глубоко враждебно к провинциальным и муниципальным органам власти в нашей провинции и вообще к гражданскому управлению на архипелаге... Они открыто заявляют, что власть должна принадлежать армии по крайней мере еще двадцать лет...

Войска повсеместно сжигают села и опустошают все кругом, чтобы повстанцам некуда было деться, применяют к туземцам так называемое «лечение водой» и другие пытки, чтобы добыть информацию, и вообще обращаются с туземцами жестоко; неопытные младшие офицеры, только что назначенные командирами гарнизонов, не различают друзей и недругов, каждого туземца они считают скрытым повстанцем. Все это быстро разрушает благоприятную обстановку, созданную усилиями губернатора, проводившего курс Тафта на привлечение симпатий населения. Вместо этого укореняется глубокая ненависть к нам»⁴³.

Оказалось нелегко совладать также и с противодействием местных американских деловых кругов. В конце 1903 года Тафта сменил на посту генерал-губернатора Люк Райт, состоявший до этого членом тафтовской комиссии. Райт, этот типичный южанин, воевавший на стороне рабовладельцев-конфедератов, был куда менее Тафта склонен любезничать с филиппинцами. С самого начала своего правления он принял сторону американских предпринимателей. В речи при вступлении в должность, про-

изнесенной 1 февраля 1904 года, Райт напрямик заявил, что благополучие колонии зависит от поведения самого филиппинского народа, а не от американцев. «Американцы прибыли на эти острова, — сказал он, — чтобы строить железные дороги и другие общественно полезные сооружения, чтобы заниматься сельским хозяйством и промышленностью. Это может лишь принести большие блага филиппинскому народу. На этих прекрасных и плодородных островах есть место для всех. Следует широко открыть двери и предоставить равные возможности всем — европейцам, американцам и филиппинцам»⁴⁴.

Райт демонстративно отбросил лозунг Тафта «Филиппины — для филиппинцев», заменив его упором на «равные возможности», что в условиях того времени ставило филиппинцев в крайне невыгодное положение. Это хорошо понимали как филиппинские, так и американские предприниматели. Возложив на состоятельных филиппинцев тяжелое налоговое бремя, Райт вызвал враждебность даже у тех, кто был готов охотно сотрудничать с колониальными властями. В конце концов Райта пришлось убрать, потому что отношения администрации с филиппинским населением стали неуклонно ухудшаться.

Тафт, замыслив политику привлечения населения, исходил из тонкого понимания отношений между разными классами филиппинцев, их надежд, их уязвимых мест. Чтобы обеспечить себе прочное сотрудничество с состоятельными слоями населения, которые в страхе перед освободительным движением собственного народа с первых же дней проявили готовность к сговору с американцами, Тафт подтолкнул их на создание политической партии — партии федералистов, программа которой призывала к превращению Филиппин в штат США. Тафт пошел на грубый обман, подогревая у федералистов убеждение, будто бы американское правительство и впрямь готово превратить свою колонию в штат.

Привлечь к сотрудничеству помещиков, спекулянтов недвижимостью, ростовщиков и плутократов было легким делом. Тафт же нацеливался прежде всего на средние слои землевладельцев и образованных людей, на те недовольные социальные круги, которые во времена испанского господства вели кампанию за реформы, а затем возглавили Филиппинскую Республику и ее правительство. Под властью Испании они требовали для себя доходные долж-

ности в провинциальном административном аппарате. Тафт, Рут и другие деятели, планировавшие американскую политику, предложили расширить доступ этим слоям к административным постам: предоставить им должности муниципальных «президентов», губернаторов провинций и членов провинциальных административных советов, чиновников центрального гражданского аппарата, а затем и депутатов колониального законодательного органа. Под властью Испании подобные должности были филиппинцам недоступны. Под американским колониальным господством их положение улучшилось хотя бы в том отношении, что они получили доступ к таким должностям.

Важным фактором успеха политики «привлечения» была готовность определенных средних социальных слоев филиппинцев пойти на капитуляцию, чтобы получить все эти скромные преимущества. Это включало полный отказ от аграрной революции, за которую воевали крестьяне, и сотрудничество с американскими империалистами в деле подавления народного революционного движения в будущем. Поведение филиппинской социальной верхушки, как ее зажиточной, так и средней прослойки, иллюстрирует явление, повсеместно сопровождающее империалистическое завоевание: сотрудничество местных эксплуататорских кругов с господствующей иноземной силой.

В Органическом законе 1902 года было указано, что через два года после проведения и опубликования переписи населения состоятся выборы в Филиппинскую ассамблею. Перепись провели в 1903 году и опубликовали в 1905 году. Назначенным на 1907 год выборам в Ассамблею угрожало, однако, отсрочка, поскольку в провинциях, окружающих Манилу, продолжало шириться восстание, поднятое молодым революционером Макарио Сакаем. Некоторые бывшие руководящие деятели филиппинской революции, выходцы из средних социальных слоев, мечтавшие получить место в Ассамблее, помогли убедить сложить оружие как Сакая, так и его сподвижников, с которыми власти обошлись предательски^{* 45}. Такова была цена, которую требовали заплатить Тафт и его приемники.

* Макарио Сакаю обещали сохранить жизнь и свободу, но он был казнен.

Созданная Тафтом на Филиппинах система гражданского управления все же означала существенное изменение методов по сравнению с военной администрацией. Политика привлечения к сотрудничеству сама по себе отличалась от предъявлявшихся военными требований полной капитуляции и абсолютного повиновения. Открытие Ассамблей было, во всяком случае, уступкой, означавшей первый шаг на пути к некоей форме автономии. Тафт понимал необходимость такой показной уступки и беззастенчиво пользовался обманом в своих отношениях с филиппинцами (лозунг «Филиппины — для филиппинцев» был лишь умной, но лживой пропагандистской уловкой). Как империалист консервативного склада, он стремился всю политическую деятельность филиппинцев подчинить высокоцентрализованному американскому контролю. Однако в Соединенных Штатах антиколониалисты и умеренные империалисты добились расширения политики, начатой Тафтом. Они настояли, в частности, на увеличении в три раза числа депутатов Филиппинской ассамблеи. Привлечение населения к сотрудничеству, столь необходимое, чтобы покончить с сопротивлением филиппинцев, пришлось со временем расширять.

Необходимость вынудила Тафта добиваться облегчения доступа на американский рынок продукции филиппинских землевладельцев. Тафт требовал принятия таких законов об отчуждении казенных земель, которые бы способствовали привлечению инвестиций американских плантаторов. Но не только забота об интересах этих инвесторов побуждала его настойчиво добиваться снижения хотя бы до 75 процентов таможенных тарифов для товаров с Филиппин. Он руководствовался политическими соображениями: пойти навстречу богатым помещикам, составлявшим костяк партии федералистов, на сотрудничестве с которой основывался колониальный режим. Имелись и экономические соображения: расходы колониальной администрации в значительной мере покрывались за счет установленного ею налога на землю⁴⁶, поэтому от процветания филиппинских землевладельцев зависела возможность финансового самообеспечения колонии.

В общем и целом Тафт старался обеспечить долгосрочные торговые и инвестиционные интересы империализма, преследовавшего агрессивные экспансионистские цели. Если бы его рекомендации были полностью реали-

зованы, Филиппины превратились бы в колонию традиционного типа с преобладанием плантационного хозяйства и горнодобывающей промышленности. Свою политику «привлечения» Тафт рассматривал как путь к этой цели. Но столкновение противоречивых сил в Соединенных Штатах наложило ограничения на экономическую эксплуатацию колоний и способствовало их движению к автономии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Разочарование в Азии. От «открытых дверей» к «сторожевому посту»

1. Китайский рынок. Заманчивая цель и острая конкуренция

На протяжении десяти лет, что прошли между принятием филиппинского Органического закона в 1902 году и поражением республиканской партии на президентских выборах 1912 года, американская империалистическая политика на Филиппинах, как и во всей Азии, испытывала затруднения в связи с внутренними и внешними проблемами, порожденными развитием самой Америки. Проблемы стратегии на всем Тихом океане влияли на заморские капиталовложения и торговлю, в то время как внутриамериканская экономическая и политическая жизнь переживала век перестроек и сдвигов.

В это десятилетие капиталовложения и торговля развивались в целом весьма ускоренными темпами по пути экспансии. Вложения за границей (включая Канаду) выросли с 684,5 миллиона долларов в 1897 году до 3,5 миллиарда долларов в 1914 году, а экспорт увеличился приблизительно с 1 миллиарда долларов в 1900 году до 2,3 миллиарда долларов в 1914 году. Между тем приток капиталов в Азию оставался на сравнительно низком уровне. Только на Кубе и соседних островах прямые и портфельные вложения в размере 336,3 миллиона долларов в 1914 году в полтора раза превышали вложения во всей Азии (245 миллионов долларов), почти половина из которых приходилась на займы, предоставленные Японии¹. Основная часть потока капиталов устремлялась в те районы мира, где Соединенные Штаты обладали в тот момент большим влиянием (например, Канада и Латин-

ская Америка, что объясняется их географической близостью), или же в те области, которые не приходилось вооруженным путем отвоевывать у других империалистических держав (Европа перед первой мировой войной). В Азии не было этой благоприятной ситуации для американских интересов, и поэтому Филиппины превратились в далекий аванпост, подчас становившийся обузой.

На протяжении этих лет управление филиппинской колонией оставалось в руках военной оккупационной администрации и лиц, назначенных Маккинли. Их владычество было незыблемым, пока республиканская партия находилась у власти в Вашингтоне. Тафт, поднявшийся в декабре 1903 года от поста губернатора островов до поста военного министра, в новом качестве главы министерства продолжал непосредственно руководить филиппинскими делами. Он не оставлял их своим вниманием и из высокого президентского кресла, которое он занял после выборов 1908 года. Один из членов комиссии Тафта — Люк Райт, наследовавший Тафту на посту генерал-губернатора, направлял политику в отношении Филиппин, став в 1908—1909 годах военным министром в кабинете Тафта.

На самих Филиппинах пост гражданского губернатора перешел от Райта к Генри Айду, другому бывшему члену комиссии Тафта первого состава, а затем — к Камерону Форбсу, миллионеру из Бостона, которому покровительствовавший сенатор Лодж. Форбс был назначен в комиссию, чтобы заменить уехавшего Тафта. Один из наиболее ярых империалистов в колониальной администрации, Дин Вустер, оставался на важнейшем посту главы филиппинского департамента внутренних дел с 1901 по 1913 год. Пользуясь Органическим законом, а иногда и обходя его, такие люди пытались любыми способами превратить Филиппины в целиком и полностью колониальное владение традиционного типа. Однако подобным правителям приходилось считаться с реальным положением вещей в Азии, равно как и с сопротивлением, которое оказывали им в самой Америке представители местных интересов и сторонники реформ.

В более широком плане следует отметить, что Соединенные Штаты столкнулись с серьезными трудностями, пытаясь овладеть китайским рынком, который и состав-

лял главную цель для тех, кто настаивал на захвате Филиппин.

Фабриканты и экспортеры хлопчатобумажных изделий — неперемный авангард империалистических авантюров той эпохи — рвались к рынкам Северного Китая и Маньчжурии (тогда как британские текстильные интересы преобладали в Южном Китае и в долине Янцзы). Монополисты Гарриман, владелец железнодорожной линии «Юнион Пасифик», и Хплл, собственник магистрали «Норзерс Пасифик», имели преобладающее влияние в морских грузовых перевозках из портов штатов Орегон и Вашингтон; они же играли главную роль в кампании по расширению торговли в Китае. Впоследствии Гарримана привлекли возможности вложить капиталы в железные дороги Маньчжурии и Северного Китая. Дж. П. Морган, завладевший сталелитейной промышленностью путем финансирования гигантского стального треста «Юнайтед Стейтс стил корпорейши», имел много оснований, чтобы заинтересоваться китайскими железными дорогами: за доходами от поставок строительных материалов, рельсов, локомотивов и вагонов и процентами от предоставленных займов следовали прибыли от фрахта.

Американские консульские представители в Северном Китае (в Пекине и Мукдене), прокладывая пути американскому капиталу, стремились связать борьбу за эти рынки с захватом Филиппин. Один из них, Чарльз Дэнби, адвокат ряда американских железнодорожных компаний, выступавший за строительство дорог как средств экономического проникновения в Северный Китай, стал членом комиссии Шермана. Сменивший его в Пекине Конжер приветствовал захват Филиппин в связи с тем, что «вслед за овладением желанным портом и удобнейшей гаванью в Китае получение в постоянную собственность или владение Манилы и прилегающей к ней территории было бы для нас в высшей степени полезно для сохранения и поддержания того влияния и тех успехов в торговле, которые отмечают начинающуюся ныне новую эру в нашей стране», поскольку тем самым приобретает «удобный и необходимый опорный пункт, где можно и должно сосредоточить все силы американской торговли, капитала и опыта для грядущих экономических завоеваний»².

Вслед за Конжером, в 1906—1908 годах, генеральным консулом в Пекине стал Уиллард Стрейт, непосредствен-

ный агент Гарримана, позже сблизившийся с банками Куна и Леба, Моргана и др. Его позиция сводилась к тому, что американское влияние в Китае определяется размерами капиталовложений. Уиллард Стрейт был одним из наставников Тафта, приложившего много усилий, чтобы добиться выгодных концессий для американских капиталовложений в железные дороги, шахты и землю на Филиппинах. Став президентом, Тафт активно содействовал американским предприятиям по строительству железных дорог в Китае.

Американская азиатская ассоциация, возникшая в Соединенных Штатах в 1898 году, когда шла война с Испанией, поспешила открыть в Шанхае свое отделение как только состоялся захват Филиппин. Одним из ее ведущих представителей был Джон Барретт, бывший американский посланник в Сиаме, посетивший Филиппины еще до 1898 года «с целью глубоко изучить политическую и экономическую обстановку». Первого июня 1899 года Барретт выступил с таким обращением к нью-йоркской торговой палате: «Вам в восточных штатах — в Нью-Йорке, Бостоне, Балтиморе, Филадельфии и Новом Орлеане, — вам целиком достались Куба и Пуэрто-Рико. Мы — из Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Сан-Диего, Портланда, Такомы и Сиэтла — требуем, чтобы вы по крайней мере признали за нами некоторые права на Филиппины и Китай. Мы собираемся взять в свои руки огромный рынок, тянувшийся от Батавии и Бангкока до Пекина и Владивостока, охватывающий до пятисот миллионов жителей и до пятисот миллионов годового оборота»³.

Этим обширным планам вредило то, что Соединенные Штаты слишком поздно появились на азиатской арене как великая держава и имели слишком мало сил, чтобы сразу ухватить крупную долю в китайской добыче. В Северном Китае, где перспективы для американцев казались наиболее радужными, грозила из Сибири царская Россия, чьи претензии на нераздельную власть поддерживались крупной сухопутной армией. В 1890-х годах группа осознавших эту угрозу американских железнодорожных и иных предпринимателей во главе с Джеймсом Куком предложила Маккилли заключить с Россией дружеское соглашение по Китаю, направленное против Японии; оно должно было помочь американскому проникновению. Однако это не было сделано, в большой мере из-за

того, что Морган, давно связанный с британским капиталом, вложенным в американские железные дороги, не желал вступать в союз с соперниками Англии⁴. Между тем ряд империалистических блоков как раз складывался в эту эпоху на основе территориальных владений и военного присутствия в Азии. Англия начиная с договора 1894 года избрала Японию в качестве союзника по борьбе с проникновением России в Китай. Это было подтверждено ролью Англии в японо-китайской войне 1895 года (в результате которой Япония завладела Формозой). Англия тогда способствовала проникновению японцев в Маньчжурию и Северный Китай, рассчитывая на них как на заслон на путях продвижения России. Таким образом, Соединенные Штаты к 1898 году столкнулись на облюбованных ими китайских рынках с сильными соперниками — Россией и Японией.

В этих обстоятельствах Соединенные Штаты, хотя и смотрели на Филиппины как на необходимый инструмент распространения американского влияния, все же были вынуждены, как и прежде, проводить в Китае свою традиционную политику, вызванную недостатком сил, — путем дипломатических маневров добиваться для себя режима «наибольшего благоприятствования». Важнейшей составной частью этой политики был лозунг «открытых дверей».

В конце 1898 года лорд Чарлз Бересфорд, представлявший Ассоциацию торговых палат Великобритании, вновь подтвердил, что Англия поддерживает политику «открытых дверей» по отношению к Китаю, видя в этом средство не допустить полного территориального расчленения страны, что было бы концом свободной торговли. Во время своего визита в Соединенные Штаты в 1899 году Бересфорд выступил с предложением англо-американо-германского союза для поддержки этих усилий. Главной целью союза была борьба с русским проникновением в Китай, которое финансировалось преимущественно французскими банкирами. Впрочем, Великобритания затем утратилась от формальных действий в пользу «открытия дверей», сознавая, что ее участие в этом вряд ли поможет делу, а скорее, вызовет подозрение у других великих держав.

Прозвучавший в начале 1898 года призыв Англии к Соединенным Штатам проявить инициативу в «открытии дверей» не дал прямых результатов. Однако, когда Филиппины прочно закрепились за Америкой, государ-

ственный секретарь США англофил Джон Хэй стал с большим интересом относиться к этой перспективе, принимая ее политическую выгоду. Подробности дипломатической игры между Англией и Америкой остаются скрытыми. Известен, однако, проект записки о проблеме «открытых дверей», которая была предназначена для рассылки заинтересованным державам. Ее составил в августе 1899 года некто Альфред Хиппсли, англичанин, прослуживший тридцать лет на императорской таможне в Китае. Рокхилл, помощник государственного секретаря Хэя, отредактировал ее с учетом американских интересов, и она была 6 сентября разослана как официальная нота США правительствам Великобритании, России, Германии, Японии, Франции и Италии.

Определенные круги американского бизнеса относились неодобрительно к идее «открытых дверей» в Азии. Выступления Эндрю Карнеги против захвата Филиппин отчасти объясняются его неверием в получение английской поддержки в этом вопросе. В пункте мирного договора с Испанией, открывавшем десятилетний (с 1909 года) период «открытых дверей» на Филиппинах и казавшемся явной уступкой Испании, Карнеги увидел победу Англии: «Благодаря нейтральной позиции Англии, и только благодаря ей, мы вообще сумели забрать Филиппины у Испании. В ином случае Франция, Германия и Россия ни за что не остались бы в стороне. Но за это президенту Маккинли пришлось заплатить тем, что от него потребовали, — «открытием дверей», отдающим торговлю в наших владениях в руки Англии»⁵.

В этом документе Хэй не предлагал нарушать сложившиеся «сферы влияния» различных держав в Китае, фактически их предлагалось признать. Суть состояла в предложении договориться, что существующие в Китае таможенные тарифы будут применяться ко всем товарам, ввозимым или вывозимым через порты, входящие в указанные «сферы влияния» (за исключением «свободных портов»), без различия их национальной принадлежности, с тем чтобы пошлина взималась китайскими властями (основной контроль над китайскими таможнями находился в это время в руках англичан). Далее предлагалось, чтобы соответствующие страны «не облагали заходящие в эти порты суда иных стран более высокими портовыми сборами по сравнению с их собственными.

Аналогично на железных дорогах, построенных, управляемых или эксплуатируемых в пределах «сферы» данной страны, не облагать товары, принадлежащие гражданам или подданным иной страны, при провозе через территорию данной «сферы» более высокими пошлинами, нежели товары представителей данной страны, транспортируемые на то же расстояние»⁶.

Прошло шесть долгих месяцев, прежде чем в марте 1900 года Хэй официально объявил, что его нота об «открытых дверях» была принята благосклонно. По сути дела, полная поддержка была получена лишь со стороны Англии. Япония, Германия, Франция и Италия заявили о своем одобрении лишь на условии согласия остальных. Россия заняла уклончивую позицию. Однако, поскольку прямых возражений не последовало, Соединенные Штаты пытались представить эту затею как успех своей дипломатии. На самом же деле никакого определенного соглашения достигнуто не было, и позиция России свела на нет шаткую договоренность, которая была достигнута с прочими державами.

Три месяца спустя, в июне 1900 года, стало ясно, что на путях территориального и экономического разграбления Китая встает еще одно непредвиденное препятствие — сам китайский народ. Вспыхнуло восстание ихэтуаней, направленное против иностранцев. Его кульминацией была осада дипломатических миссий в Пекине. Американские коммерсанты в Северном Китае потребовали защиты от ихэтуаней, и президент Рузвельт немедленно откликнулся приказом послать в Китай американские части с Филиппин. Они первыми прибыли туда, раньше всех прочих иностранных контингентов, посланных для совместных действий в Пекине. Это обстоятельство тогда обыгрывалось как аргумент в пользу ценности филиппинской базы в Азии.

Исход ихэтуаньского восстания между тем рассеял надежды Вашингтона на расширение влияния в Китае. Событиями воспользовалась Россия и ввела в Северный Китай значительные силы, укрепив в этом районе свой контроль. Позиции американцев никак не улучшились. Во время восстания ихэтуаней Хэй предпринял вторую попытку выступить с нотой об «открытии дверей», «чтобы сохранить для всего мира принцип равной и справедливой торговли со всеми частями китайской империи». Эта

инициатива не получила ничьей поддержки, кроме британской. Когда в 1901 году у китайского правительства была вырвана компенсация за ущерб, нанесенный иностранной собственности в ходе восстания, Соединенные Штаты заявили о готовности возратить причитающуюся им долю (7 процентов от суммы в 450 миллионов таэлей) в обмен на торговое соглашение. Оно было подписано в октябре 1903 года и имело основной целью добиться опорных пунктов для торговли в Мукдене и Аньдуне. Этому, однако, сумела помешать Россия, имевшая в том районе сильные позиции. Помимо торговых переговоров, Соединенные Штаты одновременно пытались получить доступ в три новых «свободных» или «договорных» порта на северо-восточном побережье Китая. Эти попытки также не увенчались успехом ввиду противодействия России, которая пошла на то, чтобы навязать Китаю соглашение, воспроизводящее учреждение в дальнейшем каких бы то ни было «договорных» портов.

Весьма серьезные затруднения встретил и другой шаг Вашингтона, характерный для политики США. В ноябре 1900 года Хэй секретным порядком попытался добиться получения военно-морской базы и концессий в районе залива Самсэ в южно-китайской провинции Фуцзянь. Это ему не удалось ввиду сопротивления Японии, которая еще раньше заявила о своих притязаниях на данный район. Этот эпизод, последовавший вскоре после рассылки нот об «открытии дверей», убедительнее, чем что-либо иное, продемонстрировал ущербность и неэффективность американской империалистической политики в Азии.

Это вновь подтвердилось при подписании Англо-японского договора от 30 января 1902 года. Договор последовал за неудачной попыткой Японии добиться от США специальных обязательств противодействовать распространению русского влияния в Маньчжурии. Новый договор наряду с призывами к сохранению территориальной целостности и независимости Китая констатировал признание сторонами особых интересов Англии в Китае, а Японии — в Китае и Корее. Согласно одному из главных его положений, в случае если одна из сторон оказывается в состоянии войны с каким-либо государством, другая сторона сохраняет нейтралитет. Если же одна из сторон оказывается в состоянии войны с двумя какими-либо державами, другая сторона вступает в войну как ее союзник.

В переводе на язык политических отношений того времени это означало, что, если Япония оказывается в состоянии войны с Россией, Англия сохраняет нейтралитет, однако если к России присоединяется Франция, то Англия выступит на стороне Японии. Когда с течением времени Германия выросла в мощную агрессивную морскую державу, Англия постаралась подтвердить свой договор с Японией — в 1905 и 1911 годах — с целью превратить Японию в прикрытие на своем азиатском фланге. Сама Англия наращивала в это время свои военно-морские силы в Европе для противоборства Германии.

Для Соединенных Штатов этот договор еще раз подтвердил ту горькую истину, что все надежды на влияние в Азии беспочвенны, если они не опираются на солидную военную силу. Англо-японский договор (подписанный как раз в то время, когда американский конгресс рассматривал Органический закон) охладил интерес в США к планам в отношении Филиппин.

Полный провал политики «открытых дверей» и развитие событий в Азии оказали сильнейшее влияние на наиболее агрессивно настроенных поборников американской экспансии на Тихом океане. Во-первых, уже само по себе стремление ограничиться политикой «открытых дверей» фактически оказалось уступкой требованию антиимпериалистов распространять американское влияние без прямых территориальных захватов. Во-вторых, стало более ясно, что захват Филиппин не стал вопреки надеждам средством открыть дорогу в Китай и что добиться этой цели можно лишь ценой гигантских военных и финансовых усилий, к которым Америка в этот период не была готова.

К этому времени стало также ясно, что расчеты сделать Манилу перевалочной базой для торговли со всей Азией оказались беспочвенными. Опыт показал, что стоимость фрахта ввиду расходов на хранение и перегрузку товаров увеличивается выше терпимых пределов. Иными словами, плавание от Манилы до Гонконга обходится во столько же, что и рейс от Сан-Франциско до Манилы. Член Филиппинской комиссии Тафта, проживший некоторое время на архипелаге, писал, что в этих расчетах столько же смысла, «сколько его было бы в идее представить Гавану «центром торговли», к которому тяготели бы соседствующие страны севера, а равно Южная Аме-

рика и побережье Европы... С чего взяли, что товары для Азии, приходящие из Америки, Европы или откуда угодно, будут перегружаться в Маниле, чтобы оттуда самым обычным путем двигаться на материк, объяснить невозможно, каковы бы ни были ваши представления о путях развития современной торговли и морского транспорта»⁷.

Разразившаяся в 1904 году русско-японская война породила новые течения в беспокойных азиатских водах. Японию подтолкнул к вступлению в конфликт Англо-японский договор 1902 года, а теперь она получила дополнительную поддержку от США. В глазах правительства Рузвельта, обуреваемого помыслами о расширении американского влияния в Северном Китае, Россия представлялась главной опасностью. Поэтому американские банкиры поощряли финансировать совместно с английскими банками военные расходы Японии (французские банки традиционно помогали России). Тем самым Соединенные Штаты получали возможность оказывать определенное влияние на планы японцев. Ни Англия, ни США не желали, чтобы война привела к каким-либо решительным переменам, чтобы Япония заняла место России как хозяйка в этом районе. Поэтому их политика была направлена на превращение конфликта в изнуряющую, безысходную войну. А когда английские и американские банкиры отказались предоставлять далее помощь Японии, Рузвельт, исходя из интересов американских финансов, решил выступить в качестве посредника при подписании мирного договора.

Между тем военные успехи Японии вызвали последствия, которые для Рузвельта и его советников были кое в чем неожиданными, — они распалили империалистические аппетиты Японии и возбудили в этой стране сильные антизападные, особенно антиамериканские, настроения. В Соединенных Штатах заговорили о «желтой опасности», имея в виду, что после победы над Россией Япония может захватить Филиппины. Проживающие на Гавайях японцы (а в 1900 году они составляли там 39,7 процента населения, и превращение островов в территорию США вызвало протест Японии) в 1905 году вели себя столь воинственно, что Рузвельт подумывал о посылке одного или двух полков в помощь губернатору Гавайев Роберту Картеру⁸. Опасались, что Япония строит планы в отношении как Филиппин, так и Гавайев. По некоторым сообщениям, Япония расценивала американские воен-

ные приготовления на Филиппинах как направленные против нее.

Эти опасения возникли без достаточных оснований. Неуверенность и сознание собственной слабости сопровождали все маневры американцев в Азии, и особенно на Филиппинах. Интересы Японии на самих Филиппинах были ничтожны. Некоторые попытки вложить капиталы в производство пеньки в Давао (на о-ве Минданао) начались лишь в 1904 году. К 1914 году их плантации едва давали полтора процента всего филиппинского производства пеньки. Японская экспансия развивалась главным образом в направлении Кореи и Маньчжурии. Более того, Япония сама переросла в крупнейший в Азии рынок для американских товаров и капиталовложений. В 1914 году из 235 миллионов долларов американских инвестиций в Азии примерно половина приходилась на Японию, преимущественно в форме займов, предоставленных в связи с русско-японской войной⁹.

Тем не менее еще до начала русско-японских мирных переговоров в августе 1905 года (проходивших в американском городе Портсмуте) Рузвельт 29 июля послал военного министра Тафта в Японию для консультаций с японским премьером и министром иностранных дел графом Кацурой по поводу обстановки в Азии. Тафт прибыл в Токио якобы по пути на Филиппины, куда он сопровождал комиссию конгресса. В ходе бесед с японскими политиками он задал вопрос о позиции Японии в отношении этой американской колонии. Суть высказанных мнений изложена в меморандуме, составленном японцами и одобренном Тафтом: «...коснувшись вопроса о тех прорусских настроенных лицах в Америке, которые пытаются внушить народу мнение, что победа Японии может стать прелюдией к ее нападению на Филиппинские острова, Тафт заявил, что, по его мнению, интересы Японии требуют, чтобы эти острова находились под управлением сильной и дружественной Японии державы, каковой являются Соединенные Штаты, а отнюдь не в том, чтобы они впали в анархию, оказавшись в руках туземцев, еще не созревших для самоуправления, или же попали в руки какой-либо из недружественных европейских держав. Граф Кацура самым решительным образом подтвердил правильность этих взглядов и заявил, что Япония не вынашивает никаких агрессивных планов в отношении Фи-

липпин, а также добавил, что все инсинуации насчет желтой опасности являются злобной и неуклюжей клеветой, затеянной в целях оскорбления достоинства Японии.

Тафт отметил, что, по его личному мнению, установление Японией вооруженным путем сюзеренитета над Кореей вплоть до требования, чтобы Корея не заключала никаких соглашений с иностранными государствами без согласия Японии, представляет собой логический результат войны и будет непосредственно способствовать установлению прочного мира на Востоке»¹⁰.

Результатом этих бесед было заключение секретного соглашения на уровне министров (даже американскому послу в Японии о нем не было известно). По сути дела, была достигнута договоренность о том, что Соединенные Штаты будут поддерживать установление японского протектората или господства в Корее в обмен на заверение со стороны Японии, что она не будет покушаться на американские позиции на Филиппинах. Когда в октябре 1905 года благодаря намекам, делавшимся японской стороной, это соглашение стало известным в Соединенных Штатах, оно было расценено как свидетельство участия Америки в захвате Кореи Японией, как отказ от политики «открытых дверей». Обе эти оценки неточны: распространение японского контроля на Корею шло уже на протяжении десятилетия, и война с Россией, шедшая частично на корейской территории, его упрочила. Что касается политики «открытых дверей», то она проводилась крайне безуспешно с самого начала. На самом же деле переговоры Тафта и Кацуры продемонстрировали неуверенность Америки в отношении своей позиции в Азии, особенно на Филиппинах.

Когда начались Портсмутские мирные переговоры, Соединенные Штаты никак не могли играть роль беспристрастного посредника, будучи к этому времени уже связанными секретным соглашением с Японией, поэтому они и поддерживали ее основные требования.

Между тем победа Японии сделала ее неизмеримо более мощной силой в Азии, стремительно превращающейся в основного соперника американским устремлениям в этом районе. Зародившиеся в ходе русско-японской войны опасения разрастались по мере того, как становилось

ясно, что Япония теперь такой же конкурент США в Северном Китае, как и Россия. С овладением Формозой Япония взяла в свои руки контроль над морскими путями в Китай, а также нависла угрозой над Филиппинами. Японские военно-морские силы, разгромив русский флот в Цусимском сражении, предстали грозным соперником, с которым еще не окрепший американский флот в Азии не надеялся сравняться.

Доброжелательные отношения, сложившиеся между США и Японией в условиях войны, расстроились, как только был заключен мирный договор. В Японии стали выражать недовольство Рузвельтом, который, будучи посредником при переговорах, помешал Японии добиться крупной контрибуции от России. Это входило частью в планы Рузвельта — не допустить решительного превосходства одной стороны над другой. Несомненно, что другой причиной антиамериканских настроений в Японии было недовольство тем, что США стремятся в новой ситуации извлечь выгоду из взаимного ослабления Японии и России и укрепить свои позиции в Маньчжурии и Северном Китае. Уже летом 1905 года Гарриман предпринял попытку захватить в свои руки финансирование Южно-Маньчжурской железной дороги.

Когда Портсмутский мирный договор сошел с повестки дня, Япония поспешила, заручившись займами от Англии, в ноябре 1905 года установить финансовый контроль над этой железной дорогой. В правительстве Рузвельта кое-кто носился с идеей продемонстрировать в Северном Китае военную силу, чтобы «защитить американских миссионеров и коммерсантов». Генерал Леонард Вуд в письме от 5 февраля 1906 года с Филиппин предлагал Рузвельту подобный шаг. «Я бы всячески приветствовал использование в определенных пределах туземных (филиппинских) войск; это более, чем что-либо иное, поможет сближению наших народов и будет лучшим знаком уважения, которое мы оказываем филиппинцам»¹¹. Этот план так и остался в секретных бумагах.

Между тем Гарриман не оставлял своих попыток. В 1907 году он заявил претензию на финансирование железной дороги Синьминдун — Факумын. В этот же период проходили переговоры о предоставлении Китаю большого займа на развитие промышленности и проведение денежной реформы, в которых принимал участие банк

Куп и Леб. Япония реагировала на это возобновленном разговорах насчет своих интересов на Филиппинах. Это было сделано, например, в виде тонкого намека Тафту, посетившему Японию в сентябре 1907 года (возвращаясь с церемонии открытия Филиппинской ассамблеи): граф Хагаси задал ему вопрос, правдивы ли слухи, что Соединенные Штаты якобы готовы продать Филиппины. В июле 1907 года генерал Франклин Белл прислал с Филиппин Рузвельту встревоженное письмо, в котором говорилось, что некий японский дипломат сообщил о планах Японии захватить Филиппины, Гавайи, Аляску и Тихоокеанское побережье США¹².

Раздражение японцев было подогрево резолюцией, которую принял Совет по делам просвещения в Сан-Франциско, — учредить отдельные сегрегированные школы для японских, китайских и корейских детей. Их определяли туда же, куда и детей «с дурными наклонностями, а также детей, страдающих заразными и инфекционными заболеваниями»¹³.

Каковы были результаты всех этих маневров и контрманевров, легче всего увидеть на примере самого президента Рузвельта, в прошлом яркого империалиста, ответственного в очень большой степени за захват Филиппин. Теперь он пришел к убеждению, что Соединенные Штаты не только не добились надежной опоры в Азии, но фактически забралась на сук, который Япония без труда может подрубить. Рузвельт даже связался с командованием Тихоокеанского флота США, предупреждая о возможности японского нападения. 21 августа 1907 года, накануне отъезда Тафта на открытие Филиппинской ассамблеи, Рузвельт писал ему:

«Филиппины — это наша ахиллесова пята. Только из-за них нынешняя ситуация с Японией оказалась угрожающей. Как мне кажется, пужно как-нибудь образом и в тех выражениях, которые вы найдете подходящими, объявить филиппинцам, что если они будут разумно вести себя в своем законодательном собрании, то мы при первой возможности предоставим им почти полную независимость... Лично я был бы рад видеть эти острова независимыми при условии каких-либо международных гарантий по сохранению там порядка или же на том условии, что, если они сами порядок не сохранят, мы снова вмешаемся. Я говорю это, помимо прочего, потому,

что, по-моему, лучше нам ввязаться в самую затяжную войну, чем отдать их в неволю Японии или иной стране... В угаре испано-американской войны у нас все желали заполучить эти острова: казалось, что это очень ценное приобретение. Теперь же люди не видят в них никакой ценности»¹⁴.

Тафт не разделял этих довольно пессимистических взглядов и не последовал совету Рузвельта. Филиппинцам на открытии ассамблеи он нарисовал перспективу вечного американского владычества. Между тем Рузвельт, считая, что американский форпост в Азии находится под угрозой, предпринял шаги, чтобы добиться соглашения с Японией за счет определенных уступок японским интересам. По соглашению Рута — Такахира от 30 ноября 1908 года (Рут стал к этому времени государственным секретарем) было подтверждено сохранение статус-кво в Азии и высказано уважение к территориальным владениям каждой из сторон. Таким образом, Соединенные Штаты признавали за Японией ее преобладание в Корее и Южной Маньчжурии (что и составляло камень преткновения) взамен на заявление японского правительства (в очередной раз) об отсутствии у него притязаний на Филиппины. Это соглашение, как новое опровержение курса «открытых дверей», положило конец затеям Гарримана в Южной Маньчжурии.

Опасения, что Япония имеет виды на Филиппины, повлияли и на американский конгресс, который рассмотрел в этот период ряд проектов резолюций в пользу тех или иных шагов по нейтрализации островов. Их внесли в начале 1906 года представитель штата Массачусетс Маккол и представитель Техаса Барджесс, а также сенатор от штата Массачусетс Крейн. Резолюция Маккола (который прошел в конгресс при содействии Антиимпериалистической лиги) обсуждалась 6 апреля 1906 года. Движение за нейтрализацию было поддержано Лигой (Ирвинг Уинслоу, ее секретарь, был первым, кто поднял этот вопрос еще в 1904 году на Всемирном конгрессе мира¹⁵). Основным оратором при обсуждении был Мурфилд Стори.

Маккол предлагал следующее: «Поскольку наиболее частым доводом против независимости Филиппин являются опасения, что эти острова будут захвачены какой-либо иной страной, как только Соединенные Штаты уйдут от-

туда», следует устранить эту опасность путем «заключения соглашения между США и другими великими державами Европы и Азии... о нейтрализации Филиппинских островов и признании их независимости, как только таковая будет им предоставлена Соединенными Штатами»¹⁶.

Идея нейтрализации была поддержана Шерманом и значительной частью прессы. Вот одобрительное высказывание в журнале «Нейшн» от 18 января 1906 года: «Если бы президент Маккинли мог вернуться на землю, он поразился бы, как изменились настроения у публики. Он нашел бы многих партийных лидеров, которые в душе согласны отдать острова кому угодно, только бы не держать их у себя. Он подивился бы на некоторые империалистические газеты типа «Трибюн» в Миннеаполисе, которые уже махнули на все эти дела рукой».

Хотя соответствующие законопроекты не получили одобрения конгресса, вопрос о нейтрализации, как средство избежать неприятной перспективы воевать за Филиппины, продолжал подниматься и в консервативных, и в прогрессивных кругах. Консервативный журнал Джорджа Хэрви «Норс Америкэн рэвью», еще несколько лет назад рьяно подогревавший империалистические настроения, в сентябре 1907 года предоставил свои страницы для статьи в поддержку нейтрализации Филиппин, написанной Ирвингом Уинслоу. Газета «Джорнэл» в Миннеаполисе примерно в то же время высказывалась так: «Мы полагаем, что тот государственный деятель в Соединенных Штатах, который найдет для нашей страны путь избавиться от Филиппинских островов без ущерба для нашей чести и их прав, останется в памяти и тогда, когда забудутся все заслуги в войне с Испанией и в битвах с трестами». Далее высказывалось мнение, что избавление от колонии «уменьшит вдвое нашу уязвимость, ликвидировав беззащитный и ненужный аванпост»¹⁷. Продолжающееся давление в этом направлении заставило конгресс обсудить в 1911 году девять резолюций по нейтрализации архипелага¹⁸.

Популярность этой идеи была такова, что демократическая партия включала требование нейтрализации Филиппин по договоренности с другими странами в свою предвыборную программу и в 1908, и в 1912 годах, сделал это таким образом вопросом партийной политики.

Тем не менее, став в 1908 году президентом, Тафт взял курс на стимулирование американских капиталовложений за границей. Он полностью пересмотрел позицию Рузвельта и стал делать все возможное для повода проникновения американских капиталов в Китай. Дальневосточный отдел госдепартамента был поставлен под руководство Уилларда Стрейта, связанного с банками и железными дорогами. Последний со своего поста стал энергично добиваться доступа для американцев к финансированию железнодорожного строительства в Северной Маньчжурии, в Южном и Центральном Китае. В 1909 году к участию в этих предприятиях были привлечены банки Дж. П. Моргана, Куна и Леба, а также «Ферст Нейшнл сити бэнк и Нейшнл сити бэнк».

В Северной Маньчжурии проект постройки железной дороги лопнул 4 июля 1910 года, в тот день, когда Япония и Россия, обе с самого начала его не одобрявшие, пришли к соглашению о разделе Маньчжурии на сферы своего влияния. Британия и Франция, находя это благоприятным для своих целей в этом районе, заняли одобрительную позицию. Проект постройки железной дороги Ханькоу — Кантон — Чунцин в Южном и Центральном Китае также оказался невозможным реализовать. Стрейт стремился ввести американских банкиров в международный консорциум, составленный финансовыми группами Англии, Франции и Германии, которые предоставляли совместный заем на железнодорожное строительство.

Эта идея была принята весьма холодно, и Тафту пришлось пойти на исключительный шаг — оказать сильный нажим на китайского регента принца Чуя. Тафт настаивал на включении американцев в консорциум, угрожая не возратить 12 миллионов долларов, полученных от Китая в качестве возмещения за убытки в связи с восстанием ихэтуаней. Американцы были допущены в консорциум, после чего добились своего принятия туда также Япония и Россия.

Разбухший консорциум стал стремиться контролировать все финансовые соглашения Китая и в конце концов потерял из виду свои первоначальные цели. Когда он погряз в бесконечных переговорах, государственный секретарь правительства Тафта Филэндер Нокс стал убеждать американских банкиров вступить в новый консор-

циум и предложить Китаю расширенный заем на развитие Маньчжурии. Россия и Япония резко запротестовали, и американские финансовые круги, увидев угрозу борьбы, требующей использования всех ресурсов, перестали слушать увещевания правительства Тафта. К концу 1913 года, после попыток добиться участия Америки в международных консорциумах, на долю США приходилось лишь 7,3 миллиона долларов из 835 миллионов долларов, которыми измерялся долг Китая иностранным банкам¹⁹. Через несколько месяцев после избрания Вудро Вильсона на пост президента (1912 год) американские банкиры при его содействии полностью устранились из Китая и китайских консорциумов. После своего избрания Вильсон сделал также заявление по поводу политики в отношении Филиппин, созвучное надеждам антимпериалистов: «Любой наш шаг будет делаться в расчете на грядущую независимость островов и в направлении подготовки этой независимости»²⁰.

Результаты пятнадцатилетней бешеной погони империалистов за рынками Китая оказались весьма убогими. Американские инвестиции в Китае возросли с 19,7 миллионов долларов в 1902 году всего лишь до 49,3 миллиона долларов в 1914 году (английские капиталовложения за тот же период увеличились с 260,3 миллиона долларов до 607,5 миллиона долларов, а японские — с 1 миллиона долларов до 19,5 миллиона долларов)²¹. Американская торговля с Китаем объемом в 42,2 миллиона долларов в 1902 году²² возросла к 1914 году весьма незначительно. Что еще более показательно, американский экспорт в Азию в 1900 году составлял 4,8 процента всего вывоза, а в 1910 году он снизился в относительном выражении до 4,5 процента²³.

Причины провала американских империалистических сил при попытке развить свое наступление в Азии коренятся в двух специфических чертах. Во-первых, американские предприниматели проявили нежелание мобилизовать необходимый капитал для проникновения в Китай и завоевания тамошних рынков и сфер инвестиций в борьбе с иными империалистическими державами. Их больше привлекали районы, куда было легче проникнуть не столь явными колониалистскими средствами. Во-вторых, американское правительство и вся машина власти не были еще подготовлены к схваткам с мощными сопер-

никами в Азии для достижения своих империалистических целей.

Наиболее твердолобые поборники захватов в Азии теперь стали говорить, что полученную на Филиппинах базу можно будет использовать в будущем. Этот взгляд развивал в 1911 году Герберт Кроли: «Основное преимущество владения Филиппинами состоит в том, что они не дадут американскому народу забыть о своих интересах, когда грядущее развитие Японии и Китая поставит на повестку дня ряд серьезных проблем»²⁴.

Более здравые мысли содержатся в письме Рузвельта президенту Тафту по поводу его политики в отношении Китая (1910 год):

«Мы не должны, по-моему, вмешиваться там, где мы ничего не можем сделать. Например, если Япония возьмет в Маньчжурии курс, который нам не нравится, мы не сможем этому помешать, если не будем готовы пойти на войну. А победоносная война за Маньчжурию требует такого же флота, как у Англии, и такой же сухопутной армии, как у Германии. Политика «открытых дверей» была прекрасным начинанием и, я думаю, принесет пользу и в будущем, но только в тех случаях, когда она может быть гарантирована одними лишь дипломатическими соглашениями. Между тем, как показывает вся история Маньчжурии, равно при русских и при японцах политика «открытых дверей» терпит провал, как только одна из сильных держав начинает ее игнорировать и готова скорее пойти на риск войны, нежели изменить свои намерения»²⁵.

В общем и целом американская империалистическая политика этого периода в отношении Азии и Филиппин старалась приспособиться к этой реальности.

2. Военная проблема

Неподготовленность США к тому, чтобы играть существенную роль в азиатской политике при столкновении с такими партнерами, как Англия, Япония и Россия, хорошо видна на примере трудностей в военных делах на Филиппинах и вообще на Тихом океане.

Капитан Альфред Мэхэн, один из творцов американской морской стратегии на Тихом океане, рассматривал Филиппины как всего лишь одну из «удобных морских

стоянок в далеком уголке мира, куда военные корабли должны сопровождать караваны торговых судов с мирными грузами». В 1899 году, говоря о том, какой флот необходим растущей державе, Мэхэн отметил, что колонии, конечно, представляют «одно из лучших средств поддержания морской мощи страны». Однако «у Соединенных Штатов таких колоний нет и не предвидится». Поэтому имело смысл говорить «только о простых морских стоянках»²⁶.

Военно-морской комитет, образованный незадолго до испано-американской войны (в него входили Мэхэн, Моптгомери Сикэрд и Эрент Кроуниншилд), рекомендовал создать цепочку морских баз, тянущуюся от Атлантического побережья США через предполагающийся канал на Панамском перешейке к Гавайям и Гуаму (захваченному у Испании через 10 дней после битвы в манильской бухте) и далее к Маниле, вплоть до какого-либо пункта вблизи побережья Китая (предположительно одного из островов группы Чжоушань)²⁷.

Когда вышлывались эти планы, творцы американской политики еще не отдавали себе отчета в тех проблемах, которые их ждут в Азии. По мере того как разгорались дебаты по поводу аннексии Филиппин, сложилось мнение, что полное владение островами необходимо для того, чтобы обеспечить существование военно-морской базы и оборудованного порта. Это был тот предел, до которого простирались замыслы Военно-морского комитета. Неудачная попытка Хэя добиться базы в заливе Самсе на побережье Китая в ноябре 1900 года была последним гаснущим усилием реализовать идею цепочки морских баз. Наконец в 1902 году Англо-японский договор, определивший соотношение сил в Азии, показал Соединенным Штатам, что добиться преобладания или хотя бы равной с другими позиции в Азии без тяжелой борьбы не удастся. А для этого необходимо иметь сильный флот и мощные укрепления на Филиппинах.

На протяжении более чем десятилетия дебаты по поводу тихоокеанской стратегии переходили из одной крайности в другую. Одно время всерьез начали говорить о необходимости создавать сильный флот с опорой на филиппинскую базу. Строились планы создания флота на двух океанах — Тихом и Атлантическом. Для их осуществления президент Рузвельт добился от конгресса в

1902 году разрешения на приобретение всех прав и собственности французской компании, с 1881 года проводившей работы по строительству Панамского канала (это обошлось в 50 миллионов долларов, вдвое дороже, чем компенсация, выплаченная за Филиппины). Американцы начали работы на канале в 1904 году. Но прошло целых десять лет, прежде чем он был построен и смог служить связующим звеном для двух частей американского флота. Характерно, что Панамский канал, как и Филиппины, управлялся военным министром, чем подчеркивалось подчинение колониальных владений глобальным стратегическим задачам.

Работы на строительстве канала только начинались, когда стратегам пришлось принимать серьезные решения. Главным фактором новой обстановки оказалась русско-японская война 1904—1905 годов. Она не только продемонстрировала внушительную силу японского флота как возможного грозного соперника, но и некоторыми своими особенностями доказала неосуществимость планов постройки на Филиппинах мощной военно-морской базы. Такой урок можно было извлечь из судьбы Порт-Артура, которым русские хотели воспользоваться как основной морской базой в Азии, удаленной от главных баз флота в Европейской России. Японцы, действуя со своих расположенных поблизости баз, сумели успешно блокировать его и затем захватить. Кроме этого, русский флот, посланный для его освобождения, прибыл в азиатские воды ослабевшим, не имеющим необходимых припасов и был полностью разбит. Для американских морских стратегов русский опыт показал ошибочность попыток держать отдельные флоты, неспособные каждый самостоятельно сопротивляться сильному противнику. Также стала ясной ненадежность морской базы, которая, как и Филиппины, столь удалена от основных баз.

В то же самое время, в первое десятилетие века, для Америки стала назреть другая опасность — в связи с быстрым наращиванием в Атлантике мощного германского флота. Американские стратеги разделяли опасения Англии по поводу германской угрозы на море. С точки зрения американских заморских капиталовложений и торговли атлантический бассейн имел самое решающее значение, поскольку наибольшая часть американских капиталов и товаров направлялась в Европу, Латинскую

Америку и Канаду. Охрана всех этих путей должна была входить в стратегическую задачу Атлантического флота, базирующегося на стоянках на восточном побережье и на новой стоянке Гуантанамо на Кубе. Раздавались голоса в пользу постройки флота, способного решать все задачи и на Тихом океане и в Атлантике, но при сложившейся системе капиталовложений и торговли такие затраты казались чрезмерными.

В 1910 году распределение американского частного капитала, вложенного за границей, было следующим: при общей сумме в 2 миллиарда долларов 1,5 миллиарда долларов приходилось на Канаду и Центральную Америку, 175 миллионов долларов — на Южную Америку, 200 миллионов долларов — на Европу и 10 миллионов долларов — на Ближний Восток. На все прочие районы, включая Дальний Восток, приходилось всего 50 миллионов долларов. Распределение экспорта: Европа — 65,1 процента, Канада и Центральная Америка — 22,1 процента, Южная Америка — 5,3 процента, Азия — 3,5 процента, Океания — 3 процента, Африка — 1 процент²⁸.

В 1906 году после окончания русско-японской войны военно-морское министерство США в сотрудничестве с Объединенным комитетом армии и флота приняло тем не менее решение иметь единый флот, все корабли которого должны были находиться в водах Атлантики. Тем самым контроль над западной частью Тихого океана отдавался в руки японского флота.

В связи с этим решением планы строительства базы на Филиппинах основывались на идее создания мощной крепости. В решениях 1906 года была поставлена цель укрепить базу на Филиппинах настолько, чтобы она могла выдержать в случае войны осаду на протяжении 90 дней, то есть в течение времени, необходимого для переброски американского флота из Атлантического океана в Тихий на помощь Филиппинам (хотя сооружение Панамского канала должно было уменьшить это время вдвое, планы не были изменены).

Яростные дебаты разгорелись по поводу характера сооружений на филиппинской базе и ее местоположения. Эта проблема весьма волновала военных с самого момента их появления на Филиппинах, показывая, что простота теории Мэхэна была обманчивой. Как только сообщение о победе Дьюи над испанским флотом достигло

Вашингтона, Военно-морской комитет стал настаивать на укреплении Манильской бухты. Сам Дьюи способствовал строительству фортификаций у бухты Субик, примерно в 50 милях от Манилы, в том месте, где испанцы собирались строить опорный пункт для своего флота. Новый Генеральный комитет по военно-морским делам, учрежденный 30 марта 1900 года и имевший задачей составлять рекомендации по программе строительства морских баз, предпринял в апреле подробный анализ обстановки, в результате чего было выдвинуто еще одно предложение. На этот раз для строительства намечался островок Гимарас. Он отделен проливом от порта Илоило на о-ве Панай в центральной части Висайского архипелага. Дело в том, что эксперты сочли, что и в Манильской бухте и в заливе Субик американский флот легко может быть заперт в ловушку.

Эксперты Генерального комитета были единодушны в своем решении в июне 1900 года относительно выбора острова Гимарас. Тем не менее было сочтено необходимым поручить специально созданной комиссии под началом контр-адмирала Джорджа Римп, командующего Азиатской эскадрой, еще раз рассмотреть этот вопрос. В отчете, представленном в январе 1901 года, Римп вернулся в своем выборе к бухте Субик, с тем что все береговые сооружения следует разместить близ Олонгапо. Именно такую рекомендацию и направило военно-морское министерство конгрессу, испрашивая ассигнования в размере миллиона долларов, чтобы начать строительство. Были разработаны обширные планы постройки мощной базы Субик, включающей укрепления, верфи, сухие доки, мастерские, склады на 200 тысяч тонн угля, железнодорожную ветку до Манилы и морской госпиталь. Конгресс, однако, отказал, потребовав дополнительно изучить вопрос, и не придав значения настойчивым предупреждениям, которые делал Римп, что Япония начинает обращать свои взоры на юг.

Неустойчивость политики в отношении Филиппин усугублялась борьбой между сторонниками и противниками экспансии внутри самих Соединенных Штатов, особенно обострившейся к моменту принятия Органического закона в 1902 году. Под его влиянием конгресс отказал в выделении средств на строительство базы Субик и в 1902 и 1903 годах. В декабре 1903 года Объединен-

ный комитет армии и флота предупреждал: «Беззаботность или медлительность в этом вопросе могут привести к настоящей национальной катастрофе».

Разразившаяся русско-японская война вызвала некоторое оживление в этих делах. Хотя флот требовал финансировать 5—7-летнюю программу строительства, стоимость которого была урезана до 10 миллионов долларов, конгресс в 1904 году дал согласие всего лишь на сумму в 862 тысячи долларов, чтобы начать работу в Субике. Кроме того, армии было выделено 700 тысяч долларов на строительство береговых оборонительных сооружений. Хотя представители флота оказывали постоянное давление и адмирал Дьюи выступал в комиссиях конгресса с настойчивыми призывами, в 1905 году было выделено всего 100 тысяч долларов, в 1906 году — 207 тысяч долларов и в 1907 году — 500 тысяч долларов. Надо заметить, что это были годы обострения отношений с Японией и активизации американских попыток проникнуть в Китай.

Из выделенных средств лишь малая часть была действительно использована на строительство базы. Снова разгорелся спор о пригодности бухты Субик для этих целей. На Филиппинах генерал Леонард Вуд выступил 1 июня 1904 года против планов размещения базы в бухте Субик. Он вновь привел аргументы относительно того, что слабый обороняющийся флот будет заперт на базе, а содержать там большие силы Соединенные Штаты еще долго не смогут. Вуда поддержал командующий Филиппинской эскадрой контр-адмирал Уильям Фолжер. Военное министерство пыталось прекратить споры, предложив разделить ассигнованные средства между Манилой и Субиком. Эти раздоры привели к такой затяжке строительства, что в самый кризисный момент отношений США и Японии, в 1907—1908 годах, на филиппинской морской базе склады могли принять всего 3 тысячи тонн угля. Никакого оборудования для ремонта кораблей не имелось. 14 июня Рузвельт запросил у военного министерства планы на случай войны с Японией. В августе Генеральный комитет по военно-морским делам откровенно признал, что Японии ничто не препятствует захватить Филиппины²⁹. Именно тогда Рузвельт написал Тафту письмо, в котором именовал Филиппины «ахиллесовой пятой» Соединенных Штатов.

По мере обострения отношений с Японией волнским частям и флоту на Филиппинах был отдан секретный приказ сосредоточиться в бухте Субик и перебросить туда из Манилы имеющееся снаряжение. В этой ситуации генерал Вуд и генерал-майор Белл снова выступили с резкой критикой такого плана. Они утверждали, что защищать бухту Субик невозможно, что база может быть захвачена по суше с тыла. Вуд ссылаясь на опыт Порт-Артура, который был взят японцами именно таким образом. По его мнению, потребуется не менее 125 тысяч человек, чтобы оборонять крайне уязвимые позиции на периметре протяженностью 36 миль. Линия укреплений проходит по гористой местности, она в три раза длиннее, чем соответствующие рубежи Порт-Артура, более удобные для обороны. Манила же, по его мнению, требует для прикрытия всего лишь 20 тысяч человек, размещаемых на 15-мильной линии обороны (к этому моменту в Маниле находилось 14 тысяч солдат). Манила, утверждал Вуд, — это экономический и политический центр Филиппин, и было бы логично защищать именно его. Правда, Вуд был настроен скептически относительно возможности держать долговую оборону. Для этого потребуется заминировать вход в бухту, укрепить расположенные в ней острова Коррехидор, Карабао и Эль Фрайле, разместить суда на стоянках в Сэнгли Пойнт (провинция Кавите), на южном побережье бухты (впоследствии, когда подробные военные планы были реализованы, это стало причиной серьезных нарушений в развитии экономики филиппинской колонии, поскольку способствовало стягиванию торговли и промышленности в Манилу).

«Осуществляя эту подготовку, — заявил Вуд, — следует помнить, что самым главным является наличие сильного Тихоокеанского флота, базирующегося на островах. Если мы не получим превосходства на море или не согласимся держать очень большие силы на островах, мы их неизбежно потеряем. Морская база без соответствующего флота ничего не стоит»³⁰.

В ноябре 1907 года группа экспертов военного министерства прибыла на Филиппины, чтобы ознакомиться с ситуацией. Ее отчет от 27 ноября поддерживал точку зрения Вуда. С тех пор вплоть до второй мировой войны Сэнгли Пойнт стал основной военно-морской базой на Филиппинах, а база в бухте Субик — вспомогательной.

Относительная уязвимость положения Филиппин привела к весьма далеко идущему решению: отменить план строительства крупной ремонтной базы на островах. После подтверждения оценок Вуда 31 января 1908 года Объединенный комитет разработал планы сооружения главного опорного пункта для большого Тихоокеанского флота США в Пёрл-Харборе на Гавайских островах. Рузвельт обратился к конгрессу за ассигнованиями на строительство гавайской базы в феврале 1908 года. В мае было отпущено 900 тысяч долларов, а девять месяцев спустя — еще 900 тысяч долларов. Это наложило отпечаток на всю стратегию США на Тихом океане вплоть до второй мировой войны. Успех японского нападения на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года показал всю уязвимость и этой базы.

Рузвельт, который в 1904 году писал: «Если мы собираемся иметь хоть какое-то влияние в Восточной Азии, где наша страна надеется найти рынки, то важнее всего для нас — военно-морская база в бухте Субик», в 1908 году назвал колебания в военной политике «унизительными»³¹.

Низведение Филиппин до положения сторожевого поста на задворках Азии совпало с угасанием тех надежд на перспективы торговли и капиталовложений, которые питали американскую колониалистскую политику в Азии. Отсутствие готовности пойти на крупный экономический риск в Азии определило нежелание сооружать дорогостоящую крепость на Филиппинах. В плане американской империалистической экспансии Филиппины перешли на положение выдвинутого вперед форпоста, сохраняемого до тех пор, пока не начнется долгожданное новое наступление.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Проблемы торговли и капиталовложений на Филиппинах

1. Текстиль, пенька и морские перевозки

Осуществляя экспансию на Тихом океане, Соединенные Штаты встретились с определенными трудностями, которые отразились и в их колониальной политике на Филиппинах уже после того, как эта политика нашла свое выражение в Органическом законе 1902 года. Колониальная администрация получила теперь полномочия регистрировать предприятия, утверждать горнорудные заявки, продавать и сдавать в аренду государственные земли, что позволяло Тафту и его ближайшим преемникам выступить в роли биржевых маклеров, раздувающих ажиотаж вокруг сомнительного спекулятивного проекта, чтобы привлечь колеблющихся клиентов.

Как в области торговли, так и капиталовложений Филиппины оказались источником постоянных тяжелых забот. Мало того что американский капитал был стеснен ограничениями, наложенными на эксплуатацию Филиппин, он еще и встретился в своей собственной колонии с конкуренцией других держав. Иностранные фирмы, обосновавшиеся еще при испанском господстве, эффективно контролировали импортную и экспортную торговлю, причув филиппинцев покупать зарубежные товары. Единственная на архипелаге железная дорога Мапила — Дагупан принадлежала англичанам и управлялась ими, они же осуществляли на своих кораблях основную часть морских перевозок. Пенька, этот филиппинский продукт, более всего интересовавший в то время американских промышленников, скупалась преимущественно британскими торговыми фирмами и поступала на кабатно-веревоч-

ные фабрики восточного побережья США кружным путем, через Англию. К тому же статья 4 Парижского договора обязывала Соединенные Штаты (на что не раз жаловался Эндрю Карнеги) в течение десяти лет, то есть до 1909 года, «допускать испанские корабли и товары в порты Филиппинских островов на тех же условиях, что корабли и товары Соединенных Штатов». Этот пункт договора считался образцом политики «открытых дверей», но он мешал принятию законодательных протекционистских мер, защищающих американские интересы, из чего извлекали выгоду все другие страны.

Американские торговцы-расисты подвергали дискриминации филиппинцев и тем самым еще больше затруднили себе завоевание местного рынка, когда он наконец начал формироваться. В то же время иностранные дельцы других национальностей установили сравнительно хорошие отношения с филиппинскими покупателями. Как признавал Тафт, английские, немецкие, испанские и швейцарские предприниматели никогда не обижали и не оскорбляли филиппинцев, как это было свойственно американцам. Более того, многие из этих предпринимателей платили налоги правительству Филиппинской Республики и представителям революционных вооруженных сил, когда они вели войну против Америки, и филиппинцы этого не забыли.

Как американский капитал пытался выйти из создавшегося положения, лучше всего можно показать на примере торговли текстилем. Девять десятых текстиля — главного предмета филиппинского импорта — поступало с английских фабрик и шло через руки английских торговцев¹. По таможенному закону, изданному Филиппинской комиссией в 1901 году, пришлось в соответствии с Парижским мирным договором установить равные пошлины для всех торговцев независимо от их национальности. В этих условиях американским производителям текстиля было невозможно вытеснить прочно укоренившиеся на Филиппинах британские фирмы. «В обстановке честной конкуренции с иностранцами американцы оказались бессильны забрать в свои руки торговлю с Филиппинами», — писал один известный британский наблюдатель в 1904 году².

Американские промышленники и экспортеры начали требовать для себя торговых преференций на Филиппинах.

Обычно с этой целью прибегали к хитроумной формулировке тарифных законов, позволявшей обойти ограничения, наложенные Парижским договором. Полковник Кларенс Эдвардс — глава Бюро по делам островов при военном министерстве США — признавал: «Хотя открыто нигде не говорится о таможенных преимуществах для американских товаров, тарифные правила составлены так, чтобы предоставить выгоду американцам»³. Производители консервов сумели на этом нажиться, но с текстилем дело по-прежнему не двигалось. 3 марта 1905 года конгресс США принял поправку к филиппинскому тарифному закону, снова переписав его, однако и это не помогло. К концу того же года Филиппинская комиссия подчеркивала: «Средний туземец нуждается не только в рисе и рыбе, удовлетворяющих его элементарные потребности, но и в определенном количестве текстильных товаров для себя и своей семьи... Если промышленники Соединенных Штатов сумеют захватить в свои руки торговлю текстилем, они получат немалый рынок для сбыта излишков своей продукции»⁴.

Покупателями хлопчатобумажного текстиля (в виде отрезков ткани) были преимущественно маломощные филиппинцы. Они чаще всего покупали английскую ткань под названием «сплитс» шириной 52 дюйма, изготовленную так, что ее легко было разрезать вдоль куска. Она была дешевой и подходящей для употребления в тропиках. В то же время станки на американских текстильных фабриках не были приспособлены к нуждам колониального рынка — на них можно было изготавливать ткань только шириной 25 дюймов, которая продавалась дороже английской⁵. Один из представителей американской текстильной промышленности, приехавший в Манилу, чтобы ознакомиться с результатами произведенного в 1905 году изменения в тарифном законодательстве, обратился к манильским торговцам, продающим английские ткани, с таким предупреждением: «Когда я вернусь в Америку, мы добьемся своего — мы сделаем так, что вам станет невозможно продавать «сплитс»⁶.

26 февраля 1906 года снова была внесена поправка в филиппинские таможенные тарифы, открыто направленная на защиту американского текстиля. Она была ответом на петицию Торговой ассоциации Нью-Йорка, в которой указывалось, что было бы неэкономично устанавли-

вать на американских текстильных фабриках широкие станки типа английских. «Это означало бы, — говорилось в петиции, — почти полную потерю капитала, вложенного ныне в текстильное оборудование, и новые крупные затраты на установку широких машин... Поэтому, чтобы обеспечить американским хлопчатобумажным тканям возможность конкурировать с тканями «сплитс» европейского производства, совершенно необходимо внести в филиппинскую тарифную систему специальные пункты, создающие преимущества для американских производителей». Торговая ассоциация рекомендовала, чтобы ткани «сплитс» считались «товарами повышенного качества» и облагались на этом основании дополнительной пошлиной в размере 100 процентов⁷. Закон 1906 года полностью удовлетворил это требование.

Для массы филиппинских бедняков это имело тяжелые последствия. Один из американских миссионеров писал:

«Для миллионов бедных людей, мужчин и женщин, «сплитс» — основная ткань для изготовления одежды. Это простой и дешевый материал, каждый кусок из него обходится на целый доллар дешевле, чем из конкурирующей с ним американской ткани. Люди, имеющие представление о пицете филиппинцев, поймут, что более дорогая материя туземцу недоступна. Но лишь для того, чтобы создать дополнительный рынок для американского текстиля, филиппинцу не дают покупать то, что он хочет, и заставляют покупать такую ткань, которая ему непригодна и не по карману... Если бы жители архипелага обладали решительностью, проявленной американскими колонистами в 1773 году, они подняли бы мятеж и побросали бы всю американскую мануфактуру до последнего куска в Манильский залив*. Несомненно, все честные американцы аплодировали бы им за это»⁸.

Несмотря на все таможенные маневры, американскому текстилю оказалось весьма трудно захватить значительную долю филиппинского рынка. С 1901 по 1909 год колониальная импортировала хлопчатобумажных тканей на

* Имеется в виду так называемое «Бостонское чаепитие», когда в 1773 г. жители Бостона в знак протеста против обложения пошлинами ввозимых из Англии товаров выбросили в море прибывший из метрополии груз чая.

54,5 миллиона долларов, из них только 4,3 миллиона долларов составил ввоз из США⁹. Положение изменилось только после 1909 года, то есть после истечения десятилетнего срока, установленного Парижским мирным договором, что позволило Соединенным Штатам ввести преференциальные тарифы и положить конец «открытым дверям» в торговле. За один год продажа американского хлопчатобумажного текстиля на Филиппинах выросла в пять раз¹⁰, но только к 1911 году она обогнала импорт из Англии, достигнув объема 4,1 миллиона долларов — больше, чем за все предшествующие десять лет¹¹.

Однако и пять лет спустя после того, как «открытые двери» были захлопнуты, в 1914 году, один американский наблюдатель высказал мнение, что, «если бы не высокие таможенные барьеры, на Филиппинах господствовали бы английские купцы»¹².

Если американские экспортеры столкнулись на Филиппинах с проблемой сделать для себя доходным разрекламированный колониальный рынок, то проблема другого типа встала перед единственной отраслью американской промышленности, которая могла импортировать с Филиппин сырье без сопротивления со стороны конкурентов, вызывающих к протекционизму. Этим сырьем была манильская пенька, которую дает филиппинское растение абака. Ее импортировали канатно-веревочные фабрики на восточном побережье США.

История с пенькой отчетливо демонстрирует отношение к Филиппинам со стороны узкого круга американских бизнесменов, стремившихся эксплуатировать эту колонию. Целое десятилетие пенька была основной статьей филиппинского экспорта в США — до 1912 года она стояла первой в списке вывозимых товаров. Но для колониальной администрации возникла сложная проблема. Исходя из принципа, что колония должна быть самокупаемой и не обременять американского налогоплательщика, Филиппинская комиссия и ее аппарат должны были финансироваться за счет местных налогов и поступлений. Среди них, в частности, была экспортная пошлина, которой облагались филиппинские товары, вывозимые из страны. Заинтересованная в расширении на островах торговли и капиталовложений, Филиппинская комиссия была вынуждена выступать подчас в роли просителя перед американским конгрессом и американскими деловыми кру-

гами. Но при этом комиссии пришлось бороться с особо привилегированным положением канатно-веревочной промышленности.

По тарифному закону от 8 марта 1902 года этой отрасли промышленности были даны крупные преимущества. Поскольку филиппинская пенька не конкурировала ни с каким местным сырьем, она была освобождена от ввозных пошлин и по тем же основаниям должна была быть освобождена от экспортной пошлины на Филиппинах. Но пеньку с Филиппин вывозили британские фирмы на своих кораблях и поставляли ее американским потребителям через Лондон. Ввиду этого она по смыслу филиппинских таможенных законов подлежала обложению экспортной пошлиной (75 центов за килограмма). Закон от 8 марта 1902 года установил, что собранная экспортная пошлина должна возмещаться американским предпринимателям, покупающим филиппинскую пеньку. Практически, следовательно, производители веревок в США получали субсидию за использование филиппинской пеньки, а филиппинская казна лишалась средств, которые были ей так необходимы.

Сколь влиятельны были американские предприниматели этой отрасли, видно из следующего примера: генерал Макартур распорядился закрыть ряд портов в Бикольском районе Южного Лусона в качестве меры по борьбе с сопротивлением филиппинцев (через эти порты вывозилась пенька, доход от торговли которой шел тогда в руки филиппинских революционеров), но на военного министра Рута было оказано давление, и он велел Макартуру отменить приказ о закрытии портов.

За период 1902—1910 годов американским импортерам манильской пеньки было переведено с Филиппин более 4 миллионов долларов¹³. Основная часть этой суммы досталась крупнейшему покупателю пеньки — тресту «Интернейшл харвестер». Так американские фабриканты получили самое дешевое в мире сырье для веревочного производства. Используя свою господствующую позицию в торговле пенькой, американские импортеры стали сбивать цену на нее. Если в 1902 году тонна манильской пеньки стоила 170 долларов, то в 1911 году — 97 долларов; филиппинские производители стали, следовательно, получать за нее почти вдвое меньше¹⁴.

Филиппинская колониальная администрация неустанно, но тщетно протестовала против ущерба, наносимого таким образом ее доходам, в то время как филиппинская экономика испытывала серьезные трудности в результате войны и неустойчивости административного аппарата. В 1905 году Филиппинская комиссия указывала, что перевод в США пошлины за пеньку «ложится прямым бременем на население Филиппинских островов, так как изымает из колониальной казны собранную на островах пошлину и отдает ее производителям пеньковых изделий в США»¹⁵.

Когда в 1909 году по тарифному закону Пэйна-Олдрича был установлен режим «свободной торговли» США с Филиппинами, порядок перевода в Америку пошлины за пеньку был сохранен. Эта практика, означавшая эксплуатацию филиппинцев в интересах одной отрасли промышленности, продолжалась до 1913 года, когда наконец экспортные пошлины были отменены.

Потребовалось десять лет дебатов в торговых кругах и в конгрессе США, чтобы прийти к соглашению о приемлемости для Филиппин принципа «свободной торговли». Тарифный закон Пэйна — Олдрича, установивший этот принцип, в основе своей был направлен на создание системы высоких тарифов. Исключение было сделано только для Филиппин. И оно, возможно, не было бы утверждено, если бы в это время президентом США был не Тафт, издавна настаивавший на такой мере. Многие в Соединенных Штатах, включая местных производителей сырья, утверждали, что с точки зрения коммерческих интересов будет невыгодным вводить порядок беспошлинного ввоза американских товаров на Филиппины и филиппинских — в Соединенные Штаты*.

Филиппинские предприниматели отстаивали необходимость дать им свободный доступ на американский рынок. Краткое изложение их позиции можно найти в выступлении В. Уэлборна, главы сельскохозяйственного ведомства колониальной администрации, на заседании комиссии конгресса США, прибывшей в Манилу в августе 1905 года для изучения проекта снижения таможенных тарифов. По

* Ввоз ряда филиппинских товаров в США был ограничен количественной квотой. Для ввоза сахара это ограничение было отменено по тарифному закону Андервуда 1913 г.

мнению Уэлборна, рост потребления сахара в США позволит поглотить без труда все количество сахара, производимое на Филиппинах (оно может существенно вырасти не ранее чем через десять лет). Если он будет ввозиться беспошлинно, это заставит американских потребителей фактически выплачивать филиппинским производителям дополнительно 7,5 миллиона долларов в год за импортируемые 300 тысяч тонн сахара, признавал Уэлборн. Но зато, говорил он, «я не удивлюсь, если через десять или пятнадцать лет американцы смогут продавать здесь на 100 миллионов долларов своих това-ров»¹⁶.

В действительности же через десять лет после этого наступления, в 1917 году, американский экспорт на Филиппины составил лишь 28 миллионов долларов, а столь оптимистически обещанный уровень в 100 миллионов долларов был достигнут только накануне второй мировой войны, то есть через тридцать лет. К тому же ввиду роста цен эта цифра искажала картину, на самом деле объем импорта был существенно ниже. С 1899 по 1931 год на Соединенные Штаты приходилось в среднем менее 60 процентов торгового оборота Филиппин. Более того, торговый баланс был неизменно неблагоприятным для США: за 32 года превышение стоимости филиппинского вывоза в США над стоимостью американского экспорта на Филиппины составило в сумме около 400 миллионов долларов.

Оптимистические надежды на рост торговли с Филиппинами стали источником одного из самых горьких разочарований в истории колониальной политики США. Речь идет о попытке захватить господство в морских грузовых перевозках. В этой сфере главным конкурентом США также была Великобритания, на долю которой приходилось подавляющее число кораблей, посещавших филиппинские порты. В 1905 году на английских судах было перевезено 60 процентов филиппинского импорта и 75 процентов экспорта¹⁷. В доставке филиппинских товаров в Соединенные Штаты также господствовали британские судовладельцы, а на долю американских кораблей приходилось в 1907 году только 6 процентов¹⁸. Это положение было характерно для всей внешней морской торговли Соединенных Штатов, когда даже в 1898 году, в период уверенного продвижения США на внешние рынки, американские суда

перевозили 5,9 процента грузов. Эта доля росла медленно и к 1912 году достигла 8,1 процента¹⁹.

Захват Филиппин побудил американских судовладельцев выдвинуть требование обеспечить им законодательным путем монополию хотя бы в торговле с Филиппинами. Они предлагали для этого распространить на Филиппины американские законы о каботажном судоходстве, что обязало бы использовать только суда под американским флагом. Судовладельцы указывали, что Великобритания, Франция, Германия и другие державы «прочно держат в своих руках все коммуникации с колониями»²⁰.

Чтобы добиться такого законодательства, американские судовладельцы создали кулуарные комитеты для проталкивания соответствующих законопроектов в конгрессе. Их поддерживали также лидеры профсоюза Братство котельщиков и кораблестроителей, которые заявляли, что расширение производства в доках позволит дать работу 20 тысячам безработных²¹. Проблема, однако, была не в том, что не хватит кораблей, если правительство окажет судовладельцам законодательную поддержку. Проблему создавал конфликт между различными группами американского капитала, которые получали или надеялись получить выгоду от колониальной торговли с Филиппинами.

Главными противниками внесенных законопроектов выступили с самого начала производители пеньковых изделий на восточном побережье США (из всех 105 предприятий этой отрасли там находилось 75, ввиду того что манильская пенька по-прежнему доставлялась через Лондон)²². Они выступали против требований американских судовладельцев на том основании, что, если те получат перевозки пеньки в свои руки, плата за фрахт немедленно возрастет. Судовладельцы же заявляли, что стоимость их фрахта высока только потому, что правительство США в отличие от других колониальных держав не субсидирует свой торговый флот. Возражения поступили также от поставщиков угля для военно-морских сил США, базирующихся на Филиппинах; они предпочитали использовать более дешевые иностранные корабли, чтобы доставлять уголь из Ньюпорта в Манилу. Возражали против законопроекта и владельцы сахарных плантаций на Гавайях: они опасались, что корабли, которые их обслуживают, будут отвлечены для нужд торговли с Филиппинами. Тафт

выступил с протестом от имени колониальных властей на самих Филиппинах. Он полагал, что в результате роста стоимости американского фрахта производителям филиппинского сахара, пеньки и других товаров придется искать рынки за пределами США, а это сведет на нет все выгоды от владения колонией²³.

В итоге до самого конца американского господства над Филиппинами так и не был принят закон, которого добились судовладельцы.

Таким образом, историческая реальность и противоречия, с которыми встретилась американская экспансия в Азии, так и не дали возможности реализовать разработанный политиками школы Мэхэна план превращения Соединенных Штатов в великую морскую державу с широко разбросанными по миру военными базами, защищающими американский торговый флот. Противоречия между различными группировками американского бизнеса, а также продвижение товаров и капитала США на другие континенты внесли серьезные изменения в планы экспансионистов и преобразовали многие аспекты в политике по созданию американской колониальной империи.

2. Железные дороги, займы и банки

Наряду с трудностью так организовать торговлю с Филиппинами, чтобы она была выгодна всем секторам империалистической экономики, возникли трудности по привлечению американских капиталовложений. Оказались мало обоснованными розовые надежды на то, что создаваемые колониальным режимом преимущества вызовут стремительный приток капитала. Отчасти это можно объяснить введенными по Органическому закону ограничениями, которые были наложены на регистрацию новых предприятий, аренду и покупку государственных земель, получение горнорудных участков. Но вряд ли отсутствие таких ограничений радикально изменило бы положение.

Экономист Чарльз Конант, сторонник империалистической экспансии (он был послан на Филиппины, чтобы разработать для них систему денежного обращения), писал: «Выгода от Филиппин или иного колониального владения определяется тем, в какой мере оно служит для метрополии полем предпринимательской деятельно-

сти и вложения капиталов»²⁴. Колониальные власти на Филиппинах встретились, однако, со сложнейшей проблемой. Реализация коммерческого потенциала островов, поддержание спокойствия и порядка, да и само финансирование колониального управления зависели в определенной степени от уровня ее экономического развития — состояния железных дорог, коммунального обслуживания, средств связи, портов и гаваней, складских помещений и т. п. Тафт и его преемники вместе со всеми членами Филиппинской комиссии потратили немало времени и сил, чтобы привлечь в колонию капитал и обойти экономические ограничения, наложенные конгрессом США. Бюро по делам островов тоже без устали издавало различные брошюры, призывающие вкладывать капитал на Филиппинах²⁵.

Выступая перед Торговой палатой штата Нью-Йорк в 1904 году, Тафт постарался преодолеть у слушателей опасения, вызванные ограничительными мерами конгресса, заявив напрямик, что «ограничения можно обойти, если этого потребуют интересы частного капитала»²⁶. Дин Вустер, состоявший с 1901 по 1913 год главой ведомства внутренних дел филиппинской колониальной администрации, неустанно требовал отмены ограничений на приобретение земель, горных и лесных концессий. Он был готов даже поощрять незаконные сделки в этой области. Установленные для владения землей пределы он называл «разорительными» и сетовал: «Какой смысл ограничивать размер земли, покупаемой филиппинцем или американцем, обладающим способностями и средствами, чтобы приобрести участок и успешно выращивать на нем пеньку, сахарный тростник, табак, кокосы, магей, кофе или какао?» Введенные по Органическому закону ограничения на горнорудное предпринимательство он называл «несуразными», говоря: «Потенциальные богатства ничего не стоят, если народ не имеет намерения, умения или возможности ими овладеть. Поэтому народ Филиппинских островов ничего не потеряет, если исключительно иностранцы будут заниматься разработкой богатств, скрытых в недрах этой страны»²⁷.

За первые десятилетия американского господства при отсутствии сильной тяги к инвестициям на Филиппинах возникло только одно крупное предприятие — Манильская компания электрических железных дорог и освеще-

ния (МЕРАЛКО), созданная в 1902 году на основе прямых частных капиталовложений. По контракту, заключенному с Филиппинской комиссией, эта компания должна была обеспечить Манилу электроэнергией и проложить трамвайные линии. Начальный капитал компании в размере 2,5 миллиона долларов²⁸ был вложен Чарлзом Свифтом, который был связан с коммунальными предприятиями Детройта²⁹, а через них с монополией «Дженерал электрик», опиравшейся на банк Моргана³⁰. Трамвай был открыт в Маниле в апреле 1905 года.

МЕРАЛКО при регистрации получила концессию на 50 лет³¹, и ей было разрешено на протяжении 25 лет устанавливать по собственному усмотрению плату за свои услуги. Компания ввела самые высокие в Азии цены на трамвайные билеты — 5 и 6 центов, что было недопустимо рядовому рабочему, зарабатывавшему не более 50 центов в день. Один американский писатель, посетивший Филиппины в 1914 году, заметил, что именно поэтому «большинство манильских рабочих ходят пешком»³². Даже в отчете Филиппинской комиссии за 1905 год, когда трамвай был только что пущен, признавалось, что «большинство тех, кто живет в перенаселенных кварталах, не могут позволить себе пользоваться трамваем»³³.

Контакт с МЕРАЛКО носил все черты того контракта с монополиями (долгосрочный характер, отсутствие ограничений на цены за услуги), против которого вели борьбу в США сторонники муниципальных реформ. Компания за реформы стремилась положить конец подобным привилегиям для монополий в американских городах; контракт с МЕРАЛКО был подписан в разгар этой кампании, и антиимпериалисты указывали на него как на пример колониальной эксплуатации Филиппин³⁴.

Особенно большие усилия приложили Филиппинская комиссия и военное министерство, чтобы привлечь в колонию капиталы для строительства железных дорог и для выпуска займов на нужды благоустройства в провинциях и муниципалитетах (сооружение водопровода, канализации, различных общественных зданий). Пришлось 6 февраля 1905 года провести через конгресс США специальный закон, предложенный Купером, по которому в обход Органического закона вкладчикам капитала в обеих ука-

занных отраслях были предоставлены особые привилегии. Филиппинские займы были освобождены от обложения в США налогами, а вкладчикам в железные дороги было гарантировано колониальной администрацией получение годовой прибыли в размере 4 процентов.

Филиппинская комиссия предлагала на выбор два пути, способных привлечь капиталы в железнодорожное строительство: бесплатно предоставить необходимые земли (как это было сделано при строительстве дорог на Западе США) или гарантировать прибыли. Первый путь был отброшен в связи со спекуляцией и скандалами, которые он вызвал в США, и ввиду той особой остроты, которую вопрос об отчуждении государственных земель приобрел на Филиппинах. Помимо гарантии прибылей, Филиппинская комиссия освободила от пошлин импорт стальных рельсов³⁵.

Необходимость обещать столь необычные привилегии хорошо показывает, что банковские круги смотрели на Филиппины как на рискованную сферу для вложения капитала.

Если бы не специально принятые меры поощрения, вряд ли можно было обеспечить финансирование американского железнодорожного строительства на Филиппинах. Еще в 1899 году группа американских капиталистов, преимущественно из Калифорнии, замыслила соорудить железную дорогу Манила — залив Касигуран — долина реки Кагаян, но, когда они захотели получить от правительства гарантию трехпроцентной прибыли, им сообщили, что конгресс никогда такой гарантии не даст³⁶. А в 1905 году пришлось гарантировать четырехпроцентную прибыль, чтобы привлечь инвесторов.

Опасения американских банкиров отчасти объясняются тем, что единственная имевшаяся на Филиппинах железная дорога Манила — Дагупан принадлежала весьма сильной британской компании и ее трасса была проложена с таким расчетом, что она должна была стать осью любой последующей железнодорожной системы на Лусоне, этом важнейшем острове архипелага. Американские инвесторы уклонялись от конкуренции с англичанами и требовали себе монополию в собственной колонии. Выступая в 1904 году в одной из комиссий конгресса, Тафт заявлял: «Вы убедитесь, что, пока мы не устраним англий-

скую компанию, будут возникать трудности в предоставлении концессий нашим капиталистам»³⁷.

Тафт выступил в роли посредника при переговорах между английской компанией и нью-йоркским банкирским домом Спейера (из группы Моргана) относительно передачи контроля над железной дорогой американским банковским кругам. В результате соглашения, достигнутого в 1906 году, компания Спейера стала банковским агентом железной дороги, а контракт на нее был Филиппинской комиссией перезаключен и передан американской компании «Манила рэйлроуд К^о», зарегистрированной в штате Нью-Джерси. Она стала собственником железной дороги Манила — Дагупан, хотя держателем ее акций продолжала оставаться прежняя британская компания. Для дальнейшего железнодорожного строительства на Лусоне был выпущен заем, размещенный при посредничестве банкирского дома Спейера.

В итоге проведенного конкурса все контракты на строительство дорог на Лусоне достались синдикату Спейера, который превратился в железнодорожного монополиста на этом богатейшем острове. Поторговавшись несколько месяцев, «Манила рэйлроуд К^о» добилась для себя бессрочной концессии и очень низкого подоходного налогообложения (0,5 процента на протяжении первых 30 лет и 1,5 процента — следующие 50 лет). Один из позднейших филиппинских генерал-губернаторов, Фрэнсис Гаррисон, назвал эти условия «подарком частной фирме»³⁸.

Первоначально (в 1903 году) предполагалось построить три линии: одну — от Манилы через долину реки Кагаян до Апарри на северном побережье, другую — вдоль северо-западного побережья Лусона до Лаоага и третью — на юг от Манилы до Батангаса. Военное министерство поддержало именно такую рекомендацию Тафта, поскольку дороги были предназначены «для целей поддержания законности и порядка»³⁹. Когда затем проект был рассмотрен с точки зрения экономической выгоды и задач стимулирования экспортного производства, было рекомендовано построить дорогу от Манилы до Легаспи на южной оконечности Лусона (район производства пеньки), а также дороги на островах Себу, Панай, Негрос и Лейте (районы с преобладанием культуры сахарного тростника). После принятия закона Купера военный министр 12 июня 1905 года объявил, что 15 декабря 1905 года будет открыт

конкурс контрактов на прокладку дорог общей протяженностью 1233 мили⁴⁰.

Линия на юг до Легаспи была вскоре построена, так как, связав провинцию, богатую пенькой, с манильским портом, она обслуживала интересы пенькового производства, в то время особенно интересовавшего американцев. С точки зрения возможного экономического развития островов в будущем, однако, наиболее важными были проекты дорог, ведущих в табаководческие районы — на север в долину Кагаяна и на северо-западное побережье в Илоканские провинции. Некий британский наблюдатель заметил в 1906 году: «Несомненно, что прокладка дорог в табаководческие области вернет этой отрасли хозяйства быстрое процветание»⁴¹. Однако дороги в северном направлении так и не были построены. Причиной этого могло быть только давление со стороны капиталистов, занятых табаководством в США. Они опасались роста производства табака на Филиппинах и использовали влияние, чтобы не допустить проведения в соответствующие районы железных дорог. Эти дороги так и остались не построенными до наших дней.

Контракт на строительство железных дорог на Висайских островах* — Панай, Себу и Негрос — получил синдикат, среди владельцев которого фигурировал Чарлз Свифт, хозяин компании МЕРАЛКО. Синдикат потребовал для себя гарантии четырехпроцентных прибылей (на основании закона Купера), но при этом отказался строить дороги на островах Самар и Лейте ввиду «беспокойной обстановки»⁴².

В конечном счете построены были только две дороги на Висаях — на Себу и на Панае. Они оказались мало доходными. Отчасти это было вызвано тем, что, стремясь быстро окупить затраты, владельцы ввели отпугивавший клиентов высокий тариф на пассажирские и грузовые перевозки. Филиппинцы — жители Себу предпочитали пользоваться медленным, но зато более дешевым транспортом — морским или гужевым⁴³. От этого сильно пострадала филиппинская казна, вынужденная выплачивать синдикату гарантированную ему четырехпроцентную при-

* Висайскими островами именуется центральная часть Филиппинского архипелага, включающая о-ва Панай, Негрос, Себу, Самар, Лейте, Бохол и др.

быль (к 1913 году эти выплаты достигли суммы 1409 тысяч долларов)⁴⁴. По этой причине строительство дороги на Негросе задержалось, и колоннальная администрация не без удовольствия освободила компанию от обязательств по контракту, касающихся этого острова.

К 1954 году из первоначально намеченных 1233 миль железнодорожных путей было проложено только 866 миль. После периода интенсивного строительства, последовавшего за принятием закона Купера с его приманками, темпы резко снизились. За 10 лет было проложено только 630 миль (в дополнение к уже имевшимся 122 милям дороги Манила — Дагупан)⁴⁵. Через 4 года после предоставления концессии двум компаниям заем, финансирующий строительство, стал так плохо продаваться в США, что колоннальная администрация была вынуждена сама приобрести облигации, чтобы обеспечить продолжение строительства (для этого ей пришлось израсходовать средства, предназначавшиеся для иных целей).

Таким образом, результат вложения капиталов в филиппинские железные дороги был в общем и целом разочаровывающим. Несмотря на всяческие приманки и особые привилегии, объем инвестиций далеко отставал от того, на который рассчитывали колоннальные власти.

Подобные же трудности возникли в другой области, которая в результате принятия закона Купера должна была стать привлекательной для капиталовложений — при размещении займов, выпускаемых колоннальной администрацией на нужды благоустройства в провинциях и муниципалитетах. Поначалу, как и в случае с железными дорогами, был успех. К 1911 году в частных руках в США находились облигации филиппинских четырехпроцентных займов на сумму 16 миллионов долларов. Однако 7 миллионов из них приходилось на заем, выпущенный 1 февраля 1904 года для финансирования выкупа церковных земель в соответствии с соглашением 1903 года между правительством Тафта и Ватиканом. Этот шаг был продиктован серьезными аграрными беспорядками на Филиппинах и, строго говоря, не был связан с экономическим развитием островов. Все остальные облигации были куплены за короткий промежуток времени между мартом 1905 года и январем 1907 года⁴⁶.

Филиппинская комиссия рассчитывала, что после принятия в 1909 году закона Пэйна — Олдрича о «свободной

торговле» снова возрастет интерес к покупке облигаций филиппинских займов. Это пробудило комиссию рекомендовать выпуск новых займов на сумму 15 миллионов долларов частями, по 2,5 миллиона долларов ежегодно. Но Вашингтон не дал на это согласия, исходя из ситуации на фондовом рынке. На протяжении четырех следующих лет Филиппинская комиссия ежегодно повторяла свою просьбу⁴⁷, но каждый раз встречала отказ, пока наконец эта идея не была оставлена.

Показательно, что крайнее падение интереса к капиталовложениям на Филиппинах происходило именно тогда, когда способность Америки защитить свои позиции на архипелаге становилась сомнительной перед лицом угрозы империалистических соперников: утрата колонии в результате войны означала бы утрату вложенного капитала.

Американские банковские операции на Филиппинах также не приобрели большого размаха, они ограничивались по преимуществу финансированием торговых сделок. В этой сфере, как и в других областях экономики, американскому капиталу пришлось считаться с установившимся господством иностранных банкирских домов: английских «Чартерд бэнк оф Индия, Острэлла энд Чайна» и «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн» и испанского «Банко эспаньоль де Филиппинас». Поэтому были приняты меры, чтобы затруднить деятельность иностранных банков. Один из английских колониальных чиновников писал в 1904 году: «Было, конечно, совершенно естественно и справедливо, что Америка хотела открыть собственные банки и всячески защищать интересы своих подданных, но нельзя одобрить практику внесения в закон такого пункта, который мешает английскому банку даже пригласить к себе на службу клерка из-за границы. Это лишь один из многих примеров препятствий, которые чинятся британским банкирам и торговцам... Между тем в соседних британских колониях американцы не подвергаются никакой дискриминации»⁴⁸. Особенно мешал американцам «Банко эспаньоль». В свое время он получил от испанского правительства полномочия до 1928 года выпускать банкноты в количестве, втрое превышающем его капитал; Парижский мирный договор не содержал никаких положений, которые лишали бы банк этих функций. Филиппинская комиссия решила подорвать выпуск банкнот ис-

панским банком, обложив ежемесячным однопроцентным налогом банкноты, циркулирующие в объеме, превышающем капитал банка⁴⁹. Это, несомненно, противоречило мирному договору, но банку оказалось трудным добиться в филиппинском суде решения в свою пользу.

В 1904 году в Маниле были открыты два отделения американских банков — «Интернейшл бэнкинг корпорейшн» штата Коннектикут и нью-йоркской «Гаранти траст компани». Бюро по делам островов провозгласило, что «открытие этих банков является важным шагом вперед в деле объединения торговли и финансов Филиппин и США»⁵⁰. Между открывшимися двумя банками началась борьба за право стать фискальным уполномоченным на Филиппинах. Военный министр Рут поддерживал «Гаранти траст компани», а президент Рузвельт — «Интернейшл бэнкинг корпорейшн»⁵¹. В конечном счете «Гаранти траст» должен был уступить своему сопернику.

На Филиппинах, однако, нельзя было открыть национальный банк, так как на них не распространялись соответствующие банковские законы Соединенных Штатов. Поэтому филиппинское казначейство вынуждено было хранить свои фонды в банках США. К 1913 году в американских банках находились филиппинские фонды общим объемом 16 миллионов долларов.

Отсутствие национального банка усложняло проблемы финансирования филиппинского сельскохозяйственного производства. Коммерческие банки на Филиппинах крайне редко давали кредит землевладельцам, хотя это было остро необходимо с точки зрения интересов экономики страны. Филиппинская комиссия энергично старалась добиться организации сельскохозяйственного банка. 4 марта 1907 года конгресс США принял закон «Об организации сельскохозяйственного банка на Филиппинских островах». Как и другие меры по привлечению капитала, закон предусматривал гарантию четырехпроцентной прибыли каждой компании, которая будет создана с разрешения Филиппинской комиссии⁵². Но попытки заинтересовать американских капиталов подобным предприятием оказались безуспешными. В конце концов колониальной администрации пришлось в 1908 году организовать собственный Сельскохозяйственный банк Филиппинских островов и обеспечить его из своих средств небольшим капиталом в 500 тысяч долларов⁵³. Этот банк предостав-

Подновленный колониализм

лял такие незначительные ссуды, что они были, по существу, бесполезны тем, кто хотел извлечь выгоду из «свободной торговли». Позднее, в 1912 и в 1913 годах, филиппинские сельскохозяйственные предприниматели в отчаянии попытались получить кредиты у французских банкиров, которые были готовы на это пойти. Но американские власти постарались предотвратить эту сделку, чтобы не допустить проникновения на архипелаг французского банковского капитала⁵⁴. Лишь после того, как в 1916 году сама колониальная администрация организовала Филиппинский национальный банк, владельцам филиппинских сахарных, табачных и кокосовых плантаций открылась возможность получать кредит в достаточном объеме.

1. Расширение американского внутреннего рынка

На рубеже XX столетия сторонники империалистической экспансии в один голос утверждали, что американский внутренний рынок и возможности для помещения капиталов почти исчерпаны. Поэтому, говорили они, единственный выход — вывозить избыток американских товаров и капиталов за океан. Действительно, американский экспорт товаров и вывоз капитала за границу сильно выросли, удвоившись за период с 1900 по 1914 год. Все же предполагавшихся размеров эти показатели не достигли, а экспорт распространился лишь на близлежащие к США районы.

Вряд ли можно сказать, что причины этого — в неблагоприятных условиях стран, подобных Филиппинам. Английская торговля в Юго-Восточной Азии, где условия рынка были такими же, удвоилась за период с 1900 по 1910 год, то есть с 17 миллионов до 34 миллионов фунтов стерлингов или с 85 миллионов долларов до 170 миллионов долларов по курсу тех лет¹.

Вильям Говард Тафт стремился в свою бытность губернатором Филиппин поощрять колониальную торговлю и капиталовложения на островах. Малый успех своих усилий он объяснил, выступая в Маниле 17 декабря 1903 года: «Американские капиталисты находились под столь сильным впечатлением огромных прибылей эпохи процветания в США, что заставить их обратиться к отдаленным странам было очень трудно»². Три года спустя это же повторили члены Филиппинской комиссии в своем отчете за 1906 год: «В Соединенных Штатах такое множество предприятий и отраслей, где прибыли очень

высоки, что понудить американский капитал к проширению на острова весьма сложно»³.

Тафт и Филиппинская комиссия коснулись крайне важного обстоятельства, которое недооценивалось в конце XIX века, когда казалось, что развитие американской промышленности близко к своему пределу. Речь идет о способности американской промышленности к росту. Промышленный капитал в США в 1899 году, когда считали, что он разбух уже до крайности, составлял почти 9 миллиардов долларов. Но десятилетием позже, в 1909 году, он тем не менее вырос до 18,4 миллиарда долларов, и никто уже не заводил разговоров о пределах роста.

На протяжении этого десятилетия размер внутренних капиталовложений относительно совокупного национального продукта составлял в среднем 19 процентов (по сравнению всего лишь с 7,6 процентами в Англии — крупнейшей колониальной державе и экспортере того времени)⁴.

Хотя стоимость промышленной продукции США за этот период почти удвоилась (с 11,4 миллиарда долларов в 1899 году до 20,7 миллиарда долларов в 1909 году), только одна десятая ее часть пошла на экспорт; в Англии же вывоз доходил до одной четвертой стоимости промышленной продукции⁵. Доля экспортируемых товаров в валовом национальном продукте США даже уменьшилась в период между 1899 и 1909 годами с 6,3 процента до 6,1 процента⁶.

В Соединенных Штатах возник и продолжал расти величайший в мире внутренний рынок. Рост массового производства по типу автосборочных конвейеров в невиданных до того размерах объясняется отчасти техническим прогрессом, а отчасти — безжалостной эксплуатацией масс рабочих-иммигрантов. Внутреннее развитие привело к подъему жизненного уровня, росту потребления и улучшению распределения, что сказалось на положении средних слоев, их доходах и уровне жизни. Гораздо большие возможности в смысле расширения внутреннего рынка представлял рабочий класс. Но рабочим, в первую очередь квалифицированным, удалось добиться увеличения заработной платы только путем создания профсоюзных организаций и ожесточенной стачечной борьбы.

Постоянное и настойчивое требование к правительству — обеспечить иностранные рынки — было характерно

для очень немногих отраслей. К таковым в первую очередь относится текстильная промышленность, деятели которой более, чем кто-либо иной, подталкивали правительство к проведению агрессивной торговой политики в Китае и на Филиппинах. Сенатор Причард от штата Северная Каролина в 1900 году выразился так: «Восток — это та часть мира, где люди в силу климатических условий и обычаев являются естественными потребителями для хлопковых плантаторов юга»⁷.

В последние десятилетия XIX века внедрение ткацких станков системы Нортропа привело к резкому увеличению производства хлопчатобумажных тканей. Это способствовало поддержанию высокого уровня капиталовложений (они выросли с 467,2 миллиона долларов в 1899 году до 822,9 миллиона долларов в 1909 году)⁸. Сообразно росту капиталовложений за этот же период удвоился и экспорт хлопчатобумажных изделий (с 23,6 миллиона долларов до 50,8 миллиона долларов). Пятая часть вывозимых хлопчатобумажных изделий направлялась в американские колонии в тропиках — Филиппины, Пуэрто-Рико, Гавайи, — где соперников рассчитывали вытеснить без тяжелой конкурентной борьбы. «Эти владения, — писал один из исследователей американского империализма, — для текстильной промышленности представляли вдвое большую ценность, чем для американской промышленности в целом»⁹.

Общий рост внутренних возможностей для капиталовложений, ослабивший стремление к заморским захватам, к этому времени распространился и на отрасли, для которых такая колония, как Филиппины с вывозимыми из нее товарами, оказывалась конкурентом. Плантации сахарного тростника в США увеличились с 387 тысяч акров в 1899 году до 477 тысяч акров в 1909 году, то есть на 23,2 процента, преимущественно за счет южных штатов, а производство сахара из тростника выросло с 4,2 миллиона тонн до 6,2 миллиона тонн. Несравнимо стремительно росло производство сахарной свеклы, в основном в штатах Среднего Запада: площади под этой культурой увеличились со 110 тысяч акров до 364 тысяч акров (то есть на 230,5 процента), а продукция свекловичного сахара — с 790 тысяч тонн до 3900 тысяч тонн (рост на 395,7 процента). Тем самым было сильно заторможено стремление к колониальным приобретениям, равно как и увеличение капиталовложений на Филиппинах. Несмотря на

необычайный рост потребления сахара в США в это десятилетие, импорт сахара оставался в 1912 году почти на том же уровне, что и в 1900 году, а в некоторые годы довольно сильно падал¹⁰.

Рост капиталовложений в США должен был, конечно, со временем привести к увеличению тех сверхприбылей, которые стимулируют экспорт товаров и капиталов. Первая мировая война и сопутствующие ей условия создали определенные каналы для основной части этих избыточных капиталов, но до 1914 года более двух третей прямых и портфельных инвестиций за пределами США направлялись в основном в три района — Европу, Канаду и Мексику. Эти три потока были соответственно связаны с тремя совершенно различными аспектами американского инвестирования: в Европе оно преследовало цель обойти препоны высоких таможенных тарифов; в Канаде представляло собой фактически придаток американской экономики; в Мексике американский капитал действовал как в полуколонии, устремляясь преимущественно в такие отрасли, как добыча нефти, горнорудное дело и железные дороги.

В годы первой мировой войны все замыслы расширения колониальных владений отступили на задний план в связи с тем, что Соединенные Штаты стали превращаться в страну-кредитора. В самом начале войны английские и французские банки уступили банкирам Соединенных Штатов основную часть своих вложений в США, составивших в целом около 4 миллиардов долларов, в обмен на военные поставки¹¹. По мере развития войны США стали расширять свои займы европейским союзникам. Их общая сумма достигла 9,4 миллиарда долларов к периоду между 1917 и 1920 годами. Фактически американские избыточные капиталы использовались для своеобразной «колонизации» Европы. В этот же период американский капитал сумел проложить себе дорогу в Латинскую Америку, где империалисты Англии, Франции и Германии постепенно утрачивали позиции, не имея возможности поддерживать финансирование своих операций.

Росту американской финансовой мощи соответствовало крепнущее убеждение, что ее можно использовать как инструмент для распространения влияния. Характерна в этом смысле доктрина «дипломатии доллара». Одним из первых ее принял на вооружение Тафт в бытность свою

президентом США с 1908 по 1912 год. Следует заметить, что его попытки побудить американские банки к проникновению в Китай приходились как раз на то время, когда тихоокеанская политика США претерпевала изменения и передовые рубежи были оттянуты к Гавайям. В своем послании конгрессу по вопросам международных отношений от 3 декабря 1912 года Тафт указывал:

«В области дипломатии нынешнее правительство стремится идти в ногу с новейшими теориями экономических отношений. Эта политика состоит в том, чтобы пробивать себе путь долларами, а не винтовками. Такой курс отвечает в равной степени требованиям гуманизма, интересам политической стратегии и законным коммерческим целям. Это попытка, прямо направленная на расширение американской торговли. Мы исходим из непреложного принципа, что правительство Соединенных Штатов должно делать все возможное для поддержки любых законных и прибыльных американских предприятий за рубежом. О положительных результатах такого политического курса, сочетавшегося с выгодами, которые мы получили, введя закон о тарифах, можно судить по бурному росту экспортной торговли США»¹².

Антимпериалисты (в том смысле, в котором этот термин тогда употреблялся) не могли бы найти здесь ни одного пункта для возражений.

2. Капиталистические реформы и антиколониализм

С описанным процессом американской экспансии в первые годы XX века (до начала мировой войны) тесно переплетались процессы изменений в экономической и политической жизни Америки.

Наиболее дальновидных лидеров американского капитализма стала всерьез беспокоить обостряющаяся борьба классов, которая привела к росту социалистической партии, руководимой Юджином Дебсом, революционных стачек, организуемых Индустриальными рабочими мира.

В отличие от поверхностно мыслящих сторонников империалистической политики, готовых бороться с надвигающимися потрясениями с помощью колониальных захватов, были люди, понимавшие необходимость пойти на некоторые перемены в самой стране. Рузвельт пересмотрел

свои позиции и превратился из сторонника колониализма в лидера реформаторского движения (так называемого движения «прогрессистов»). Он всеми силами старался, чтобы республиканская партия прислушалась к требованиям мелких предпринимателей, фермеров, людей наемного труда, представителей средних слоев, равно как и крупного бизнеса.

Весьма примечательно, что сенатор Альберт Беведрж, также выступавший в 1898 году как ярый сторонник колониальных захватов, теперь присоединился к Рузвельту на позиции прогрессистского крыла республиканской партии. Когда сменивший Рузвельта на президентском посту Тафт принял сторону наиболее консервативных промышленных и финансовых кругов и стал препятствовать дальнейшим серьезным преобразованиям, прогрессистское движение забурило, как рыцарство времен крестовых походов. Прогрессистский переворот в республиканской партии в 1912 году, возглавленный Рузвельтом, был совершен против старой империалистической гвардии, и Тафт сблизился с Эллиу Рутом (который в 1912 году председательствовал на республиканском национальном конвенте и повел дело так, что делегаты-прогрессисты были оттеснены) и с Генри Кэботом Лоджем. Рут, один из творцов колониальной политики, открыто протестовал против расширения демократии в США и чинил препятствия проведению преобразований.

Вудро Вильсон, который победил на выборах ввиду раскола в республиканской партии, выступал с платформой «Новой свободы», выдвинутой прогрессистским крылом демократической партии. Он смог стать кандидатом от демократов только потому, что на конвенте демократической партии прогрессистское крыло, руководимое Брайаном, сумело настроить делегатов в его пользу. Вильсон в своей речи 1912 года при выдвижении его кандидатом предупреждал, что промышленность страны «разрослась настолько, что если не найдется свободный выход на мировые рынки, то произойдет взрыв»¹³. Однако в другой речи, спустя две недели после его торжественного вступления в 1913 году на пост президента, он заявил, что «Соединенные Штаты никогда больше не станут стремиться захватить хотя бы пядь чужой земли»¹⁴.

К 1916 году администрация Вильсона привела процесс реформ к завершению. Монополистические группировки

к этому времени уже начали понимать, что «правительственный контроль» никоим образом не означает вмешательства в их дела, но ведет к более тесному переплетению государства с финансовым капиталом.

Особые правительственные учреждения из государственных средств выделяли монополиям субсидии, специально, чтобы стимулировать их к проведению экономических исследований, помогали им отыскать рынки внутри страны и за рубежом, избавиться от непроизводительных расходов и потерь.

В этот период мало-помалу стали стираться линии размежевания между демократической и республиканской партиями, которые в свое время так четко обозначались на выборах 1896 и 1900 годов. Разделения партий по классовому признаку, чего так опасался Рузвельт, не произошло.

Что касается «свободного выхода на мировые рынки» для американских капиталов и товаров, то правительственный аппарат целиком ориентировался на интересы монополий в своей внешнеполитической деятельности, не исключавшей и вооруженного вмешательства, которое оказалось средством более эффективным и дешевым, чем захват колоний.

Успешная перестройка политико-экономической структуры американского капитализма была тесно связана с изменением форм колониальной политики на Филиппинах и форм американского империализма вообще. Антиимпериалистическая лига и другие группировки, выступавшие против колониализма, в большой мере состояли из тех же людей, которые шли в авангарде движения за прогрессивные реформы внутри страны. Чаще всего это были представители средних слоев, напуганных необузданной силой трестов и понимавших, что нельзя допустить, чтобы эта сила уничтожила форму и суть буржуазной демократии.

Их позиция была далеко не радикальной или революционной. В случае с Филиппинами сторонники реформ среди членов демократической партии и ее союзников удовлетворялись требованиями ограничить эксплуатацию природных ресурсов и захват земли монополиями, а также допустить филиппинских представителей к участию в политической жизни в порядке подготовки к самоуправлению своей страной.

На выборах 1904 года политическая программа демократов в отношении Филиппин говорила следующее:

«Территория народа, который не приспособлен к тому, чтобы управляться по американским законам, в соответствии с американской конституцией, не должна быть частью американских владений. Мы настаиваем на нашей обязанности сделать для филиппинцев то, что мы уже сделали для кубинцев. Наш долг — взять на себя это обязательство теперь же и, обеспечив необходимые гарантии для граждан нашей страны и других стран, которые будут проживать там в момент нашего ухода (курсив мой. — У. П.), предоставить филиппинскому народу возможность свободно и независимо строить свою судьбу собственными руками»¹⁵.

В этот период Куба вряд ли представляла собой что-либо большее, чем придаток американских монополий, если учесть, что действовала поправка Платта, узаконившая военное вмешательство для их защиты. Кроме того, на Кубе размещалась крупная военно-морская база США в Гуантанамо и Вашингтон полностью контролировал внешнюю политику и налоговую систему Кубы. В 1904 году консервативное крыло демократической партии, возглавляемое группировкой капиталистов восточных штатов, выдвинуло своего кандидата — Алтона Паркера — против Брайана и его курса. Это обстоятельство и отразилось в существенном ослаблении требований программы, касающихся Филиппин, по сравнению с 1900 годом. Однако, когда Брайану удалось удержаться в положении лидера партии и ее кандидата на пост президента, это очень мало сказалось на позициях партии по филиппинскому вопросу. В 1906 году во время визита на Филиппины Брайан осторожно говорил лишь о «самоуправлении». В ходе одного из выступлений перед филиппинцами он поправил своего переводчика, употребившего слово «независимость» вместо «самоуправление»¹⁶.

Один из пунктов программы демократов в 1908 году осуждал попытки вести империалистическую политику как непростительный просчет, стоивший нам очень дорого». При этом призывы сводились к тому, чтобы провозгласить целью США предоставление независимости Филиппинам, «как только там сможет быть налажено «стабильное управление» (к этому времени на Филиппинах уже действовала Ассамблея наряду с муниципальной

и провинциальной администрацией). Снова в качестве образца выдвигалась Куба, хотя в это самое время еще продолжалась военная интервенция на Кубе, начавшаяся в 1906 году. Более того, программа демократов требовала: «Признавая независимость Филиппин, наше правительство должно оставить за собой те участки земли, которые необходимы для угольных складов и военно-морских баз». Это заявление отвечало давнишним целям сторонников экспансии. Американские неудачи в Азии заставили авторов программы сказать, что владение Филиппинами «не усиливает нас, а ослабляет» и это будет продолжаться до тех пор, «пока не будет достигнута нейтрализация островов, гарантированная договором с другими державами»¹⁷.

Эти же положения были повторены в программе, с которой выступил Вильсон в избирательной кампании 1912 года.

Со своей стороны республиканцы в их партийной платформе 1904 года утверждали, что, подавив «мятеж» на Филиппинах, они «впервые обеспечили там безопасность для жизни и собственности людей», а также «предоставили народу этих островов широчайшие гражданские свободы, которых у него никогда не было».

Тафт, защищавший в это время курс правительства Рузвельта, настаивал на том, что «присутствие Соединенных Штатов на островах необходимо... чтобы обеспечить гражданские права народа и безопасность иностранных капиталов». Он утверждал, что, «чем большего развития мы добьемся на островах, тем лучше мы обучим филиппинцев, как управлять своей страной, тем большее спокойствие будет там, а значит, тем лучше будет развиваться предпринимательство и промышленность, тем более выгодными будут наши деловые связи с этими островами»¹⁸.

В 1908 году республиканцы свели к минимуму раздел о Филиппинах в своей предвыборной программе и стали подчеркивать, что «рост образования и практического опыта развивает способность филиппинского народа к управлению». Вопрос о независимости Филиппин осторожно обходился, но было заявлено, что «политика Маккинли и Рузвельта шаг за шагом вела их население ко все большей степени самоуправления»¹⁹.

По сути дела, обе партии и примыкающие к ним группировки согласились на том, что большее участие

филиппинцев в аппарате управления позволит сохранить как выгодные возможности для американской торговли и капиталов, так и морскую базу. Различие между позициями партий состояло в оценках того, сколько нужно времени, чтобы сложилась филиппинская администрация, на которую можно будет целиком положиться. По мнению республиканцев, о ее возникновении говорить было еще рано, народ в целом еще недостаточно образован, чтобы принять ту независимость, которую ему уготовили. Тафт, сторонник умеренного курса, оставая в 1913 году президентский пост, заявил: «Если мы и заслуживаем какой-либо критики за нашу деятельность на островах к 1913 году, то лишь за то, что мы немного поторопились с расширением политической власти туземцев Филиппин». Он предупредил, что, если американские власти уйдут с островов, нет никакой гарантии, что «спокойствие и законность будут сохранены и не начнутся беспорядки»²⁰.

3. «Обращайтесь с Филиппинами, как с Кубой»

Теперь филиппинский вопрос состоял не в том, должны или не должны США иметь на островах колонию, а в том, созрели или нет филиппинцы для того, чтобы под их управлением были там сохранены американские интересы. Такая слегка переиначенная его постановка вполне устраивала противников колониализма и сторонников перемен в Америке. Точно так же, как все реформы в США лишь накинули блестящую оболочку на неприкрытое господство монополий, ничем его реально не стеснив, «устойчивое» филиппинское управление должно было замаскировать колониальные по своей сути привилегии американцев на островах.

Как отнеслись к филиппинскому вопросу поборники реформ, видно из позиции Джейкоба Шермана. Он был согласен на то, чтобы Америка властвовала на островах, но возражал против тех форм и путей, которыми осуществлялась эта власть. Шерман долго был в подавленном состоянии в результате разногласий с другими членами комиссии, носившей его имя в 1899 году, но, когда власть США на Филиппинах окончательно утвердилась, он с новой энергией вернулся к тому же вопросу.

Обвинения в предательстве и пособничестве врагу, которые неслись в адрес антимпериалистов во время

войны с филиппинцами, заставили его на некоторое время умолкнуть. Но когда война стала затихать и открылись новые ужасающие злоупотребления, Шерман снова поднял голос. Его речь, произнесенная 20 января 1902 года, вызвала одобрение со стороны Антимпериалистической лиги, а генерал Уитон на Филиппинах заметил, что «у нас здесь за разговоры такого рода, какие ведет профессор Шерман, людей сажают в тюрьму»²¹.

В эту пору Шерман признавался друзьям: «Оскорбительно, когда меня принимают за шовиниста или империалиста. В крайнем случае можно сказать, что я экспансионист поневоле. Но главное в том, что я — за предоставление филиппинцам полного самоуправления, как только они превратятся в единую нацию, способную осуществлять те права и обязанности, которые связаны с независимым и суверенным существованием»²². Он утверждал, что поддерживал Маккинли, будучи убежден, что «американский народ в конце концов сделает именно то, о чем мечтают филиппинцы»²³.

Когда был принят Органический закон, Шерман стал все активнее выступать за расширение самоуправления филиппинцев и им было официально обещано предоставить островам независимость. Теперь его позиции смыкались с позицией Антимпериалистической лиги, которая стала распространять в напечатанном виде его выступления и приглашать его на свои заседания. Единственной причиной, по которой он не принимал эти приглашения, было нежелание, чтобы считали, что он солидарен с *против* действиями Лиги, выступавшей в свое время против захвата Филиппин (то есть он не хотел, чтобы его обвиняли в непоследовательности)²⁴. Вместо этого Шерман объявил, что примыкает к «сторонникам филиппинской независимости», и стал создавать Комитет независимости Филиппин, который был учрежден в январе 1904 года. Комитет много сделал для того, чтобы политические партии включили пункт по филиппинскому вопросу в свои предвыборные программы этого года.

Комитет независимости Филиппин Шерману помогала создавать Джозефина Шоу Лоуэлл. Она была деятельная и богатая дама, основательница Нью-Йоркского благотворительного общества, ставшая затем главой Совета благотворительных обществ штата Нью-Йорк. Дж. Шоу Лоуэлл удалилась с этого поста, когда поняла, что надлежит

заниматься не следствиями, а причинами. «Если бы у трудящихся было все то, что они должны иметь, у нас не было бы нищих и преступников», — говорила она²⁵. Такого рода перемена взглядов характерна для многих людей того времени, которые, занимаясь общественной деятельностью, постепенно переходили от поверхностных мер к серьезному участию в политической жизни и становились сторонниками реформ. Секретарем нового Комитета стал другой поборник перемен, Эдвард Ордуэй.

Многие из тех, кто согласился участвовать в Комитете независимости Филиппин, в свое время разделяли цели Антиимпериалистической лиги. Но, как можно заключить из списка его членов, в Комитете были представлены более широкие круги общественности (в частности, научные), протестующие против притеснения филиппинцев. Организаторов Комитета воодушевлял тот факт, что даже такой человек, как Генри Кэбот Лодж, стал менять свои взгляды, поняв, что нет никакой надежды на получение быстрой экономической выгоды от захвата Филиппин. Лодж признавался, что ему вообще надоело заниматься вопросами создания империи. «Американцы потеряли к этому всякий интерес. Это больше не проблема», — писал он 6 мая 1903 года²⁶. Миссис Лоуэлл даже решила послать Элиу Руту приглашение вступить в члены Комитета. Рут отказался на том основании, что филиппинцам-де понадобится так много времени «дорости до зрелости», что говорить сейчас о независимости — значит «приносить вред, а не пользу». Впрочем, он полагает, что вскоре отношения США и Филиппин «примут фактически форму протектората над вполне независимым народом»²⁷.

Шерман, который сумел привлечь многих представителей научных кругов в свой комитет, ратовал за то, чтобы «неустанно повторять лозунги: «Независимость Филиппинам» и «Обращайтесь с Филиппинами, как с Кубой»²⁸. Он обратился к редактору «Нью-Йорк трибюн» с призывом поддержать требование «такой же независимости Филиппин, какую имеет Куба под покровительством Америки»²⁹. Его идея совпадает с тем, к чему пришел Рут, различаясь лишь в их представлении о скорости процесса.

22 апреля 1904 года Комитет независимости Филиппин направил к президенту Рузвельту делегацию с петицией,

требующей взять курс на быстрое предоставление независимости. Петицию подписали 600 профессоров различных колледжей и университетов (90 из Гарвардского университета, 50 — из Леланд-Стэнфордского и 30 — из Корнельского), 50 епископов и более 60 судей, а также такие известные люди, как Гровер Кливленд, кардинал Фэрли и Эндрю Карнеги³⁰. Кроме того, были направлены обращения в адрес конвентов обеих политических партий. Это помогло при формулировке соответствующего пункта в программе демократов, но на республиканцев не оказало должного воздействия.

Существенная близость позиций Комитета независимости Филиппин и Антиимпериалистической лиги в этот период была подтверждена предложением Лиги распространить тексты речей Шермана, произнесенных во время кампании. Шерман дал согласие. После выборов 1904 года Ирвинг Уинслоу из Антиимпериалистической лиги обратился к Шерману с планом создания «новой организации на свободных началах» и предложил ему пост ее вице-президента³¹. Было достигнуто соглашение, что ее целью будет «настойчивая борьба за скорейшее предоставление полной независимости Филиппинским островам». Однако Шерман стал возражать против того, чтобы за этой организацией сохранялось название «Антиимпериалистическая лига», и в конце концов отклонил предложение об участии, сказав, что он «сможет лучше способствовать успеху дела, не связывая себя подобными рамками»³².

Вместо этого Шерман, миссис Лоуэлл и Ордуэй создали новую и более широкую организацию. Это была Лига прогресса филиппинцев, основанная в феврале 1905 года. Шерман согласился ее возглавить. Он считал, что новое общество должно бы называться Лига независимости Филиппин, но в конце концов принял название, предложенное президентом Гарвардского университета Чарлзом Элиотом. Как объяснял Ордуэй, это было сделано потому, что Элиот «представлял большую категорию людей, которые были искренними сторонниками независимости, но не хотели восстанавливать власти против себя»³³. В Лигу прогресса филиппинцев вошло большинство членов Комитета независимости. Президентом стал Шерман, казначеем — Горас Уайт, секретарем — Эдвард Ордуэй. В Исполнительный совет вошли: Шерман, Чарлз Берлингхэм, преподобный

И. Паркхерст, Джордж Сьюард, д-р Феликс Адлер и Чарлз Рассел Лоуэлл. Первое обращение Лиги к правительству содержало призыв прекратить продажу опиума на Филиппинских островах. Широта программы привлекла в Лигу много новых людей, в том числе немало крупных финансистов.

Как говорилось в программе Лиги прогресса филиппинцев, она стремилась «способствовать воплощению в жизнь надежды президента Рузвельта, что Филиппины со временем будут «находиться с Соединенными Штатами примерно в тех же отношениях, в каких сейчас находится Куба». Лига была создана, с тем чтобы «добывать и распространять информацию о промышленности, коммерческой и политической жизни на Филиппинских островах», равно как и «способствовать введению законов, благоприятных для филиппинцев» (типа запрещения торговли опиумом). Необходимость в этом, указывала Лига, вызвана стремлением не отдавать колонию «полностью в распоряжение чиновников, которые все более пренебрегают своими обязанностями, и в руки частных лиц, чьи преимущественно коммерческие интересы могут совпадать, а могут и не совпадать с интересами жителей колонии». Программа указывала на необходимость «борьбы с растущим равнодушием и пренебрежением, иначе пропадут все наши усилия по оказанию содействия филиппинцам в политическом, экономическом или любом другом отношении»³⁴.

Определив, таким образом, свои задачи, Лига прогресса филиппинцев взялась за борьбу с наиболее открытыми формами колониальной эксплуатации и злоупотреблений. Она добивалась, чтобы администрация не отступала от политики «обучения самоуправлению», провозглашенной в качестве цели колониального режима. По сути дела, это была та же самая роль, которую исполняла в 1902 году Антиимпериалистическая лига. Последняя более открыто выступала за независимость, тогда как Лига прогресса предпочитала оказывать скрытое влияние за кулисами. Обе вместе они способствовали непрерывному нажиму на правящие круги, понуждая их к отказу от имперской политики колониалистского толка и переходу к косвенным методам распространения американского влияния за рубежом.

4. Колониальный вопрос решен

Империалистическая политика постепенно приходила в соответствие с реальным соотношением сил внутри Америки. На этом пути имели место два эпизода, заслуживающие упоминания. Один из них связан с последней серьезной попыткой колониалистских элементов добиться своих целей на Филиппинах в период президентства Таффа. Другой относится к расширению самостоятельности филиппинских политических деятелей и к данному правительством Вудро Вильсона обещанию предоставить колонии независимость.

В 1909 году был принят закон Пейна — Олдрича о таможенных тарифах, включавший пункт в духе «свободной торговли» о разрешении беспошлинного ввоза в США 300 тысяч тонн филиппинского нерафинированного сахара. Это возбудило у владельцев компании «Америкен шугар рифайнинг» желание получить широкий доступ к филиппинским землям, чтобы производить там сахар. Филиппинские производители этой культуры в данный момент еще не могли воспользоваться преимуществами, которые давала отмена пошлины, и американские сахарозаводчики надеялись захватить в свои руки львиную долю установленной квоты.

Чтобы добиться своих целей, они попытались обойти те ограничения на размер земельной собственности, которые устанавливал Органический закон. Был тщательно подобран ряд юридических аргументов и предприняты надлежащие шаги в рамках Филиппинской комиссии и военного министерства, чтобы добиться исключения из категории государственных земель бывших церковных владений, приобретенных колониальными властями по соглашению с Ватиканом в 1903 году и предназначенных для продажи. Таким образом было поставлено на торги и продано ранее принадлежавшее монашескому ордену имени Сан-Хосе площадью 22 484 гектара на острове Миндоро к югу от Манилы.

Сделка состоялась 4 января 1910 года, но была опротестована как незаконная владельцами плантаций сахарной свеклы в Соединенных Штатах. Мартин, член палаты представителей от штата Колорадо, где были сосредоточены эти плантации, внес в конгресс проект резолюции, требующей расследования обстоятельств сделки³⁵.

Последующие дебаты выражали собой, по сути дела, борьбу между американскими производителями свекольного сахара и трестом «Америкен шугар рифайнинг», производящим тростниковый сахар на Кубе, Пуэрто-Рико и Гавайях.

В проведенном конгрессом расследовании этого дела приняла участие Антиимпериалистическая лига в лице своего представителя Мурфилда Стори и адвоката Джексона Рэлстона, выступивших против продажи бывших церковных земель.

В ожидании принятия закона Пейна — Олдрича компания «Америкен шугар рифайнинг» послала в марте 1909 года на Филиппины своего представителя осмотреть на месте приобретаемые земли. Это был некто Монтгомери Стронг, состоявший в одной из адвокатских контор, к которой принадлежал и Генри Тафт, брат президента³⁶. Хотя эта контора впоследствии ретировалась со сцены и в заключении сделки участвовала уже другая, все же причастность Тафта к этому делу не могла не быть известна Филиппинской комиссии. Сделку подготавливали Дин Вустер и его департамент внутренних дел, а Филиппинская комиссия оказала содействие принятием поправки к закону о государственных землях (принятому в свое время в соответствии с Органическим законом); согласно этой поправке, церковные земли оказывались в ведении особых административных органов. Генерал-губернатор Форбс 22 октября 1909 года телеграфировал в Бюро по делам островов: «Приняты законы № 1847 и № 1933 в качестве поправок к закону о церковных землях. Администрация получает право продажи пустующих церковных земель без ограничения площади»³⁷.

В сделке по покупке имения Сан-Хосе участвовали Горас Хевмейер, директор «Америкен шугар рифайнинг компани», Сенф, бывший вице-президент этой корпорации, и Чарлз Уэлч, вице-президент «Уэлч и компани» — калифорнийской корпорации по торговле сахаром. Все они занимались выращиванием сахарного тростника: Хевмейер — на Кубе, Сенф — на Пуэрто-Рико, Уэлч — на Гавайях.

Конгрессмен Мартин, требуя расследования этих попыток обойти филиппинские земельные законы, обвинил президента Тафта и государственного секретаря Рута в сговоре с целью отдать острова в руки сахарного треста³⁸,

Дин Вустер и генерал-губернатор Форбс действительно запрашивали правительство Тафта по поводу этой продажи; и военный министр и генеральный прокурор США ее одобрили. О позиции самого Тафта, стоявшего за то, чтобы разрешить сильное расширение американских земельных владений на Филиппинах, было известно всем. Более того, когда он стал президентом, Филиппинская комиссия сочла возможным затеять еще две темные земельные сделки. 21 января 1910 года одно из бывших церковных владений — имение Изабелла площадью 49 727 акров — было сдано в аренду группе американцев из Манилы под сахарные и табачные плантации. Племянник Дипа Вустера получил в аренду 1 апреля 1909 года участок в провинции Нуэва Эсика площадью 997 гектаров. Фрэнку Карпентеру, секретарю Филиппинской комиссии, было передано в аренду 20 апреля 1908 года поместье Тала размером 13 тысяч гектаров. Эти факты Мартин также привел как примеры злоупотреблений со стороны колониальных чиновников, корыстно заинтересованных в этих земельных сделках.

Вустер пытался оправдать свое участие в этих операциях. «Продажа имения Сан-Хосе, — заявил он, — должна приветствоваться по двум причинам. Во-первых, это дает ценную возможность филиппинцам, выращивающим сахарный тростник, познакомиться на практике с преимуществами современных методов его производства. Во-вторых, это даст филиппинским рабочим возможность хорошо заработать»³⁹. Филиппинская ассамблея тем не менее в своей резолюции выразила совершенно иное мнение: «Объявляя продажу в неограниченных пределах обширных участков, принадлежащих к так называемым «церковным землям», делом, противоречащим воле, чувствам и интересам филиппинского народа, поскольку... этим может быть подорвано столь желанное спокойствие и счастье, [ассамблея] полагает, что корпорации навязуют филиппинским капиталистам и производителям губительную конкуренцию, поскольку, располагая мощными средствами, они возобладуют в области эксплуатации местных ресурсов. Утвердившись в стране, эти корпорации станут большим препятствием на пути общего политического освобождения, которого ждет филиппинский народ»⁴⁰.

В выводах, вынесенных на основании расследования, которое проводилось конгрессом по протесту Мартина,

отразились острые противоречия и борьба интересов вокруг этого вопроса.

Позиция представителей Антиимпериалистической лиги, присутствовавших при рассмотрении вопроса и выдвигавших свои предложения, была довольно твердой. Мурфилд Стори настаивал, что «положения Органического закона были направлены против эксплуатации Филиппинских островов американскими и иными капиталистами». Поэтому «нет никаких оснований для того, чтобы лучшие сельскохозяйственные угодья, принадлежавшие религиозным орденам, отдавались кому угодно в эксплуатацию и вообще чтобы был отброшен тот политический курс, который предусмотрен упомянутым законом»⁴¹.

Адвокат Лиги Джексон Рэлстон отмечал: «Прямое или косвенное участие в покупке или аренде земель со стороны филиппинских государственных служащих должно расцениваться как уголовное преступление. Необходимо принять такого рода закон, который никоим образом не допускал бы эксплуатации американцами Филиппин в течение всего того времени, пока мы осуществляем над ними свою юрисдикцию»⁴².

В это время было очень трудно добиться принятия конгрессом США таких решений, которые изменяли бы филиппинское земельное законодательство в интересах треста «Американ шугар рифайнинг» или любой иной корпорации, конкурирующей с производителями местного американского сахара. Поэтому никаких дальнейших решений на этот счет конгресс с тех пор не принимал. 28 февраля 1914 года филиппинские законодательные органы (ассамблея и комиссия) провели закон, ограничивающий продажу земель из государственного фонда пределом в 16 гектаров для частных лиц и 1024 гектара для корпораций. Таким образом, церковные земли подпадали под действие Органического закона. Сделка с именем Сан-Хосе была оставлена в силе главным образом, конечно, потому, что отменить ее — значило бы признать ее незаконность и дискредитировать американские колониальные власти. Однако этот случай остался последней попыткой американских монополий захватить земли на Филиппинах за весь колониальный период. Антиколониалисты выдвигали среди прочих довод, что, если американские монополии успеют окопаться на Филиппинах, это затруднит предоставление независимости островам, когда для этого по-

явится возможность. В этот период американское правительство продолжало быть в тесной зависимости от сторонников экспансии и поэтому не соглашалось обещать предоставления даже самой ограниченной независимости. Однако к концу срока правления Тафта антиколониалистски настроенные демократы снова поставили этот вопрос, внося резолюции и билли с требованиями независимости Филиппин.

Так, член палаты представителей Шарп Уильямс из штата Миссисипи внес подобный билль в 1910 году, а через год проект сходной общей резолюции палаты был предложен депутатом Фэррисом. В том же 1911 году в результате очередных выборов палата представителей перешла в руки Демократической партии и председателем палатной комиссии по делам Филиппинских островов стал антиколониалист Уильям Джонс, представитель штата Вирджиния. Он внес от своего имени слегка исправленный вариант билля Уильямса. Этот билль был одобрен палатой в 1912 году и затем передан в сенат, где большинство по-прежнему принадлежало республиканцам.

Внесенный в 1912 году билль Джонса предполагал «установить режим ограниченной независимости для Филиппин и оговорить дату, когда эта ограниченная независимость станет полной и абсолютной». Этот билль не прошел, но последующее избрание Вудро Вильсона в этом же году и переход в руки демократов как палаты, так и сената снова поставили на повестку дня вопрос об имперской политике в Азии. Окончательно вопрос был решен, когда президент Вильсон заявил в речи после своего избрания: «Сейчас Филиппины — это наш форпост, но я полагаю, что нам пора от него отказаться».

После открытия Филиппинской ассамблеи в 1907 году, что расценивалось антиколониалистами как важнейший шаг на пути к автономии Филиппин, сторонники сохранения колониальных владений стали возводить всевозможные препятствия дальнейшему продвижению в этом направлении. В колониальной администрации все ключевые посты — от членов Филиппинской комиссии до начальников бюро, их помощников и начальников различных учреждений, посты в провинциальных органах и судебных ведомствах — прочно были закреплены за американцами. Число американцев на колониальной службе выросло с 2479 человек в 1908 году до 2680 в 1912 году⁴³.

Президент Тафт в своем последнем послании конгрессу 6 декабря 1912 года, говоря о положении на Филиппинских островах, осудил билль Джонса, назвав его «замаскированным дезертирством». Затем он обрушился на планы расширения автономии филиппинцев, которые, по его словам, «нуждаются в постоянной поддержке и опеке на каждом шагу со стороны американцев». Тафт предсказывал, что «начнутся распри и беспорядки». Он утверждал, что «после того, как три года назад филиппинцы получили свободный доступ к нашим рынкам, началось бурное развитие торговли на островах и возникли реальные перспективы дальнейшего экономического роста и возникновения различных отраслей промышленности. Если устранить контроль американцев, развитие неминуемо заглухнет»⁴⁴. «Нейшпил сити бэнк» солидаризовался с президентом, выступив с длинным заявлением, осуждавшим какие-либо шаги к предоставлению Филиппинам независимости⁴⁵.

Тафт предпринял поездку по стране, выступая против планов независимости. Он делал такие заявления: «Расходы по содержанию войск на островах фактически равны нулю, и я всегда буду против любых мер, направленных к освобождению Филиппин»⁴⁶. Почти все высшие чиновники колониальной администрации придерживались подобных взглядов.

На самих Филиппинах местная организация демократической партии, состоящая из бизнесменов и чиновников, фактически приняла позицию Тафта. Хотя эта организация распадалась на две враждующие фракции, обе были против независимости. Одна фракция стояла за либерализацию законов о земле и недрах, требовала законодательства, которое «привлечет и стимулирует помещение капиталов на Филиппинских островах и обеспечит им надлежащую защиту». Другая фракция требовала, чтобы Филиппины были превращены в «неотъемлемую часть Соединенных Штатов Америки» и на этой территории существовало бы местное правительство такого типа, как в Канаде или Австралии.

Генерал-губернатор Форбс со своей стороны продолжал твердить уже отжившие доводы экспансионистов о том, что, мол, поборники независимости в США «недооценивают... преимущества, которыми обладает военно-морская база, расположенная у самых дверей Китая».

По мере обсуждения этой проблемы в кругах демократической партии и в комиссиях конгресса становилось ясно, что для антиколониалистов вопрос о независимости, как таковой, отнюдь не стоял на первом месте. Самым важным для них было решить, смогут или не смогут быть обеспечены американские интересы при условии полной автономии Филиппин. В программах демократической партии 1908 и 1912 годов именно это и подчеркивалось словами о том, что необходимо «немедленно провозгласить целью нашего государства предоставление независимости филиппинским островам, как только там будет установлено «стабильное управление». Как выразился генерал-губернатор Форбс: «Истинные разногласия между двумя партиями на самом деле сводятся к тому, что понимать под словом «стабильное»⁴⁷.

Первый билль Джонса, не принятый в 1912 году, содержал положение о предоставлении независимости Филиппинам через восемь лет после принятия закона. Именно из-за этого пункта билль и вызвал противодействие многих закоренелых экспансионистов. Когда после избрания Вильсона был внесен в конгресс второй билль Джонса, то в нем уже не было точной даты предоставления независимости. Полное название предлагаемого закона звучало так: «Закон, провозглашающий намерения народа Соединенных Штатов относительно будущего политического положения народа Филиппинских островов и предоставляющий этим островам более самостоятельное управление». О независимости говорилось только в преамбуле:

«Поскольку, начавшая войну с Испанией, народ Соединенных Штатов не имел никаких намерений превращать ее в войну за территориальное расширение и захваты, а также

Поскольку намерением народа Соединенных Штатов является в настоящем — и всегда являлось в прошлом — прекратить свой суверенитет над Филиппинскими островами и признать их независимость, как только там будет установлено стабильное управление, а также

Поскольку для скорейшего достижения этой цели желательно передать в руки филиппинского народа возможно большие права по управлению своими внутренними делами, в той мере, в какой это допустимо сделать в настоящее время, не нарушая суверенитета народа

Соединенных Штатов, с тем чтобы дать возможность филиппинцам в процессе осуществления избирательного права и административного управления наилучшим образом подготовиться к принятию на себя всей полноты ответственности и использовать все преимущества полной независимости...» и т. д.

В том, что касается деталей, билль предполагал организацию второй палаты в законодательном органе, то есть образование сената, который должен был заменить Филиппинскую комиссию. Иными словами, в пределах поставленных Органическим законом и дополнительными законами колонии, все внутренние дела должны были перейти в ведение филиппинцев. Правда, право вето сохранялось за американским генерал-губернатором по всем вопросам, касающимся суверенитета США и прав американских граждан на Филиппинах. Билль Джонса подразумевал, как это совершенно ясно видно, что обещанная независимость будет предоставлена только тогда, когда филиппинцы докажут, что они готовы сохранить в неприкосновенности американскую торговлю, капиталы и стратегические интересы США на островах.

Только после трехлетних дебатов и обсуждений, 29 августа 1916 года, конгресс (за это время в результате перевыборов сменился его состав) наконец принял законопроект Джонса. За этот период произошло несколько важных событий и перемен, оказавших решающее влияние на правящие круги и на те группы в конгрессе, от которых зависело принятие билля.

Наиболее важным обстоятельством было переключение на Европу американских империалистических устремлений как следствие разразившейся первой мировой войны. Все финансовые ресурсы страны были брошены на займы, а также на связанную с этим закупку европейской собственности в США и на расширение промышленного производства для военных целей. Кроме этого, возрос интерес и к Латинской Америке, где обнаруживались возможности для американского проникновения в связи с неспособностью европейских держав сохранять там прежние позиции. Параллельно с этой концентрацией финансовой мощи в Атлантике и на Европейском континенте сосредоточились американская армия и флот, доказывая силу той стратегии, которая проводилась Соединенными Штатами в первое десятилетие XX века.

Падению интереса к Филиппинам способствовало и положение в самой колонии. Один из наиболее крупных объектов американских капиталовложений — железные дороги — испытывали трудности. Эксплуатируемые компанией «Филиппин рейлуэй К^о» железные дороги на о-вах Себу и Панай оказались нерентабельными, и к 1915 году колониальная администрация вы платила около двух миллионов долларов, чтобы поддержать гарантированную акционерам четырехпроцентную прибыль. Более солидная фирма «Манила рейлроуд К^о» на Лусоне столкнулась с аналогичными трудностями. В 1914 году расходы колониальных властей на обеспечение гарантированных прибылей составили 25 800 долларов, а в 1915 году возросли до 41 500 долларов. Более того, властям пришлось выделить дополнительный кредит на прокладку железнодорожного полотна в размере 2,8 миллиона долларов. В 1915 году колониальная администрация была в конце концов вынуждена закупить всю собственность «Манила рейлроуд К^о».

Ввиду недостатка частных капиталовложений в развитие колонии властям приходилось создавать государственные корпорации, например «Нэйшнл девелопмент компани», «Нэйшнл коал компани», «Нэйшнл семент компани». Наряду с этим, несмотря на возросшие потребности в сырье, которые испытывала военная промышленность США, филиппинским производителям практически не предоставлялся кредит, и они соответственно не могли извлечь выгоду из создавшейся ситуации и расширить свое производство.

Впоследствии, в 1916 году, был создан государственный банк — «Филиппин нэйшнл бэнк», предназначенный в основном для кредитования производителей сахара и кофры. Кроме того, в этот новый банк были переведены из банков США фонды филиппинской колониальной администрации.

Американо-филиппинская торговля, сильно оживившаяся после введения тарифов, установленных законом Пэйна — Олдрича, теперь замерла на одном уровне и даже стала сокращаться. Экспорт на Филиппины с 25,4 миллиона долларов в 1913 году снизился до 22,9 миллиона долларов в 1916 году⁴⁹.

К этим тенденциям прибавлялась еще одна зловещая опасность, порожденная войной. Япония воспользовалась тем, что остальные страны были заняты войной в Европе,

чтобы усилить свои позиции в Китае. Она объявила войну Германии и сразу же атаковала и захватила опорные германские базы в Циндао и на полуострове Шаньдун. 18 января 1915 года Япония предъявила Китаю известное «Двадцать одно требование». Этот шаг обозначал фактически претензию на преобладание Японии в Китае, особенно в Северном Китае и Маньчжурии, то есть в районах, которые в свое время привлекали американских империалистов. Хотя «Требования» были сильно изменены под влиянием протестов других держав, включая США, Япония на протяжении всей войны продолжала оставаться основным источником займов для Китая и сумела добиться своих главных целей.

Как всегда, демонстрация силы Японией сразу отразилась на отношении американцев к Филиппинам. Без сомнения, это ускорило продвижение к тому, чтобы поощрять независимость. Считалось, что такой шаг сможет создать впечатление об отсутствии у Америки агрессивных намерений в Азии и лишить Японию оправданий для враждебного отношения к присутствию США на Филиппинах.

Действия Японии привели к решительному повороту в отношении к биллю Джонса, когда он был поставлен на голосование в конгрессе США в 1916 году. Успешно пройдя через палату представителей, он был передан в сенат. Здесь сенатор Джеймс Кларк от штата Арканзас внес поправку, согласно которой независимость должна быть предоставлена не раньше чем через два и не позже чем через четыре года после принятия закона. (Первоначально он предлагал срок не ранее чем через год и не позже чем через два года, но изменил свое предложение после личного вмешательства президента Вильсона⁵⁰.) В этом случае независимость должна была быть предоставлена Филиппинам не позже августа 1920 года.

Кларк не скрывал своего желания, чтобы Япония забрала Филиппины себе⁵¹. Его родной штат Арканзас производил сахар, и все наиболее ярые его сторонники в сенате (Лафолетт от штата Висконсин, Уильямс от штата Миссисипи, Шефрот от штата Колорадо, Хитчкок от штата Небраска и Эшорст от штата Аризона) представляли районы, где выращивалась или перерабатывалась сахарная свекла. Сенат разделился поровну (41 и 41) при голосовании поправки Кларка. Исход решил голос вице-президента Томаса Маршалла, поданный в ее пользу.

Такой неожиданный оборот дела, менявший прежний курс политики, был ударом не только для кругов, связанных с торговлей и капиталовложениями на Филиппинах, но и для военной верхушки.

Не сумев воспрепятствовать событиям, военный министр Линдлей Гаррисон заявил Вильсону об отставке.

Билль с поправкой мог быть принят палатой представителей. Для его противников оставалась единственная возможность провалить поправку Кларка — в отчаянии обратиться к католической церкви с просьбой оказать давление на конгрессменов-католиков. Организовать католическую оппозицию взялся Тафт. Католическая церковь на Филиппинах была оповещена об опасности, которая угрожает ее владениям в случае провозглашения независимости. Там все еще помнили о конфискации церковных земель первой Филиппинской Республикой. В одной лишь Маниле в 1914 году церковь владела собственностью на 50 миллионов долларов⁵². Американский кардинал Гиббонс заявил: «Я полагаю, что, по крайней мере на сегодняшний день, благополучие островов наилучшим образом может быть сохранено при заботе и под управлением Соединенных Штатов». Возглавленные конгрессменом-католиком от штата Нью-Йорк Фицджеральдом, 30 демократов примкнули к республиканской оппозиции, выступавшей против поправки. Таким образом, законопроект Джонса был принят в своей первоначальной форме, без указания на сроки предоставления независимости Филиппинам.

С принятием закона Джонса была официально утверждена как политический курс тенденция, набравшая силу с тех пор, как Вудро Вильсон вступил на президентский пост. В течение нескольких месяцев его правительство сделало ряд шагов, чтобы перестроить колониальный режим на Филиппинах, прогнать остатки старой колониальной гвардии «времен империи» и стимулировать филиппинизацию чиновничьего аппарата. Число американцев в колониальной администрации резко упало с 2623 человек в 1913 году до 582 в 1920 году⁵³. В порядке подготовки к учреждению сената в полностью измененной Филиппинской комиссии филиппинцам было предоставлено большинство.

Начались интриги вокруг кандидатуры губернатора, которому придется проводить в жизнь новую политику.

Антиимпериалистическая лига предложила известного неподкупного сторонника реформ Томаса Мотта Осборна⁵⁴. Филиппинские политические лидеры через своего резидента-комиссара * Мануэля Кэсона настаивали на кандидатуре Фрэнсиса Бартона Гаррисона из Таммани Холла **, конгрессмена от штата Нью-Йорк и известного члена комиссии по ассигнованиям палаты представителей⁵⁵. Вилсон назначил Гаррисона генерал-губернатором. Весьма показательно, что именно он был выбран на роль человека, которому предстояло непосредственно формировать новую колониальную политику, соответствующую новым империалистическим планам.

На самих островах те филиппинцы, которые были введены в колониальную администрацию, всеми силами стремились показать, что они готовы обеспечить «стабильное управление», как его понимали антиколониалисты. Резолюция филиппинской ассамблеи, принятая после прибытия Гаррисона на острова, обещала, что будет «продемонстрирована существующая способность филиппинского народа установить свое собственное правление и обеспечить при этом правлении постоянную гарантию безопасности для жизни, собственности и свободы как местных, так и иностранных жителей островов»⁵⁶. Эта позиция была четко выражена в словах Серхио Осменьи, спикера филиппинской ассамблеи со дня ее основания, сказанных по поводу последствий закона Джонса: «Филиппинцы знают, что теперь они живут в условиях автономии, означающей испытание для них, а не для генерал-губернатора, и поэтому они сами, а не генерал-губернатор обязаны установить здесь стабильное управление»⁵⁷.

В этой связи наиболее успокоительной для США была реакция в некоторых филиппинских кругах на дебаты по поправке Кларка. Многочисленные петиции поступали на имя генерал-губернатора Гаррисона или в Вашингтон с решительным протестом против ухода американцев с Филиппинских островов и с просьбой отложить рассмотрение вопроса о независимости по меньшей мере на 20 лет. Такие заявления шли преимущественно от «крупных собст-

* Резидент-комиссаром именовался постоянный представитель филиппинского законодательного собрания при конгрессе США.

** Таммани Холл — штаб-квартира демократической партии.

венников сахарных плантаций из южных провинций, которые понимают, что процветание, да и само существование их предприятий, зависит от сохранения связей с Соединенными Штатами»⁵⁸. Эти плататоры стали ведущей силой в экономической жизни Филиппин, и их влияние на политическую жизнь и финансы непрерывно возрастало. В условиях практически однопартийного правления Партии националистов роль «сахарного блока» была весьма существенной. Несомненно, именно они имелись в виду, когда корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщил из Манилы 12 января 1916 года (после одобрения сенатом поправки Кларка), что филиппинские политические деятели в частных беседах выражают недовольство этим шагом.

Среди противников колониализма в самих США встречалась самая различная реакция на закон Джонса в его окончательной форме и на позицию филиппинских лидеров. Шерман соглашался с необходимостью оговорить время предоставления независимости, ибо «суверенитет над Филиппинами не рассматривается более американским народом как преимущество». Однако Шерман приветствовал закон Джонса, поскольку «он оставляет Соединенным Штатам все те преимущества, которыми они располагают в настоящее время»⁵⁹. Антиимпериалистическая лига поддерживала с самого начала билль Джонса и неоднократно, в 1912 году и позднее, обращалась с петициями в конгресс, чтобы способствовать его принятию (Мурфилд Стори принимал участие в выработке формулировок билля). Но Лига выразила неудовлетворение принятым законом, так как расплывчатость формулировки обещания независимости могла дать будущим правительствам возможность до бесконечности оттягивать или пересматривать решение этого вопроса.

Внутри самой Антиимпериалистической лиги между тем основные разногласия возникли по поводу позиции филиппинских лидеров. Хотя Лига критиковала закон Джонса в его окончательном варианте, все же было сочтено, что «надо его одобрить, поскольку с ним согласны сами филиппинские представители». По мнению руководителей Лиги, следующей ступенью должна была быть борьба за немедленное предоставление независимости. Этот вопрос они собирались поднять в конгрессе еще до выборов 1920 года. Когда лидеры филиппинской Миссии

Подводя итоги

1. Затраты и прибыли

Споры вокруг филиппинской политики и соответственного вопроса о колониальных владениях вообще были отнесены к числу так называемых «больших дебатов» в американской истории. Это также были дебаты, значение которых осталось наименее выясненным и которые далеко не просто и не скоро прекратятся. В тех или иных аспектах и, конечно, в других формах те же вопросы постоянно возникали в жизни Америки и возникают до сих пор.

Начиная с 1898 года эти большие дебаты вращались вокруг вопроса, требует ли распространение американской торговли и капиталов за пределы США владения колониями в духе традиционного империализма. В конце концов в результате возникло то, что теперь известно как «неоколониализм», то есть система, при которой сохраняются все преимущества и главные черты колониального владычества над эксплуатируемой страной, которая не является непосредственно колониальным владением.

С момента своего зарождения в XIX веке современный империализм далеко не всегда находил необходимым или возможным добиваться колоний в том районе, который он подвергал эксплуатации. Сферы влияния, создаваемые зачастую в тех районах, где соперничающие империалистические державы имели приблизительно равные силы (например, в Китае в определенные периоды, а также в Латинской Америке), во многих аспектах сходны с явлениями неоколониализма. Впрочем, этот термин применяется сейчас в основном к бывшим колониям, где полученная «независимость» превратилась в большей или меньшей степени в фасад, за которым скрываются

независимости*, посланной в США в 1919 году, отказались настаивать на немедленной независимости, полагая это «несвоевременным», руководители Лиги возмутились. Было более чем очевидно, что в стремлении к «стабильному управлению» главное слово принадлежало «сахарному блоку».

Один из вождей Лиги, Фиске Уоррен, писал, что ему «представляется сомнительной искренность некоторых филиппинских лидеров, когда они выдвигают требование немедленного предоставления независимости». Видимо, «они ее требуют только потому, что тот, кто на Филиппинах колеблется в этом вопросе, сразу же гибнет как политический деятель». Секретарь Лиги Ирвинг Уинслоу рискнул открыто выступить с критикой Мануэля Касона, возглавлявшего Миссию независимости. Уинслоу высказывал опасения, что при «стабильном управлении» узкие, но влиятельные филиппинские группировки, которым выгодны колониальные условия «свободной торговли», будут затягивать освобождение колонии. Мурфилд Стори не согласился с этим мнением, и в результате разгоревшихся споров об оценке закона Джонса многие люди покинули ряды Лиги⁶⁰.

Споры же касались в основном вопроса о времени предоставления независимости (которое закон Джонса делал неизбежным), но не основного содержания этого закона. «Стабильное управление», по мнению всех группировок в американском правительстве, было средством сохранить в неприкосновенности и упрочить американские «права» на Филиппинах. По мнению очень многих, двадцатилетний разрыв между принятием закона Джонса и окончательным предоставлением независимости в 1946 году был ненужной задержкой. Принципы американской колониальной системы были выработаны, и сохранение Филиппинской колонии на этот срок было анахронизмом в американской империалистической политике.

* Миссии независимости, составленные из представителей политических и общественных организаций, периодически посылались в США Филиппинской ассамблеей начиная с 1919 г. с целью мобилизовать общественное мнение и депутатов конгресса США на поддержку требований ассамблеи.

сохранившаяся власть иностранных монополий и их стратегические интересы.

Именно это оставалось основной темой «больших дебатов», проводившихся антиколониалистами в США, хотя зачастую она не формулировалась четко и возникала видимость обсуждения чисто моральных проблем. Однако предоставленне независимости Филиппинам не было вопросом победы морального принципа свободы для филиппинцев над аморальным принципом колониального угнетения филиппинцев, так же как отмену рабства негров в Америке в 1863 году нельзя называть освобождением чернокожих американцев. И в 1970 году филиппинцы все еще не преодолели тех ограничений своей свободы, которые наложил на нее в 1916 году принцип «стабильного управления», содержащейся в законе Джонса. Именно неоколониальному «стабильному» правительству, обещавшему защищать американские интересы, была вручена независимость Филиппин в 1946 году.

Не всегда замечают, что испано-американская война (открывшая «большие дебаты»), которую обычно связывают с прямыми колониальными захватами Соединенных Штатов, породила образцы неоколониализма и в то же время отдала под американский флаг колонии традиционного типа. Образцом неокolonии была Куба, полученная американскими (преимущественно сахарными) монополиями в свое распоряжение, как охраняемая сфера для деловых операций. Их прикрывала урезанная форма политической независимости, которую американцы могли нарушать и контролировать. Весьма характерно, что все американские антиколониалисты — от членов Антиимпериалистической лиги до владельцев сахарных и табачных плантаций — потратили огромные усилия на борьбу не за полную свободу Филиппин, а за то, чтобы Филиппины стали в такое же отношение к США, как и Куба.

Именно в этом и состояла суть позиции, которую заняло в США антиколониальное движение. Из его рядов порой раздавались гуманистические призывы. Однако в целом оно выступило в поддержку жестких колониальных законов, от Органического закона 1902 года и закона Джонса 1916 года до закона Тайдингса — Макдаффи 1934 года о независимости Филиппин. Эти конкретные постановления отражали компромисс между целями американского местного капитала, целями сторонников экс-

пансии на заморские рынки и соответствующими военно-стратегическими интересами.

Антиколониалисты в большинстве не были против расширения заморских рынков и сфер приложения капиталов. Некоторые из них, как, например, Эдвард Аткинсон, считали, что потребность во внешних рынках оценивается преувеличенно, и выступали за резкое усиление развития внутреннего рынка, что в действительности и произошло. Это изменило, но не уничтожило империалистические устремления. В целом антиколониалисты полагали, что экспансия на заморские рынки может осуществляться без обременения страны колониальными владениями, а за счет превосходства и высокой конкурентной способности американской промышленности, путем манипулирования таможенными тарифами, в крайнем случае — учреждения протектоторов, за которые Америка не должна нести прямой ответственности как за свои владения и жителям которых она не должна делать уступки на собственном рынке.

В отношении Филиппин мнение антиколониалистов, что колонии обходятся слишком дорого и в целом невыгодны, бесспорно, подтвердилось в ходе истории. Хотя такого рода итоги никогда не подводились, можно в общих чертах обрисовать, как обстояло дело к моменту получения независимости.

Вильям Говард Тафт утверждал, что военные расходы на Филиппинах составляли часть общих расходов США на оборону и не должны поэтому расцениваться как собственно колониальные затраты. По его словам, все расходы, связанные с владением колонией, сводятся к 3,5 миллиона долларов. Эта сумма была ассигнована конгрессом 3 марта 1903 года для покрытия затрат на оказание помощи населению колонии и на проведение переписи¹. Между тем, как официально заявил Элиу Рут, расходы на «снаряжение, припасы и военные операции» за период с 1 мая 1898 года до апреля 1902 года (то есть на протяжении кампании по захвату Филиппинской колонии) измерялись суммой в 170,3 миллиона долларов². Годовые расходы на содержание гарнизона и флота начиная с 1902 года колебались от 6 миллионов долларов до 50 миллионов долларов³. К этому надо прибавить стоимость сооружения укреплений, которое в начальный период (1906—1912 годы) обошлось в 10 миллионов

долларов⁴. К 1923 году общие расходы по этой статье достигли 140 миллионов долларов. Можно с уверенностью утверждать, что к моменту принятия конгрессом США закона о независимости общая сумма военных расходов на завоевание и подавление сопротивления, на строительство укреплений и содержание гарнизона составила 500 миллионов долларов (сюда, естественно, не вошли неисчисляемые затраты на то, чтобы отвоевать острова у Японии и провести там восстановительные работы после второй мировой войны).

Подсчеты расходов на завоевание и содержание Филиппинской колонии производились неоднократно. Сенатор Джордж Хор заявил в 1901 году, что они составляют 600 миллионов долларов, и не был опровергнут. По оценкам газеты «Нью-Йорк ивнинг пост» в номере от 6 марта 1907 года, эта сумма равняется 308,4 миллиона долларов. Конгрессмен Джеймс Слэйден от штата Техас оценивал их в 284,4 миллиона долларов («Конгрессный рекорд» от 25 февраля 1909 года), экономист Карл Кроу в своей книге «Америка и Филиппины» утверждает, что подавление «мятежа» обошлось в 300 миллионов долларов.

В области торговых отношений за 30 лет, предшествовавших «Великой депрессии» 1930-х годов, экспорт с Филиппин в США превысил импорт американских товаров примерно на сумму 400 миллионов долларов (к 1927 году соответственно 1,2 миллиарда долларов экспорта против 900 миллионов долларов импорта)⁵. Если считать, как оптимистически предсказывали торговцы, рассчитывая на закон Пэйна — Олдрича, что продажа американских товаров приносила 20 процентов прибыли, то американские производители и коммерсанты получили от этой торговли приблизительно 160 миллионов долларов. Если добавить скрытые доходы от страховки, фрахта и т. п., эта цифра может быть увеличена до 200 миллионов долларов. Тем не менее в целом этот доход с лихвой перекрывается той суммой, которая была потеряна на пошлинах при ввозе филиппинских товаров в США. За один лишь 1926 год за ввезенные в США на 100 миллионов долларов филиппинские товары было взыскано 42 миллиона долларов пошлин⁶. В какой-то мере те прибыли, которые приносил экспорт филиппинских товаров в США, поступали в карман американских капиталистов, имеющих инвестиции на

архипелаге в предприятиях по очистке сахара, в производстве продуктов из кокосовых орехов и в коммерческих операциях. Однако подавляющая часть оказывалась просто деньгами, которые изымались у американских налогоплательщиков в пользу филиппинских производителей, притом в объеме, далеко превосходящем торговую прибыль американцев.

Доходы, которые приносили американские капиталовложения, далеко не покрывали дефицита, порожденного американскими военными расходами и балансом торговых операций. Прежде всего уровень инвестиций был весьма низким, к моменту издания закона о независимости они составляли немногим более 200 миллионов долларов. Это лишь 30 процентов от всех американских капиталовложений в Азии. Большинство их приходилось на более прибыльные вклады в неокOLONиальных районах, главным образом в Японии. Из американских капиталовложений на Филиппинах четвертая часть существовала в форме облигаций, а треть составлял капитал постоянно проживавших на архипелаге американцев, не переведивших свои прибыли в Соединенные Штаты⁷. Большая часть капиталовложений образовалась из накопленных и реинвестиции прибылей. Таков пример фирмы МЕРАЛКО, основанной с капиталом в два миллиона долларов в 1901 году. Когда 60 лет спустя эта фирма была продана филиппинскому синдикату, ее капитал составлял 50 миллионов долларов⁸. Хотя эта сумма и включалась в общую стоимость американских капиталовложений на Филиппинских островах, она уже не представляла собой действительно поступившие из США капиталы. Она выражала лишь прирост капитала, вложенного первоначальным американским инвестором. Однако общая сумма прибылей, извлеченных из всех капиталовложений, сделанных за период господства американцев, не могла покрыть дефицита в торговом балансе, не говоря уже о военных расходах. По общему мнению американских исследователей и историков, филиппинская колония в целом не была источником доходов.

По сути дела, американские налогоплательщики оплачивали доходы узкого сектора американского бизнеса, который получал выгоду от торговли с Филиппинской колонией.

Показательно, что американский империализм (даже если учесть его возросшую мощь в наши дни) так и не смог добиться выгодного для себя торгового баланса, равно как и значительных прибылей от вложенных средств, до того самого момента, пока провозглашение независимости Филиппин не стало фактом и не были установлены с этой страной отношения неокOLONиалистского типа. Военные расходы на содержание баз на островах и на создание послушной филиппинской армии были внушительными. Они достигли одного миллиарда долларов в первое десятилетие после провозглашения независимости. Их, однако, следует в основном объяснить проведением Соединенными Штатами более широкой азиатской политики в целом. За этот же период, то есть с 1945 по 1956 год, США имели положительный торговый баланс в 1,7 миллиарда долларов в торговле с Филиппинами, что почти в два раза превышает размер всего американского торгового оборота с этой колонией за первые 30 лет владения ею⁹. Прямые американские инвестиции за двадцать лет после провозглашения независимости выросли почти в три раза. За период с 1956 по 1965 год они принесли 386,2 миллиона долларов прибыли, поступившей в Соединенные Штаты, то есть не считая реинвестированных прибылей и накопленных американцев, живущих постоянно на Филиппинах¹⁰.

Кроме этого, возникло сравнительно новое явление — поступление американского капитала в виде займов независимым Филиппинам (когда это была колония, США крайне неохотно шли на предоставление займов): в конце 1965 года внешний долг Филиппин преимущественно американским банкам достиг 487 миллионов долларов (из них 345,8 миллиона долларов было предоставлено на условиях 5—6,5 процента годовых, в том числе 98,5 миллиона долларов — под 5,75 процента годовых)¹¹.

Вне всякого сомнения, прибыли неокOLONиального периода далеко превосходят доходы тех времен, когда Филиппины были американской колонией.

2. НеокOLONиализм: дебаты продолжаются

Возможно, наиболее интересна в истории неокOLONиалистской политики США ее связь с реформаторскими движениями внутри самой американской капиталистиче-

ской системы. Среди противников создания колониальной империи наиболее активными всегда были буржуазные реформисты, ратовавшие за изменение и смягчение наиболее грубых действий монополий (или трестов), за устранение наиболее явных форм коррупции и эксплуатации в обществе, за более непосредственный и эффективный контроль государственной власти над частным предпринимательством.

Можно проследить ряд характерных параллелей в колониальной политике и в осуществлении наиболее крупных реформ, имевших место в жизни Америки. В первый период реформ, проходивших под лозунгом «Новой свободы» при правительстве Вудро Вильсона, принятие закона Джонса совпало с активизацией государственного контроля и содействия монополиям, с мероприятиями по улучшению общественного благосостояния. Во второй период больших реформ при правительстве Нового курса Франклина Д. Рузвельта принятие закона о независимости Филиппин (и отмена поправки Платта для Кубы) совпало с мерами по созданию так называемого «государства всеобщего благоденствия» и шагами по централизации управления экономикой, что помогло сохранить американский капитализм в условиях кризиса. «Государство всеобщего благоденствия», как внутренняя политика и неокOLONиализм, так и внешняя стали неразрывными средствами поддержания современной империалистической системы.

Силы, участвовавшие в движении против колониальной политики, были весьма пестрыми по составу. Они включали городских либералов — сторонников реформ и фермеров-консерваторов, гуманистов и расистов, борющихся за океан и людей, ратовавших за протекционистскую политику. Все они имели свои собственные причины выступать против владения колониями. Политический курс, направленный к неокOLONиализму, сложился из множества различных устремлений. Это не была специально выработанная ясная стратегическая линия, которую собирались проводить и проверять на практике. Так, те, кто составлял и формулировал закон, дающий независимость Филиппинам, и кому принадлежит тезис о «стабильном управлении», были по своим взглядам в основном сторонниками экспансии. А те, кто панес последний удар колониальному режиму на Филиппинах, были главным образом американскими производителями местных

сельскохозяйственных продуктов; им пришлось бороться с конкуренцией филиппинских товаров в суровые дни экономической депрессии 1930-х годов.

В ходе выработки и осуществления колониальной политики даже приверженцы активной торговой и инвестиционной экспансии, самые ярые сторонники захвата колоний усомнились в выгодности колониальных владений. Они были вынуждены считаться с тем фактом, что право распоряжаться делами и порядками в колониях принадлежит конгрессу. И корпорациям и отдельным лицам, стремившимся к эксплуатации этих районов, пришлось почувствовать, что их действия встречают сопротивление и подозрение со стороны представителей местных американских интересов, сторонников реформ и протекционистов. В тех же случаях, когда шла речь о неоколониальных рынках, прерогативы конгресса были гораздо уже, и действия в духе неоколониализма позволяли избежать этого контроля почти целиком.

Целый ряд событий и явлений периода после получения Филиппинами независимости в 1946 году: жестокое подавление при содействии США национально-освободительного движения хуков*, поддержанных народом, широкая коррупция в политической жизни Филиппин, безудержное разграбление «независимой» экономики, похищение некогда строго соблюдавшихся законов о приобретении государственной земель, преступления военнослужащих с американских баз, падение нравов в разочарованном филиппинском обществе и т. д. — все это привлекло бы к Америке гораздо больше внимания и вызвало бы бурные скандалы, если бы происходило в условиях непосредственной власти Соединенных Штатов.

Хотя новая система и может быть определена как неоколониализм, ее возникновение не представляет собой полной победы антиколониалистов. Так, было бы ошибкой считать, как это иногда делают, что усиление империалистической алчности к захватам и колониальным приобретениям, приведшее к событиям 1898 года, было «мимолетным наваждением». Причина того, что Филип-

* Хуками называли на Филиппинах бойцов антияпонской партизанской армии Хукбалахап в годы второй мировой войны, а затем также участников руководимого коммунистами крестьянского восстания, происходившего в 1948—1953 гг. в Центральном Лусоне (которое и имеет в виду автор).

пины почти 50 лет оставались колонией, несмотря на довольно скорый отказ (в теории) от традиционной колониалистской доктрины, состоит в неослабевающей силе и нажиме колониалистских кругов.

Каждый период быстрого накопления капиталов и промышленного роста в США вел за собой очередной подъем колониалистских устремлений. Так было на рубеже XX века, а также в период после окончания первой мировой войны и к концу второй мировой войны. Экспансионистские настроения, разжигаемые барышами, которые принесла первая мировая война, привели к фактическому пересмотру обещаний независимости, данных в законе Джонса. Только «Великая депрессия» 1930-х годов, от которой резко упали и капиталовложения и торговля, укрепила голоса в пользу протекционистской защиты американских производителей и привела к тому, что в 1934 году конгресс США согласился принять закон о независимости Филиппин. Далее, в конце второй мировой войны, накануне провозглашения независимости Филиппин, колоссально разбогатевшие монополии, имевшие определенные интересы за океаном, сделали последнюю отчаянную попытку «пересмотреть» вопрос о независимости. Они смогли навязать филиппинскому народу неблагоприятные изменения первоначальных условий независимости. Специально отобранные агрессивными империалистическими кругами филиппинские лидеры, взявшиеся осуществлять «стабильное управление», вынуждены были согласиться на крупное расширение привилегий американского капитала и сохранение американских войск в стране, которые остаются там и по сей день.

Сила и влияние наиболее агрессивных элементов среди американских империалистов связана с созданным главным образом под их нажимом огромным флотом, современной ударной армией и военно-воздушными силами — средствами, подкрепляющими роль США как великой мировой державы. Далеко не случайно, что Эллу Рут, который создал систему колониального управления островными владениями, а также в роли ведущего адвоката корпораций помогал выработать структуру американской монополистической экономики, был одновременно создателем нынешней системы комплектования и управления в американской армии. На ранних этапах американская военная машина была тесно связана с теми

капиталистическими кругами, которые делали ставку на экспансию за океан.

Все войны, которые вели Соединенные Штаты в этом веке, происходили вне границ этой страны, они были борьбой за иностранные рынки и сферы для инвестиций. В первой мировой войне США защищали свои займы, предоставленные странам Антанты. Во второй мировой войне борьба шла, чтобы отстоять свои международные позиции от соперников — фашистских империалистических держав в Европе и в Азии.

Акции американского империализма в Азии и западной части Тихого океана в период после второй мировой войны, включая корейскую и вьетнамскую войны, весьма напоминают откровенный экспансионизм 1898 года. В обоих случаях основной целью является бездонный китайский рынок. Правда, в первый раз американцам не дали добиться этой цели Япония и другие империалистические соперники. Силы Америки оказались слишком разбросаны. Но в следующий период империализм США получил подавляющее превосходство над противниками и мог рассчитывать с успехом воспользоваться результатами своей победы. В 1946 году Америке казалось, что исполняются мечты полувековой давности.

В военном отношении стратегия сторожевых постов (которая не помешала Японии в 1942 году захватить Филиппины) превратилась после второй мировой войны в политику строительства цепи мощных баз на островах и на побережье Азии. Таким образом, была оставлена далеко позади начальная идея Мэхэна строить морские базы и угольные станции. Окинава, Гуам и другие острова центральной части Тихого океана были превращены в новые колониальные военно-морские базы, так же как Корея и Южный Вьетнам. В Японии, на Формозе и Филиппинах разместились целые комплексы огромных баз наступательного назначения.

В этой ситуации снова выступили, даже с возросшей силой, стремления к захватам и авантюрам почти неприкрыто колониального типа. Их подогревает еще одно обстоятельство, отсутствовавшее в 1898 году. Теперь перепроизводство в США охватывает и военную отрасль промышленности, от которой стала зависимой большая часть американской экономики и для которой рынком является война. Колониальные войны в Корее и Вьетнаме

не в последнюю очередь представляли собой выход для излишков военного производства и послужили для поддержания видимости процветания в Соединенных Штатах. Их результатом, однако, было перенапряжение возможностей Америки и уменьшение выигрыша от этой чрезвычайно дорогостоящей политики.

И корейская война 1950—1954 годов, и вьетнамская война, начавшаяся в 1961 году, вызвали в американских правящих кругах большие споры относительно доходности такого политического курса. В этих спорах слышатся отзвуки дебатов начала столетия. Но сегодня в них участвуют представители нового, более мощного антиимпериалистического движения, приобретающего черты массовости и перодившего раскол в среде класса капиталистов и в средних слоях. Параллельно этому в правящих кругах имеется тенденция к тому, чтобы более широко обращаться к косвенным неоколониалистским методам политики. Если проанализировать современный период, станет видно его сходство с периодом споров по поводу империалистической политики, которые развернулись после испано-американской войны. (Те же столкновения между военными и гражданскими деятелями по поводу выбора политического курса и методов государственного управления, спор Макартура и Трумэна в ходе корейской войны, антагонизм «ястребов» и «голубей» во вьетнамской войне, постоянные раздоры между Пентагоном и госдепартаментом — все это звучит как эхо разногласий между Отисом и Шерманом, Макартуром и Тафтом во время покорения Филиппин.)

Ошеломляющий рост расходов на вьетнамскую войну выдвинул на первый план проблему неспособности Америки одновременно удовлетворять потребности своего внутреннего рынка и оплачивать военные империалистические авантюры за рубежом. Программы «борьбы с бедностью» и «благоустройства городов» лопнули ввиду того, что непомерные суммы были израсходованы на экспансию за океаном. Старое противоречие между внутренними и внешними интересами возродилось, приняв новые формы.

Примечательно, что споры шестидесятых годов нашего века были связаны с разочарованиями почти такого же свойства, что и те, которые встретились на пути империалистической экспансии на Тихом океане в 1898 году.

Снова рухнули надежды заполучить для эксплуатации рынки Китая и других областей Азии. К несчастью для американского империализма, на его пути к господству появился вместо Японии новый противник — национально-освободительное движение в Китае, Корее, Вьетнаме, Индонезии, на Филиппинах и во многих других странах. Китайский рынок снова ускользнул от лап американского империализма, на этот раз гораздо решительнее — в результате народной революции. В этой новой ситуации, учитывая также неэффективность современных колониальных войн, американский империализм пытается выработать новые способы сохранения своих позиций, включая еще более тонкие методы неоколониалистской политики.

Американский неоколониализм, который часто связывают исключительно с мощью американской экономики и американского доллара, в действительности порожден теми противоречиями, которые испытывает американский империализм и внутри страны и за рубежом. По мере того как эти противоречия будут развиваться и становиться все более очевидными для народов Америки и других стран, недовольство империалистической политикой Вашингтона будет расти в Соединенных Штатах и за их пределами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Глава первая

1. Dennet, Tyler, *Americans in Eastern Asia*, N. Y., 1922, p. 418—420, 272, 285.
2. Pratt, Julius W., *Expansionists of 1898*, Gloucester, 1959, p. 224, 230.
3. Edwardes, Michael, *Asia in the European Age*, L., 1961, p. 93.
4. Regidor, Antonio M. and Mason, Warren J., *Commercial Progress in the Philippine Islands*, L., 1905.
5. Conant, Charles A., *The United States in the Orient*, N. Y., 1900, p. 79, 171.
6. Conant, The Economic Basis of Imperialism, *Atlantic Monthly*, March 1902, p. 327.
7. Hobson, J. A., *Imperialism: A study*, L., 1902, 1938, p. 76—77.
8. «New Cambridge Modern History», Cambridge, 1962, vol. XI, p. 50.
9. Faulkner, Harold U., *American Economic History*, N. Y., 1960, p. 556.
10. «New Cambridge Modern History», p. 46.
11. Pratt, op. cit., p. 287.
12. Rollins, John W., *The Anti-Imperialists and Twentieth Century American Foreign Policy*, *Studies on the Left*, 1962, vol. III, № 2, p. 17.
13. Radosh, Ronald and Davies, Horace B., *American Labour and the Anti-Imperialist Movement*, *Science and Society*, Winter 1964, p. 94, 96, 100.
14. Hofstadter, Richard, *The Age of Reform*, L., 1962, p. 180.
15. Birley, Robert (ed.), *Speeches and Documents in American History*, vol. III, 1865—1913, N. Y., 1951, p. 173.
16. Rollins, op. cit., p. 17.
17. Pratt, op. cit., p. 209.
18. *Messages and Papers of the Presidents*, vol. XIII, p. 6150.
19. Pratt, op. cit., p. 287.
20. Foner, Philip S., *History of the Labour Movement in the United States*, N. Y., 1955, vol. II, p. 405.

21. Dulles, Foster Rhea, *America in the Pacific*, N. Y., 1938, p. 222.
22. Lodge, Henry Cabot, *Our Blundering Foreign Policy*, «*Forum*», March 1895.
23. Latane, J. H., *America as a World Power*, N. Y., 1907, p. 100.
24. Pratt, op. cit., p. 262—264.
25. Van Alstyne, R. W., *The Rising American Empire*, Oxford, 1960, p. 181.
26. Senate Document No. 62, 55th Congress, 3rd Session. *A Treaty of Peace between the U. S. and Spain. Consular Reports from the Orient*, p. 320, 324.
27. Barrett, John, *The Problem of the Philippines*, «*North American Review*», September 1898, p. 264.
28. Van Alstyne, op. cit., p. 185—186.
29. Kirk, Grayson, *Philippine Independence: Motives, Problems and Prospects*, N. Y., 1936, p. 5.
30. Van Alstyne, op. cit., p. 185.
31. Dewey, George A., *Autobiography*, N. Y., 1913, p. 170.
32. Josephson, Matthew, *The President Makers*, N. Y., 1940, p. 82.
33. Wolff, Leon, *Little Brown Brother*, N. Y., 1960, p. 61.
34. Sen. Doc. 169 (55 Cong., 3 Sess.).
35. Pratt, op. cit., p. 231, 268, 277.
36. Bowers, Claude, *Beveridge and the Progressive Era*, N. Y., 1932, p. 69—70.

Глава вторая

1. Braisted, William R., *The Philippine Naval Base Problem, 1898—1909*, «*Mississippi Valley Historical Review*», September 1932, p. 22.
2. Pratt, Julius W., *The Large Policy of 1898*, «*Mississippi Valley Historical Review*», September 1932, p. 221—2f.
3. Sen. Doc. 62, 1 (55 Cong., 3 Sess.), p. 383.
4. *Letters of Henry Adams*, vol. II, N. Y., 1938, p. 183.
5. Garraty, John A., *Henry Cabot Lodge*, N. Y., 1953, p. 197—198.
6. *Census of the Philippine Islands (1903)*, Wash., 1905, vol. IV, p. 171; Liang, Dapan, *The Development of Philippine Political Parties*, Hongkong, 1939, p. 43.
7. Sen. Doc. 62, op. cit., p. 333.
8. Sen. Doc. 331 (57 Cong., 1 Sess.), p. 2927.
9. Aguinaldo, Gen. Emilio and Pacis, Vicente Albano, *A Second Look at America*, N. Y., 1957, p. 31.
10. Sen. Doc. 62, op. cit., p. 341, 354.
11. Root, Elihu, *The Military and Colonial Policy of the United States*, Cambridge, 1916, p. 40.
12. Agoncillo, Teodoro, *Malolos: Crisis of the Republic*, [Manila], 1960, p. 129.
13. Majul, Cesar Adib, *Mabini and the Philippine Revolution*, [Manila], 1960, p. 147—148.
14. Guerrero, Leon Ma, *The Kaiser and the Philippines*, «*Philippine Studies*», October 1961, p. 590.

15. Aguinaldo and Pacis, op. cit., p. 38.
16. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 2928.
17. Blount, James H., *The American Occupation of the Philippines, 1898—1912*, N. Y., 1912, p. 19.
18. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 2933.
19. Miles, Gen. Nelson A., *Serving the Republic*, p. 271.
20. Sen. Doc. 221, II (56 Cong., 1 Sess.), p. 1195.
21. Aguinaldo and Pacis, op. cit., p. 41.
22. *Correspondence Relating to the War With Spain*, 3 vols, Wash., 1902, vol. 2, p. 77.
23. Agoncillo, Teodoro and Alfonso, Oscar, *A Short History of the Filipino People*, [Manila], 1960, p. 257.
24. Mabini, Apolinario, *The Philippine Revolution*, Chap. IX.
25. Foreman, John, *The Philippine Islands*, N. Y., 1905, p. 433, 457.
26. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 1386.
27. Sen. Doc. 148 (56 Cong., 2 Sess.), p. 6.
28. Storey, Moorfield and Lichauco, Marcial, *The Conquest of the Philippines*, N. Y., 1926, p. 41.
29. *Report of the Navy Department*, Wash., 1898, p. 122—123.
30. Sen. Doc. 169 (55 Cong., 3 Sess.), p. 1.
31. Pratt, *Expansionists of 1898*, p. 297.
32. Stuntz, Homer C., *The Philippines and the Far East*, Cinc., 1904, p. 414.
33. Stuntz, op. cit., p. 411.
34. Pratt, op. cit., p. 308.
35. «*North American Review*», April 1905, p. 518.
36. Olcott, Charles S., *The Life of William McKinley*, 2 vols, N. Y., 1916, p. 110—111.
37. Allen, H. C., *Great Britain and the United States*, L., 1954, p. 573—584.
38. Guerrero, op. cit., p. 588 («*The Standard*», London, May 4, 1898).
39. Pratt, op. cit., p. 292.
40. *Letters of Henry Adams*, vol. II, p. 356.
41. Dulles, p. 242—243.
42. Hoar, George F., *Autobiography of 70 Years*, N. Y., 1905, p. 312—313.
43. Sen. Doc. 148, op. cit., p. 7.
44. Sen. Doc. 62, op. cit., p. 377, 387.
45. Elliott, Charles B., *The Philippines to the End of the Military Regime*, Indianapolis, 1917, p. 349.
46. Agoncillo, op. cit., p. 356.
47. Majul, op. cit., p. 101.
48. Cabellero, Isabello P., *Quezon: The Story of a Nation and Its Foremost Statesman*, Manila, 1935, p. 39.
49. Agoncillo, op. cit., p. 362—363.
50. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 776—777.
51. Thayer, William Roscoe, *Life and Letters of John Hay*, N. Y., 1915, p. 198—199.
52. Curti, Merle, *Bryan and World Peace*, Smith College, 1931, p. 119.

53. Miller, Marion Mills (ed.), *Great Debates in American History*, vol. III, N. Y., 1913, p. 248, 271—272, 292.
54. Congressional Record (56 Cong., 1 Sess.), p. 1309—1310.
55. Dunn, Arthur Wallace, From Harrison to Harding, 2 vols., N. Y., 1922, vol. 1, p. 282; Coletta, Paulo, Bryan, McKinley and the Treaty of Paris, *Pacific Historical Review*, May 1937, p. 139.
56. Grunder, Garel A. and Livezey, William E., *The Philippines and the United States*, University of Oklahoma, 1957, p. 46.
57. Hoar, op. cit., p. 320—322.

Глава третья

1. Edwards, Clarence, *The Work of the Bureau of Insular Affairs*, *National Geographic Magazine*, June 1904, p. 240.
2. Palma, Rafael My Autobiography, Manila, 1953, p. 32.
3. Fonacier, Tomas, *The Chinese Exclusion Policy in the Philippines*, *Philippine Social Science and Humanities Review*, March 1949, p. 8.
4. Willis, Henry Parker, *Our Philippine Problem*, N. Y., 1905, p. 327.
5. *The Fukien Times Yearbook*, Manila, 1963.
6. Sen. Doc. 62, I (55 Cong., 3 Sess.), p. 387.
7. Agoncillo, op. cit., p. 241.
8. Sen. Doc. 331 (57 Cong., 1 Sess.), p. 772—773, 777.
9. Agoncillo, op. cit., p. 434.
10. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 820—825, 2709—2745.
11. Ireland, *The United States in the Philippines*, p. 581.
12. Dewey, op. cit., p. 285.
13. Schurman speech, Cornell University, Sept. 22, 1898 [Schurman Papers. Collection in Cornell University Library].
14. Schurman, Jacob Gould, *Philippine Affairs: A Retrospect and Outlook*, N. Y., 1902, p. 2.
15. Interview, *Utica Press*, Utica, N. Y., Jan. 18, 1899. [Schurman Papers].
16. *Commercial Advertiser*, N. Y., Jan. 16, p. 1899.
17. Worcester, Dean, *The Philippines: Past and Present*, N. Y., 1930, p. 87—88.
18. Correspondence Relating to the War with Spain, vol. II, p. 1127.
19. Van Alstyne, *The Rising American Empire*, Oxford, 1960, p. 181.
20. *New York Evening Sun*, Jan. 16, 1899.
21. *Washington Times*, Aug. 25, 1899.
22. Schurman, op. cit., p. 7.
23. Sen. Doc. 221 (56 Cong., 1 Sess.), p. 1233—1234.
24. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 776.
25. Worcester, op. cit., p. 787.
26. Letter to David J. Hill, Asst. Sec. of State, March 8, 1899. [Schurman Papers].
27. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 804, 806—808.

28. Correspondence Relating to the War with Spain, op. cit., p. 896.
29. Schurman Papers.
30. Worcester, op. cit., p. 790—791.
31. Forbes, W. Cameron, *The Philippine Islands*, vol. I, N. Y., 1928, 120n.
32. Majul, Cesar Adib, Mabini and the Philippine Revolution, 1960, p. 260—261.
33. Worcester, op. cit., p. 12, 13, 263.
34. *Ibid.*, p. 13, 263.
35. Letter to David J. Hill, April 16, 1899. [Schurman Papers].
36. Worcester, op. cit., p. 264.
37. Correspondence Relating to the War with Spain, vol. II, p. 996, 998.
38. Worcester, op. cit., p. 14—17, 264.
39. Interview with Admiral Dewey, *London Daily News* (quoted in New Haven, Conn. *Leader*), Aug. 26, 1899. [Schurman Papers].
40. *Sentinel*, Milwaukee, Sept. 30, 1899. [*Ibid.*]
41. Report of the Philippine Commission to the President, vol. I, p. 121.
42. Interview, Hamilton, Ohio, *Republican News*, Aug. 28, 1899. [Schurman Papers].
43. Interview, Chicago, *Inter-Ocean*, Aug. 21, 1899. [*Ibid.*]

Глава четвертая

1. Correspondence Relating to the War with Spain, vol. II, p. 1051.
2. Dawes, Charles, *A Journal of the McKinley Years*, p. 203.
3. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 126—127.
4. Alejandrino, Jose, *The Price of Freedom*, Manila, 1949, p. 200—201.
5. Carter, William, *Life of Lt. Gen. Chaffee*, Chicago, 1917, p. 240.
6. Correspondence, op. cit., p. 1159.
7. Report of the War Department, vol. I (5), p. 61—62.
8. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 1944—1946, 1420—1484, 894, 559, 1767—1768.
9. *Ibid.*, p. 901—906.
10. Sen. Doc. 205 (57 Cong., 1 Sess.), p. 19—21.
11. Jessup, Philip, Elihu Root, N. Y., 1938, p. 337.
12. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 1571—1573.
13. Letters of Theodore Roosevelt, 8 vols, Cambridge, 1951, vol. III, p. 298.
14. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 1548, 1607, 1619, 1614, 1622, 1628.
15. Moses, Edith, *Unofficial Letters of an Official's Wife*, N. Y., 1908, p. 330.
16. Willis, Henry Parker, *Our Philippine Problem*, N. Y., 1905, p. 23.
17. Reports of the Philippine Commission, 1900—1903, p. 492—493.

18. Blount, James H., *The American Occupation of the Philippines*, 1898—1912, N. Y., 1912, p. 418.
19. Reports of the Philippine Commission, 562; Seventh Annual Report of the Philippine Commission, 1906, vol. II, p. 7.
20. Blount, op. cit., p. 424.
21. Abad, Antonio K., *General Macario Sakay: Was He a Bandit or a Patriot?* Manila, 1955.
22. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 2123.
23. Fourth Annual Report of the Philippine Commission, 1903, vol. III, p. 489—490.
24. Storey, Moorfield, *The Democratic Party and Philippine Independence*, Boston, 1913, p. 36.
25. Forbes, op. cit., vol. II, p. 36.

Глава пятая

1. Foner, op. cit., vol. III, p. 421.
2. «*The American Federationist*», March 1899, p. 39—40.
3. Jessup, op. cit., p. 269—270.
4. Foner, op. cit., p. 431.
5. Lanzar, Maria C., *The Anti-Imperialist League*, «*Philippine Social Science Review*», August 1930, p. 8, 16, 29.
6. Harrington, Fred A., *Anti-Imperialist Movement in the United States, 1898—1900*, «*Mississippi Valley Historical Review*», September 1935, p. 223.
7. Ibid.; Lanzar, op. cit., p. 37.
8. Hofstadter, Richard (ed.), *Great Issues in American History*, vol. II, p. 202—204.
9. Lanzar, op. cit., 19—21; Harrington, op. cit., p. 215—220; Harrington, *Literary Aspects of American Anti-Imperialism, 1898—1902*, «*New England Quarterly*», Dec. 1937, p. 555—557.
10. Hoar, George F., *Autobiography of 70 Years*, vol. II, p. 305. (См. также: Lasch, *The Anti-Imperialists, The Philippines and the Inequality of Man*, p. 319.)
11. Schurz, Carl, *Thoughts on American Imperialism*, «*Century Magazine*», September 1898, p. 784.
12. Blount, op. cit., p. 297.
13. Conant, Charles A., *The Economic Future of the Philippines*, «*Atlantic Monthly*», March 1902, p. 366.
14. Harrington, *The Anti-Imperialist Movement in the U.S., 1898—1902*, p. 223—224.
15. Vest, G. G., *Objections to Annexing the Philippines*, «*North American Review*», January 1899, p. 412.
16. Williams, Daniel R., *The Odyssey of the Philippine Commission*, Chicago, 1913, p. 72.
17. Forbes, W. Cameron, *The Philippine Islands*, 2 vols, N. Y., 1928, vol. II, p. 566.
18. Josephson, op. cit., p. 54.
19. Hoar, op. cit., p. 324, 326.
20. Lanzar, op. cit., Oct. 1933, p. 267.
21. Correspondence Relating to the War with Spain, vol. II, p. 973.

22. Oberholtzer, Ellis Paxton, *A History of the United States Since the Civil War*, vol. V, N. Y., 1937, p. 592.
23. Chamberlin, Fred C., *The Blow from Behind*, Boston, 1903, p. 108, 100.
24. Foner, op. cit., p. 434.
25. Oberholtzer, op. cit., p. 673—674.
26. Lanzar, op. cit., Aug. 1930, p. 37.
27. Harrington, op. cit., 227n, p. 214.
28. Forbes, op. cit., p. 566—587.
29. Reyes, Jose, *Legislative History of America's Economic Policy Toward the Philippines*, N. Y., 1923, p. 41—42.
30. Schurman letter to McKinley, June 1, 1900. [Schurman Papers].
31. Forbes, op. cit., p. 566.
32. Bailey, Thomas A., *Was the Presidential Election of 1900 a Mandate for Imperialism?* «*Mississippi Valley Historical Review*», June 1937, p. 44, 46; Harrington, op. cit., p. 227.
33. Oberholtzer, op. cit., p. 649.
34. Lanzar, op. cit., p. 41.

Глава шестая

1. Reports of the Philippine Commission, 1900—1903, p. 34—35, 50—51, 25—27.
2. Ibid., p. 273.
3. Fonacier, Tomas A., *The Chinese Exclusion Policy in the Philippines*, «*Philippine Social Science and Humanities Review*», March, 1949, p. 24n.
4. Reports, op. cit., p. 439.
5. Sen. Report, 915 (57 Cong., 1 Sess.), p. 2.
6. Reports, op. cit., p. 272—273.
7. Jessup, Elihu Root, p. 361—362.
8. Willis, Henry Parker, *Our Philippine Problem*, N. Y., 1905, p. 151.
9. Sen. Report, 915, op. cit., p. 1—3.
10. Sen. Doc. 331 (57 Cong., 1 Sess.).
11. Reports, op. cit., p. 272, 357, 440, 443, 456, 460.
12. Ibid., p. 460.
13. Report of the Philippine Commission to the President, vol. I, p. 106; Exhibit VIII.
14. Jessup, op. cit., p. 300, 345, 350.
15. Reports, op. cit., p. 5—11.
16. Pringle, Henry F., *The Life and Times of William Howard Taft*, N. Y., 1939, vol. I, p. 182.
17. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 866—867, 876, 869.
18. Pringle, op. cit., p. 170.
19. «*The Philippine Review*», p. 183; Le Roy, James A., *Chinese in the Philippines*, p. 142.
20. Moses, Edith, op. cit., p. 73—74.
21. Clark, *Labour Conditions in the Philippines*, p. 880.
22. Dos Passos, John, *Mr. Wilson's War*, L., 1963, p. 81.
23. Committee Reports and Hearings, House of Rep. Committee on Insular Affairs (56 Cong., I & 2 Sess.), p. 139, 157.

24. Crow, Carl, *America and the Philippines*, N. Y., 1914, p. 162.
25. Minger, Ralph Eldin, Taft, MacArthur and the Establishment of Civil Government in the Philippines, «*Ohio Historical Quarterly*», October 1961, p. 318, 321—322, 326.
26. Sullivan, Mark, *Our Times: The United States, 1900—1925*, N. Y., 1926, vol. I, p. 44.
27. Chamberlin, op. cit., p. 132.
28. Josephson, *The President Makers*, p. 286.
29. Pringle, op. cit., p. 128 (Letters of Taft to Helen H. Taft, July 7 and 8, 1894).
30. Forbes, op. cit., vol. I, p. 125n.
31. Minger, op. cit., p. 314, 321.
32. Public Laws and Resolutions Passed by the United States Philippine Commission, p. 13.
33. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 878.
34. Reports, op. cit., p. 313.
35. Census of the Philippine Islands, 1903, vol. III, p. 640.
36. Pringle, op. cit., p. 185.
37. Minger, op. cit., p. 316 (Letter from Taft to John M. Harlan, June 30, 1900).
38. *Ibid.*, p. 316 (Letter from Taft to Elihu Root, July 14, 1900).
39. Taft, Mrs. William H., *Recollections of Full Years*. N. Y., 1914, p. 112.
40. Sen. Doc. 191 (58 Cong., 2 Sess.).
41. Taft, William Howard, Address Delivered Before the Chamber of Commerce of the State of New York, April 21, 1904 (Pamphlet), p. 15—16.
42. Willis, op. cit., p. 328.
43. Sen. Doc. 331, op. cit., p. 884—885.
44. Reports, op. cit., p. 728—729.
45. Abad, Antonio K., *General Macario Sakay, Was He a Bandit or a Traitor?* Manila, 1955, p. 131—132.
46. Public Laws, etc., op. cit., p. 148.

Глава седьмая

1. Faulkner, Harold U., *American Economic History*, N. Y., 1960, p. 570.
2. Van Alstyne, op. cit., p. 186.
3. Barrett, John, *American Interests in the Far East. Address before the Chamber of Commerce of New York, June 1, 1899* (Pamphlet).
4. Williams, William Appleman, *The Contours of American History*, L., 1961, p. 417.
5. Carnegie, Andrew, *Americanism Versus Imperialism*, «*North American Review*», June 1899, p. 3.
6. Birley, Robert (ed.), *Speeches and Documents in American History*, vol. III, 1865—1913, N. Y., 1951, p. 244.
7. LeRoy, James A., *Philippine Life in Town and Country*, N. Y., 1905, p. 287; Willis, *Our Philippine Problem*, p. 335; и Grow, *America and the Philippines*, p. 175. (Манила дает не больше преимуществ в качестве рынка для распределения на Фи-

липпинах товаров, чем Ямайка как пункт распространения британских товаров, предназначенных для США).

8. Dennet, Tyler, *Roosevelt and the Russo-Japanese War*, N. Y., 1925, p. 160.
9. Faulkner, op. cit., p. 570.
10. Dennett, op. cit., p. 112—114.
11. Hagedorn, Hermann, Leonard Wood, N. Y., 1931, vol. II, p. 73.
12. Letters of Theodore Roosevelt, vol. V, p. 763.
13. Morton, Louis, *Military and Naval Preparations for the Defence of the Philippines during the War Scare of 1907*. «*Military Affairs*», Summer 1949, p. 95.
14. Letters of Theodore Roosevelt, op. cit., 761—762.
15. Blount, James H., *The American Occupation of the Philippines, 1898—1912*, N. Y., 1912, p. 647.
16. Committee on Insular Affairs, House of Representatives: *Committee Reports. Hearings and Acts of Congress* (59 Cong.), p. 191—216.
17. Winslow, Erving, *Neutralization*, «*North American Review*», September 1907, p. 88.
18. Blount, op. cit., p. 647.
19. Bemis, Samuel Flagg, *A Diplomatic History of the United States*, N. Y., 1942, p. 500.
20. Forbes, W. Cameron, *The Philippine Islands*, N. Y., 1928, vol. II, p. 217.
21. Hou, Chi-ming, *Foreign Investment and Economic Development in China*, Cambridge, 1965, p. 17.
22. Eckel, *The Far East Since 1500*, p. 346.
23. Beard, Charles A., *The Idea of National Interest*, N. Y., 1934, p. 332.
24. Croly, Herbert, *The Promise of American Life*, N. Y., 1912, p. 312.
25. Dulles, Foster Rhea, *America in the Pacific*. N. Y., 1938, X—Xi.
26. Mahan, Alfred T., *The Influence of Sea Power Upon History*, L., 1887, p. 82—83.
27. Braisted, William R., *The Philippine Naval Base Problem, 1898—1909*, «*Mississippi Valley Historical Review*», September 1932, p. 22.
28. Osborne, John Hall, *Protection of American Commerce and Capital Abroad*, «*North American Review*», May 1912, p. 688.
29. Braisted, op. cit., p. 23—25, 27, 29—30, 32—33.
30. Morton, op. cit., p. 101—104.
31. Letters of Theodore Roosevelt, vol. IV, p. 734; vol. VI, p. 939.

Глава восьмая

1. Sen. Doc. 191 (58 Cong., 2 Sess.), p. 15.
2. Foreman, John, *The Americans in the Philippines*, «*Contemporary Review*», September 1904, p. 402.
3. Hoxie, R. F., *The American Colonial Policy and the Tariff*, «*Journal of Political Economy*», March 1903, p. 214.

4. Sixth Annual Report of the Philippine Commission, 1905, vol. IV, p. 94.
5. Sen. Report 1178 (59 Cong., 1 Sess.), p. 2.
6. Brent, Charles H., Tyranny or Democracy-Which? «*The Outlook*», July 14, 1906, p. 600.
7. Sen. Report, 1178, op. cit., p. 2, 7.
8. Brent, op. cit., p. 600.
9. Galang, Zoilo (ed.), Encyclopedia of the Philippines, vol. V, Manila, 1950, p. 200.
10. Report of Philippine Commission to Secretary of War, 1910, p. 158.
11. Report of Philippine Commission to Secretary of War, 1911, p. 148.
12. Crow, op. cit., p. 177.
13. Blount, op. cit., p. 404, 617.
14. Forbes, op. cit., vol. II, p. 452.
15. Sixth Annual Report, op. cit., vol. I, p. 72—73.
16. Public Hearings in the Philippine Islands, August 1905, p. 67—68.
17. Sixth Annual Report, op. cit., vol. I, p. 20.
18. Committee on Insular Affairs, House of Representatives: Committee Reports, Hearings and Acts of Congress (60 Cong.), p. 237.
19. Statistical Abstract of the United States, 1912, p. 363.
20. Sen. Doc. 182 (58 Cong., 2 Sess.), p. 5.
21. Ibid., p. 28—29.
22. Sen. Doc. 124 (58 Cong., 2 Sess.), p. 24.
23. Sen. Doc. 182, op. cit., p. 15—16.
24. Conant, The Economic Future of the Philippines, p. 371.
25. Например, What Has Been Done in the Philippines.
26. Taft, op. cit., p. 20.
27. Sixth Annual Report, op. cit., vol. II, p. 25, 39; vol. I, p. 74.
28. Taft, op. cit., p. 18.
29. House Insular Affairs Committee Hearing, Taft Statement (58 Cong., 2 Sess.), p. 59.
30. Swados, Harvey, The Muckrakers, N. Y., 1962, p. 212—213.
31. Willis, op. cit., p. 386.
32. Crow, op. cit., p. 245.
33. Sixth Annual Report, op. cit., vol. II, p. 83.
34. Willis, op. cit. (Уиллис был послан на Филиппины Антимпериалистической лигой, и его книга выражает ее точку зрения об условиях в этой колонии.)
35. Fifth Annual Report, op. cit., vol. III, p. 978, 1034.
36. Philippine Railroad Progress («*Overland Monthly*»), p. 442.
37. «*Hearing*», Taft Statement, op. cit., p. 55.
38. Elliott, The Philippines to the End of the Commission Government, p. 307.
39. Root, Elihu, The Military and Colonial Policy of the United States, Cambridge, 1916, p. 389.
40. Sixth Annual Report, op. cit., vol. I, p. 4.
41. Forbes-Lindsay, C. H., The Philippines: Under Spanish and American Rules. Philadelphia, 1906, p. 309.
42. Seventh Annual Report, op. cit., vol. I, p. 51—54.

43. Forbes, op. cit., vol. I, p. 393.
44. Report of the Philippine Commission to Secretary of War, 1913, p. 13.
45. Worcester, Dean C., The Philippines: Past and Present, p. 624.
46. Forbes, op. cit., vol. I, p. 271, 393.
47. Report of the Philippine Commission, 1910, p. 17; 1911, p. 9; 1912, p. 11; 1913, p. 9.
48. Colquhoun, Greater America, p. 105—106.
49. Conant, Charles A., William H. Taft: Peacemaker of the Philippines, «*Putnams Monthly*», October 1908, p. 18.
50. What Has Been Done in the Philippines, p. 21.
51. Letters of Theodore Roosevelt, vol. III, p. 265.
52. Eighth Annual Report of the Philippine Commission, 1907, vol. I, p. 3—4.
53. Report of the Philippine Commission, 1908, vol. I, p. 12.
54. Forbes, op. cit., vol. I, p. 287; vol. II, p. 91—92.

Глава девятая

1. Rose, Saul, Britain and Southeast Asia, L., 1962, p. 64.
2. Sen. Doc. 191 (58 Cong., 2 Sess.), p. 10.
3. Seventh Annual Report of the Philippine Commission, 1906, vol. I, p. 65.
4. Maddison, Angus, Economic Growth of the West, L., 1964, p. 239.
5. Faulkner, op. cit., p. 392; Statistical Abstract, 1921, p. 868.
6. Maddison, op. cit., p. 67.
7. Reyes, Jose S., Legislative History of America's Economic Policy Toward the Philippines, N. Y., 1923, p. 39.
8. Statistical Abstract, 1912, op. cit., p. 218.
9. Moon, Parker Thomas, Imperialism and World Politics, N. Y., 1939, p. 533.
10. Statistical Abstract, 1912, op. cit., p. 106, 204, 566.
11. Thompson, David, World History from 1914 to 1961, Oxford, 1963, p. 86.
12. House Doc. 927 (62 Cong., 3 Sess.), p. 6.
13. Hugh-Jones, E. M., Woodrow Wilson and American Liberalism, L., 1958, p. 204.
14. Morrison, Samuel Eliot and Commager, Henry Steele, The Growth of the American Republic, vol. II, N. Y., 1962, p. 552.
15. Forbes, op. cit., vol. II, Appendix.
16. Shuster, Morgan W., Shall the Philippines Have a 4th of July? «*Century Magazine January*», 1914, p. 425.
17. Forbes, op. cit.
18. Taft, William Howard, The Philippine Islands. Address delivered before the Chautauqua Society, August 11, 1904 (Pamphlet).
19. Forbes, op. cit.

20. Taft, W. H., Holding the Philippine Islands. Address delivered before the Academy of Music, Brooklyn, November 13, 1913 (Pamphlet), p. 26.
21. Newspaper Interview, January 24, 1902 (Schurman Papers).
22. Letter to Rev. Francis E. Clark, November 20, 1900 (Ibid.).
23. Letter to Mr. John Frankenheimer, February 3, 1903 (Ibid.).
24. Letter to Erving Winslow, September 5, 1903. (Ibid.).
25. Morrison and Commager, op. cit., p. 465.
26. Garraty, op. cit., p. 210 (Letter to George Meyers, May 6, 1903).
27. Jessup, op. cit., p. 370.
28. Letter to Josephine Shaw Lowell, Dec. 10, 1903 (Schurman Papers).
29. Letter to editor, «New York Tribune», January 19, 1904 (Ibid.).
30. Letter of Edward W. Ordway to Schurman, April 27, 1904 (Ibid.).
31. Letter of Erving Winslow to Schurman, November 17, 1904 (Ibid.).
32. Letters to Erving Winslow, November 26 and December 22, 1904 (Ibid.).
33. Letter of Mrs. Lowell to Schurman, January 29, 1905 (Ibid.).
34. «List and Program» in: Schurman Papers.
35. House Doc. 894 (61 Cong., 2 Sess.), vol. I, p. 1.
36. House Report 2289 (61 Cong., 2 Sess.), IV, iii.
37. House Doc. 894, op. cit., vol. III, p. 5.
38. Elliott, op. cit., p. 60.
39. Report of the Philippine Commission to Secretary of War, 1910, p. 116—117.
40. House Doc. 1326 (61 Cong., 3 Sess.), p. 1.
41. House Report 2289, op. cit., XXXIII, XXXVIX, Lii.
42. Lanza, op. cit., July 1933, p. 229.
43. Forbes, op. cit., p. 199, 231.
44. House Doc. 1067 (62 Cong., 3 Sess.), p. 12.
45. Storey, Moorfield, The Democratic Party and Philippine Independence, Boston, 1913, p. 18.
46. Jones, William A., Misgovernment in the Philippines, Speech of January 28, 1913 (Pamphlet).
47. Forbes, op. cit., p. 188, 201—202, 371.
48. Report of the Philippine Commission, 1915, p. 31—32.
49. Forbes, op. cit., p. 461.
50. Quezon, Manuel Luis, The Good Fight, N. Y., 1946, p. 130.
51. Forbes, op. cit., p. 252.
52. Crow, op. cit., p. 43.
53. Forbes, op. cit., p. 231, 373.
54. Lanza, op. cit., October 1933, p. 250.
55. Quezon, op. cit., p. 127.
56. Bernstein, David, The Philippine Story, N. Y., 1947, p. 94.
57. Worcester, op. cit., p. 737.
58. Forbes, op. cit., p. 253.
59. «The Filipino People», October 1912.
60. Lanza, op. cit., p. 258—259.

1. Congressional Record, July 19, 1912, p. 9348—9349.
2. Sen. Doc. 416 (57 Cong., 1 Sess.), p. 3.
3. Taft, Holding the Philippine Islands, p. 23; House Report 606 (62 Cong., 2 Sess.), p. 12 (Statement, Cong. Jones).
4. House Report 1115 (63 Cong., 2 Sess.), p. 9.
5. Forbes, op. cit., vol. II, p. 461; Worcester, op. cit., p. 653.
6. President Calvin Coolidge, Letter to Governor-General Leonard Wood, April 6, 1927 (Forbes, op. cit., p. 561).
7. Hartendorp A. V. H., History of Industry and Trade of the Philippines, Manila, 1958, p. 54, 730.
8. McPhelin, Michael, The Purchase of Meralco, «Philippine Studies», July 1961, p. 526.
9. Hartendorp, op. cit., p. 721, 734.
10. Report, Office of Statistical Coordination and Standards of the Philippine National Economic Council, 1968 («Graphic», January 8, 1969, p. 64).
11. Statistical Bulletin, Central Bank of the Philippines, December 1965, p. 240. (Внешний долг Филиппин достиг к концу 1968 года свыше 734 миллионов долларов.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На рубеже XIX—XX веков Соединенные Штаты Америки вышли на арену мировой империалистической политики, вступив в борьбу за колонии, источники сырья, сферы приложения капитала. Американские правящие круги выдвинули специфические методы экспансии в различных районах мира: в отношении стран Латинской Америки они формулировали новую интерпретацию доктрины Монро, на Дальнем Востоке провозгласили политику «открытых дверей», против одряхлевшей испанской монархии развязали войну. В. И. Ленин подчеркивал, что испано-американская война 1898 года особенно четко отграничила в Америке этап монополистического капитализма и явилась первой в мире империалистической войной¹. В результате этой войны США установили свое господство на Филиппинах, острове Гуам и Пуэрто-Рико, протекторат на Кубе. Летом 1898 года американский конгресс одобрил и аннексию Гавайских островов, а год спустя США приняли участие в разделе островов Самоа. Такова была стартовая площадка американской империалистической экспансии. За прошедшие три четверти века, включая многолетнюю эскалацию войны в Индокитае, она принесла смерть и бесчисленные страдания миллионам и миллионам людей.

Соединенным Штатам не удалось создать «классической» колониальной империи, подобной британской или французской. Американский империализм опоздал к разделу колоний. Территориальный раздел мира был уже завершен, любая попытка его передела, захвата новых колоний означала прямую конфронтацию с могущественными

¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 164.

европейскими державами. Давала себя знать сравнительная военная слабость США в начале XX века, тормозом являлись также антивоенные и демократические традиции американского народа. В силу этого колониальная империалистическая экспансия США имела определенное своеобразие. Экономическое и военно-политическое господство США осуществлялось в ряде стран, пользовавшихся формально-правовой государственной и политической самостоятельностью.

Особенности американской империалистической экспансии получили апологетическое истолкование в буржуазной историографии. Историки школы так называемого «политического идеализма» (С. Бемис, Д. Перкинс, Ф. Р. Даллес, Ф. Танненбаум и др.) развивают концепцию об особом, якобы «альтруистическом характере» внешней политики США, «обеспечивающем процветание» остальным народам. Другие, не отрицая самого факта существования империализма США в прошлом, говорят о кратковременной «абerrации» американской внешней политики, о преходящем «колониальном эксперименте». По существу, сходные позиции занимают и историки школы «реальной политики» (Г. Моргенгау, Д. Кеннан, Р. Огсуд и др.), объявляющие определяющими факторами международных отношений «борьбу за выживание», «политику силы и баланса сил».

Советские историки и американские историки-марксисты многое сделали для развенчания этих мифов буржуазной историографии. В фундаментальных исследованиях В. А. Аварина, А. А. Губера, А. Л. Нарочницкой, Н. Н. Иноземцев, Л. И. Зубока, У. З. Фостера, В. Перло, Ф. Фонера¹ и др., исходя из ленинской теории империализма, были рассмотрены основные проблемы становления монополистического капитализма в США и проведения империалистической внешней политики в конце XIX —

¹ В. А. Аварин, Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия, М., 1947. А. А. Губер, Филиппинская республика и американский империализм, М., 1948 (1961, 2-е изд.); А. Л. Нарочницкой, Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860—1895), М., 1956; Н. Н. Иноземцев, Внешняя политика США в эпоху империализма, М., 1960; Л. И. Зубок, Экспансионистская политика США в начале XX века, М., 1969; У. З. Фостер, Очерк политической истории Америки, М., 1953; В. Перло, Американский империализм, М., 1951; Ф. Фонер, История рабочего движения в США, т. II, М., 1958,

начале XX веков. Свой немалый полезный вклад в изучение этих проблем вносит работа прогрессивного американского историка У. Помроя, с которой познакомился советский читатель.

Сильнейшей стороной исследования У. Помроя является комплексный охват процессов, которые лежали в основе американской внешней политики в Восточной Азии в конце XIX — начале XX веков. Автор ставит ее в связь с социально-экономическими особенностями развития США (богатство природных ресурсов, емкость внутреннего рынка, протекционистская политика, выгодное географическое положение и т. д.); показывает влияние империалистического соперничества; тщательно анализирует внутривнутриполитическую ситуацию в стране — столкновение различных социальных групп по экономическим, политическим, стратегическим и другим проблемам, оказавшее непосредственное влияние на цели и выбор средств при проведении внешней политики. В результате всестороннего анализа основные выводы автора о причинах провала широких планов империалистической экспансии США в Восточной Азии предстают весомыми и убедительными.

Наиболее обстоятельно У. Помрой анализирует империалистическую политику США на Филиппинах. На основе хорошо документированного материала автор показывает различные методы колониальной политики США на завоеванных островах: от варварского истребления местного населения до хорошо отработанного британскими колонизаторами приема «разделяй и властвуй». Еще три четверти века назад Филиппины послужили своеобразным полигоном для отработки методов «умиротворения», применявшихся во Вьетнаме. Попытки водой и истязания веревочной петлей, политика выжженной земли, концентрационные лагеря, 600 тысяч человек, погибших в результате военных действий, голода и болезней лишь на одном острове Лусон, — такова начальная цена «цивилизаторской миссии» США. Недаром великий американский сатирик Марк Твен в гневном антиимпериалистическом памфлете «Человеку, ходящему во тьме» (1901 год) заклеймил зверства американской военщины на Филиппинах и язвительно рекомендовал видоизменить флаг США, изобразив на нем «вместо звезд череп и кости».

Весьма интересен анализ У. Помроя административной, земельной, торговой политики американских завоевателей,

которая преследовала цель обеспечить торговые и инвестиционные интересы американских компаний на Филиппинах и была также средством укрепления позиций богатых помещиков-филиппинцев, на сотрудничество с которыми опирался колониальный режим.

Яркий и свежий материал приводит автор о повстанческом и национально-освободительном движении на Филиппинах (последние его очаги были подавлены лишь в 1911 году) и антивоенном и антиколониальном движении в США в 1898—1900 годах. Он ставит вопрос о их взаимовлиянии, показывает действенную помощь, которую оказали участники Американской антиимпериалистической лиги национально-освободительному движению.

Творческой манере У. Помроя свойственно острое чувство современности. Обстоятельный анализ исторических событий выполнен с публицистической страстью. Да и в целом разбираемые в книге Помроя проблемы перекликаются с основными аспектами захватнической политики американского империализма в Юго-Восточной Азии после второй мировой войны. Он подвергает критике нынешние планы мирового господства США, показывает, насколько военные авантюры пагубно влияют на решение неотложных внутренних проблем страны, отмечает рост антивоенного движения, охватившего широкие слои американского народа.

Отдавая должное достоинствам работы Помроя, следует отметить ее спорные моменты и слабости, на ряд которых указывала марксистская критика (прежде всего теоретический орган Коммунистической партии США журнал «Политикэл афферс»¹). Анализируя империалистическую политику США (по терминологии У. Помроя «неоколониалистическую»), автор не дает четкого определения неоколониализма. После прочтения книги у читателя создается впечатление, что американский неоколониализм в основных чертах сложился еще в начале XX века (стр. 12, 246 и др.). Между тем неоколониализм — понятие, которое применяется в целом к современной, послевоенной эпохе,

¹ «Political Affairs», October 1970, p. 60—65; January 1971, p. 56—58; October 1972, p. 58. См. также: В. Ф. Ли, Неоколониализм США и его истоки, «США — экономика, политика, идеология», 1970, № II, стр. 64—65.

периоду распада колониальной системы империализма и развития мировой системы социализма, когда империалистические державы в отличие от предшествующего времени вынуждены прибегать к новым экономическим и военно-политическим методам, направленным на подчинение освободившихся колоний. Конечно, неокониализм, как всякое историческое явление, сложился не сразу, отдельные его стороны и проявления известны в прошлом. У. Помрой склоняется к истолкованию неокониализма лишь как метода более прибыльной экономической экспансии, чем прямые колониальные захваты. Это приводит к неточностям в определении характера и направленности движения, принявшего название «антиимпериалистического», и его трактовка нуждается в известных коррективах.

Антивоенное и антиколониальное движение, возникшее в период испано-американской войны, было первым значительным общедемократическим движением империалистической эпохи. Руководящую роль в Антиимпериалистической лиге играла либеральная и мелкобуржуазная интеллигенция, но движение получило поддержку широких кругов мелкой буржуазии деревни и города и отчасти средней буржуазии. В пору своего подъема отделения Антиимпериалистической лиги были организованы во всех штатах и насчитывали более 700 тысяч человек¹. Выступления этих социальных групп в конечном счете отражали протест против монополий, которые угрожали их существованию, и против захватнической внешней политики США, отвечающей интересам тех же монополий. Политический вес и влияние Антиимпериалистической лиги пытались использовать в своих эгоистических интересах и общественно-политические круги, далекие от мелкобуржуазной оппозиции империалистическим захватам. Среди них была и группа бизнесменов, сторонников долларовой экспансии во главе с Э. Карнеги.

¹ В отчете казначея Лиги К. Хьюджеса от 20 ноября 1900 г. отмечалось, что численность Национальной ассоциации антиимпериалистических клубов, имеющихся в 45 штатах и на 5 территориях Союза, превышает 700 тыс. человек (Library of Congress. Manuscript Department. W. A. Croffut Papers. Secretary — Treasurer C. C. Huges — Washington League, Nov. 20, 1900). Близкие цифры приводят и другие источники. Так, например, Петтигру говорит о полумиллионе членов Лиги (Р. Ф. Петтигру, Торжествующая плутократия, М., 1922, стр. 292).

Отправляясь от принципов «свободной конкуренции» и буржуазно-демократических идеалов, «антиимпериалисты» не ставили целью коренные изменения в социально-экономическом строе США; они стремились избавить страну лишь от одного из самых отвратительных проявлений империализма — от агрессивных войн и колониальных захватов. Как отмечал В. И. Ленин, мелкобуржуазные критики не смогли увидеть того, что «колониальная политика и империализм — вовсе не болезненные, исцелимые уклонения капитализма... а неизбежное следствие самых основ капитализма»¹. При всем том движение «антиимпериалистов» явилось одним из тех демократических движений, которые подтверждали, что империализм «обостряет антагонизм между демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов»² и открывает новые возможности перед освободительным движением пролетариата, расширяя круг его союзников.

Изучение движения «антиимпериалистов» имеет свою историю. В работах советских и американских исследователей-марксистов отмечается мелкобуржуазный и либеральный характер протестов «антиимпериалистов», но в то же время высоко оценивается прогрессивный характер деятельности этих «последних могилок буржуазной демократии». Так, У. Фостер подчеркивал, что антивоенное и антиколониальное движение периода испано-американской войны выражало протест «широких демократических масс народа Соединенных Штатов» против империалистической агрессии³. В американской буржуазной историографии, которая декларирует непричастность большого бизнеса к испано-американской войне и возлагает ответственность за ее возникновение на американский народ, якобы простодушно пошедший за безответственной пропагандой, «антиимпериалисты» до последнего времени изображались как невлиятельная группа бессильных моралистов⁴. Появившиеся в начале 1960-х годов в американской историографии так называемые «новые левые» —

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 15.

² Там же, т. 30, стр. 102.

³ У. З. Фостер, Указ. соч., стр. 314.

⁴ F. H. Harrington, The Anti-Imperialist Movement in the United States, 1898—1900, «Mississippi Valley Historical Review», September 1935, p. 211—230; R. L. Beisner, Twelve against Empire. The Anti-Imperialists, 1898—1900, New York, 1963.

сложное и пестрое течение — выступили с критикой конформистских постулатов буржуазной историографии, но их собственное теоретическое кредо аморфно, они далеки от марксизма. Стремясь создать антитезу господствующим в буржуазной историографии взглядам, они в ряде важных вопросов встали на псевдорадикальные позиции. Так, американские историки В. Вильямс, У. Лафебер, Д. Роллинс и др., верно отметив, что империалистическая политика не всегда выливается в традиционный колониализм, изобразили участников Антиимпериалистической лиги как сильную и влиятельную фракцию монополистической буржуазии, которая расходилась со сторонниками экспансии лишь по методам проведения этой политики¹.

Заслугой У. Помроя является дифференциация антиимпериалистического движения. Анализируя его сложный социальный состав, он выделяет группы гуманитариев, «независимых политиков», либеральных и мелкобуржуазных реформаторов, занимавших ключевые посты в Антиимпериалистической лиге; членов Американской федерации труда, поддержавших Лигу; сельскохозяйственных производителей (прежде всего занятых возделыванием сахарного тростника и табака), чье отношение к колониальным захватам определялось опасением конкуренции дешевого колониального сырья; средних предпринимателей, связанных с отечественным рынком, и, наконец, ряд крупных бизнесменов — сторонников долларовой экспансии. Как видно из анализа У. Помроя, движение, породившее «великие дебаты» конца 90-х годов, охватывало широкие слои американского общества, и в нем участвовали лишь некоторые представители лагеря крупной буржуазии. Между тем автор рассматривает этот острый социальный конфликт по вопросам внешней политики как «раскол в правящих кругах США» (стр. 13). Кстати, с этой характеристикой не согласуются другие оценки У. Помроя, когда он пишет о «широком антиимпериалистическом движении» (стр. 177), но называет *всех* противников колониальной экспансии «неоколониалистами»

¹ J. W. Rollins, *The Anti-Imperialists and Twentieth Century American Foreign Policy, «Studies on the Left»*, 1962, № 1, p. 3—24; W. LaFeber, *The New Empire. An Interpretation of American Expansion, 1860—1898*, Ithaca, 1963; W. A. Williams, *The Roots of Modern American Empire*, New York, 1969.

(стр. 246—247). При такой оценке стирается важное отличие принципов идеологов доминирующего капитализма, выступавших за «свободное предпринимательство» и «свободу торговли», от экспансионистских доводов идеологов большого бизнеса. Когда К. Шурц, Э. Годкин, Э. Аткинсон и другие либералы старого толка ратовали за расширение торговли США и приобретение новых рынков, это было естественным распространением принципов манчестерства на международную торговлю. Эту социальную обусловленность их выступлений четко отмечали идеологи империалистической колониальной экспансии. Г. К. Лодж говорил, что члены Антиимпериалистической лиги — приверженцы старой манчестерской школы, которая утверждает, что «территориальное расширение или национальная экспансия должны быть оставлены, так как они означают нарушение свободы торговли», а Т. Рузвельт в письме к Мэхэну с раздражением отмечал, что в Америке «среди образованных людей сильны пережитки английских теорий 30-летней давности»¹. Другое дело — доводы против колониальных захватов представителей большого бизнеса. В их руках фритредерские принципы в международной торговле превратились в средство борьбы за безудержную долларовую экспансию и завоевание мировой экономической гегемонии США. В отличие от либералов старого толка сторонники долларовой экспансии отводили государству важнейшую роль в проведении внутренней и внешней политики. В. И. Ленин отмечал распространенность в Соединенных Штатах идей о «мировой мощи купца»², ссылок на возможность экспансии без дорогой и опасной колониальной политики. Именно представители этой части монополистической буржуазии, а не все «антиимпериалисты» выступили на рубеже XIX—XX веков провозвестниками политики, воплотившейся позднее в неоколониализме. После президентских выборов 1900 года антиимпериалистическое движение в США перестало быть заметной силой, из местных лиг продолжала существовать лишь самая старая — лига Новой Англии. Последний съезд Антиимпериалистической лиги состоялся в 1920 году, но уже в 1913 году ее президент М. Стори

¹ Цит. по: E. B. Tompkins, *Anti-Imperialism in the United States. The Great Debate, 1890—1920*, Philadelphia, 1970, p. 148—149.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 346.

писал Э. Уинслоу: «По правде говоря, если взглянуть фактам в лицо, вся Антиимпериалистическая лига — это в основном Вы да я»¹. Лишь в этот период, когда движение утратило массовость, на первый план выдвинулись представители долларовой экспансии из лагеря большого бизнеса, демагогически используя имя и знамя «антиимпериалистов».

Как подчеркивал также Д. Мейсон в журнале «Политикал афферс», У. Помрой «смешивает реформаторов, принадлежавших к среднему классу, с другими антиколониалистами, преследовавшими эгоистические цели... Реформаторы среднего класса были искренне заинтересованы в благоденствии филиппинского народа и с позиций гуманизма выступали против империалистической политики США. Они помогали не угаснуть борьбе против колониализма»². Это замечание важно и потому, что У. Помрой, касаясь прогрессистского движения в США в начале XX века и отмечая его связь с «антиимпериалистическим» (в них участвовали, по его словам, одни и те же «реформаторы»), не проводит грани между мелкобуржуазным движением за демократические реформы, за ограничение всевластия монополий и буржуазно-реформаторской деятельностью мастеров социального лавирования «прогрессиста» Т. Рузвельта и автора «новой свободы» В. Вильсона, стремившихся укрепить позиции монополий и помешать дальнейшему развитию демократического движения в стране³.

К слабостям в рассмотрении деятельности «антиимпериалистов» У. Помром следует отнести и недостаточное освещение участия рабочих организаций и их руководителей в движении антиимпериалистических лиг. Не только один С. Гомперс был представителем рабочих организаций в Лиге, как пишет об этом автор (стр. 124), — с момента

¹ M. C. Lanza, The Anti-Imperialist League, «The Philippine Social Science Review», July 1933, p. 226—227.

² «Political Affairs», October 1970, p. 62. Другой американский историк-марксист Г. Аптекер отмечал влияние взглядов «новых левых» на трактовку У. Помром движения антиимпериалистов («Political Affairs», October 1972, p. 58).

³ См.: И. А. Белявская, Буржуазный реформизм в США (1900—1914), М., 1968. Д. Мейсон также указывал на неправомерность соединения У. Помром «неоколониализма» с борьбой за реформы в США («Political Affairs», January, 1974, p. 58).

основания Антиимпериалистической лиги в ее работе принимали участие многие рабочие лидеры. Дж. Мак-Нейл, ветеран рабочего движения, близкий к социалистам, участвовал в собрании в Фенел-холле 15 июня 1898 года, положившем начало деятельности Антиимпериалистической лиги. Активно сотрудничали в Лиге популярные рабочие деятели Патрик А. Коллинз (рудокоп из Огайо, ставший затем одним из основателей бостонского тред-юниона мебельщиков) и Патрик Генри (один из основателей Гринбекерско-рабочей партии). С 1899 года руководитель Ордена рыцарей труда Дж. Хэйс являлся вице-президентом вашингтонской ветви Антиимпериалистической лиги. Решения съезда АФТ 1898 года, осудившие империалистический Парижский договор, способствовали установлению более тесных контактов АФТ с Антиимпериалистической лигой, они сотрудничали с целью заставить конгресс отказаться от ратификации договора с Испанией. Тысячи членов профсоюзов в индивидуальном порядке и отдельные организации АФТ направляли президенту США и конгрессу составленную совместно с Лигой петицию. За время сессии конгресса, на которой обсуждался мирный договор с Испанией, то есть с декабря 1898 года по март 1899 года, в протоколы конгресса была внесена 31 петиция от профсоюзов: Межнационального союза сигарщиков, Союза горняков штата Мичиган, рабочего совета Сан-Франциско и др.¹ Если сотрудничество АФТ и Антиимпериалистической лиги не стало более тесным, то во многом в этом виновата политическая индифферентность и «деловой тред-юнионизм», которые насаждались гомперсистами и вели к соглашательской политике с монополиями.

Жаль, что на страницах книги У. Помроя не нашлось места для социалистов. Слабость рабочего движения в США этого периода, отсутствие боевой революционной партии не позволили возглавить мелкобуржуазную и либеральную оппозицию политике колониальных захватов. Социалистическая рабочая партия во главе с Даниэлем Де Леоном и находившаяся в процессе формирования Социалистическая партия делали сектантские ошибки и не смогли в этот период найти путь к широкому массам трудящихся. В то же время они заняли по-настоящему

¹ Congressional Record, 51th Cong., 3d Sess., v. 32, part 1, p. 882; part 2, p. 1443, 1639.

антиимпериалистические и интернационалистские позиции в период «великих дебатов» 1898—1900 годов. В ряде случаев ими была сделана успешная попытка применения марксизма к анализу причин американской экспансии, разоблачения захватнического характера испано-американской войны и ее тяжелых последствий для американского пролетариата. (Прежде всего в антимилиитаристских выступлениях Юджина Дебса и его соратников.) Так, Юджин Дебс заявил в июне 1898 года: «Насколько мне известно, из 10 тысяч членов Социал-демократической партии ни один не записался в армию». «Тысячи людей не поддались влиянию военного психоза, — говорил он, — они понимают, что война — это убийство в национальном масштабе и что ее жертвами являются бедняки. При любом исходе войны ее последствия для рабочего класса всегда одни и те же. В 1894 году газеты обрушились на нас (бастующих железнодорожников. — И. Д.) за то, что мы якобы склонны к насилию и кровопролитию, а теперь эти же газеты выступают против нас, потому что мы не являемся таковыми. Мы против войны, но если перед нами встанет необходимость принять участие в этом кровавом деле, то только для того, чтобы уничтожить капитализм — этого общего врага угнетенных и эксплуатируемых всех народов»¹. Позиция социалистов явилась новым фактором в формировании общественного мнения в стране в области внешней политики. Социалисты, в частности, несомненно, оказали немалое влияние на принятие АФТ антиимпериалистической резолюции в 1898 году, послужившей платформой для совместных действий с Антиимпериалистической лигой (в этот период часть социалистов еще работала в реформистских профсоюзах и требование социализации средств производства поддержало в 1898 году около 20 процентов участников съезда АФТ).

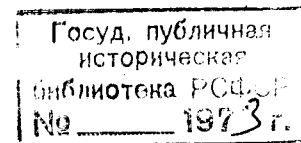
Прогрессивное значение антивоенного и антиколониального движения в США на рубеже XIX—XX веков бесспорно. Традиции антиимпериалистической борьбы вместе с антимонополистическими традициями демократических движений конца XIX — начала XX веков, переданные последующими поколениями американцев, особенно важ-

¹ R. Ginger, *The Bending Cross. A Biography of Eugene Debs*, New Brunswick, 1949, p. 203.

ны сейчас в связи с выдвижением американскими коммунистами на первый план задачи создания широкого антимонополистического фронта, социальная база для которого необычайно расширилась.

В целом книга У. Помроя — содержательное, насыщенное яркими фактами историческое исследование, исследование, в котором бьется живая марксистская мысль, помогающая решать актуальные вопросы современности. Благожелательный советский читатель оценит ее достоинства, обратив внимание и на некоторые ее слабые стороны.

Доктор исторических наук
И. П. Дементьев

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	5
Введение	7
Глава первая. Путь к империи. Дебаты 1898 года	15
1. Сторонники колониальной экспансии	15
2. Движение за реформы и антиколониализм	25
3. Война с Испанией. Дебаты разгораются	32
Глава вторая. Филиппинская дилемма. Колония или угольная станция?	42
1. «Освобожденные» базы	42
2. Логика захвата колоний	55
3. Мир заключен, война начинается	66
Глава третья. Американцы и филиппинцы. Привлечение или порабощение?	76
1. Как готовилось удушение республики	76
2. Комиссия Шермана и поиски альтернативы военному решению	83
Глава четвертая. Завоевание колонии	100
Глава пятая. Антиимпериалистическое движение в 1898—1900 годах	117
1. Оппозиция колониальным захватам	117
2. Президентские выборы 1900 года ничего не изменили	132
Глава шестая. Колониальная политика. Два тактических подхода	141
1. Империализм и законодатель	141
2. Органический закон и границы эксплуатации	145
3. Вместо министерства колоний — Бюро по делам островов	151
4. Макартур против Тафта, или военный империалист против штатского	155

Глава седьмая. Разочарование в Азии. От «открытых дверей» к «сторожевому посту»	174
1. Китайский рынок. Заманчивая цель и острая конкуренция	174
2. Военная проблема	192
Глава восьмая. Проблемы торговли и капиталовложений на Филиппинах	200
1. Текстиль, пенька и морские перевозки	201
2. Железные дороги, займы и банки	209
Глава девятая. Подновленный колониализм	219
1. Распирение американского внутреннего рынка	219
2. Капиталистические реформы и антиколониализм	223
3. «Обращайтесь с Филиппинами, как с Кубой»	228
4. Колониальный вопрос решен	233
Глава десятая. Подводя итоги	247
1. Затраты и прибыли	247
2. Неоколониализм: дебаты продолжаются	252
Библиография	259
Послесловие	272

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Готовится к печати:

БЛАНКЕ У. Заграничная служба Соединенных Штатов Америки. Пер. с англ.

Уэнделл Бланке — профессиональный американский дипломат — дает в своей книге достаточно полное представление о структуре, функциях и практической деятельности государственного аппарата, посольств, консульств США за рубежом, а также о дипломатической практике США. Приводятся сведения о взаимоотношениях различных ведомств, участвующих в проведении американской внешней политики (Центральное разведывательное управление, Министерство обороны, информационное агентство США и др.).